

Умаханов М.-С.К.

**ФЕОДАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ
ДАГЕСТАНА В XVIII – НАЧАЛЕ
XIX в. И ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ
(экономический аспект)**

Махачкала 2008

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Умаханов М.-С.К.

**ФЕОДАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ
ДАГЕСТАНА В XVIII – НАЧАЛЕ
XIX в. И ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ**

(экономический аспект)

instituteofhistory.ru

Махачкала 2008

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН

Ответственный редактор – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель наук РФ и РД А.Р.Шихсаидов

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Б.Г.Алиев
кандидат исторических наук И.Г.Семенов

Умаханов М.-С.К. Феодалыные владения Дагестана в XVIII – начале XIX в. и их взаимосвязи (экономический аспект). [Монография]. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН. 2008. – 256 с.

В данной монографии впервые в отечественной (в том составе и дагестанской) историографии на основе выявления, изучения, анализа и обобщения всех доступных и известных автору документальных материалов, архивных и других источников, историко-этнографических данных, опираясь на достижения и опыт отечественной историографии в областях изучения межэтнических торгово-экономических и политических взаимоотношений, сделана попытка охарактеризовать экономическое состояние всех феодальных владений, функционировавших в Дагестане в XVIII – начале XIX вв. и их торгово-экономические взаимосвязи, позволявшие им решать весьма сложные вопросы жизнеобеспечения в тогдашних суровых политических и естественно-географических условиях.

Работа состоит из двух частей. В первой из них дается краткая характеристика феодальных владений, их границ, резиденций, этнического и численного состава населения, воинских сил их и социально-экономического развития. Во второй части освещаются собственно торгово-экономические взаимосвязи всех феодальных владений Дагестана, для удобства освещения разделенных на три группы – Северного, Среднего и Южного Дагестана.

Работа в целом рассчитана на специалистов-историков, научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов и на читателей, интересующихся историческим прошлым народов Дагестана.

© Умаханов М.-С.К., 2008

© ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Часть I. Феодалыные владения Дагестана в XVIII - нач. XIX в.	8
§ 1. Феодалыные владения Северного Дагестана	8
а) Эндирейское княжество	9
б) Аксаевское владение	22
в) Костековское владение	29
г) «Владение шубгах шамхала»	38
д) Система управления в феодальных владениях Северного Дагестана в XVIII - нач. XIX в.	40
е) Социальное развитие феодальных владений Северного Дагестана в XVIII - нач. XIX в.	49
§ 2. Феодалыные владения Среднего Дагестана	56
а) Тарковское шамхальство в XVIII – нач. XIX в.	57
б) Мехтулинское ханство	67
в) Аварское ханство	75
г) Казикумухское ханство	83
д) Кайтагское уцмийство	100
§ 3. Феодалыные владения Южного Дагестана	119
а) Дербентское ханство	122
б) Табаранские майсумство и кадийство	133
в) Кюринское ханство	150
г) Цахурское (Элисуйское) султанство в XVIII - нач. XIX в.	159
Часть II. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX в. (экономический аспект)	167
§ 1. Взаимоотношение феодальных владений Северного и Среднего Дагестана в XVIII – начале XIX в.	167
а) Экономические связи кумыкских феодальных владений с феодальными владениями и обществами Нагорного Дагестана	167
б) Торговые пути из Засулакии в горную часть Дагестана	176
в) Роль Мехтулинского ханства в экономических связях плоскостных сел с горскими обществами Дагестана	182
г) Дороги, связывающие Аварию с Мехтулой и шамхальством Тарковским	186
д) Торговые пути, связывавшие между собой феодальные владения равнинного Дагестана.....	191
е) Место Кайтагского уцмийства в экономических связях народов Дагестана	194

§ 2. Экономические взаимосвязи феодальных владений Южного и Среднего Дагестана в XVIII – начале XIX в	198
а) Экономические взаимосвязи феодальных владений плоскостного Дагестана (Дербентское ханство, Кайтаг, Тарковское шамхальство)	200
б) Табасаранское майсумство в торгово-экономических связях феодальных владений Южного Дагестан	209
в) Место Цахурского (Елисейского) султанства в экономических взаимоотношениях народов и феодальных владений Южного Дагестана	218
г) Кюринское ханство в системе экономических взаимосвязей феодальных владений Дагестана	220
д) Зерновая проблема в торгово-экономических взаимосвязях феодальных владений Дагестана	224
е) Состояние торговых путей и их значение в развитии торгово-экономических взаимосвязей между феодальными владениями Среднего Дагестана	230
Заключение	238

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучаемой нами темы в сложившихся после распада СССР политических условиях в северокавказском регионе, да и собственно в Дагестане, когда резко повысился интерес народов к своему историческому прошлому, к проблеме суверенитета, когда начали раздаваться голоса о необходимости создания даже в Дагестане «чистых этнических» государств – республик, стала распространяться опасная «теория» о коренных и некоренных народах, об этнических территориях, не вызывает сомнений.

Основная идея исследуемой проблемы заключается в объективном показе всех существовавших на территории Дагестана в XVIII- начале XIXв. феодальных владений, в освещении на основе имеющихся и доступных исследователям разнообразных источников и достижений отечественной историографии истории образования, социально-экономического и политического развития занимавших приблизительно половину территории Дагестана феодальных владений, а также их экономических, политических и культурных взаимоотношений. Это, в свою очередь, должно показать перспективность идеи действий за сохранение политического единства Дагестана и дружбы его народов и в будущем.

Число феодальных владений на территории Дагестана постоянно менялось. Оно не было неизменным и в XVIII - нач. XIX в., так как некоторые из них распадались на новые, а другие объединялись, укрупнялись. Они различались по многим параметрам – по величине занимаемой территории, по численности и этническому составу населения, по уровню социально-экономического развития и т.д. Различались они и по уровню состояния изученности их исторического прошлого, изучение которого осложнялось тем, что феодальные владения Дагестана исследуемого периода не были расположены компактно, не все граничили друг с другом, располагались в разных естественно-географических зонах, занимали совершенно разные стратегического характера позиции. Определенное влияние на их взаимоотношения оказывала этническая и соответственно языковая пестрота Дагестана. При общем стремлении к созданию моно-

этнических феодальных объединений, все же в Дагестане преваляла полиэтничность государственных образований, особенно крупных из них (Казикумухское и Мехтулинское ханства, Тарковское шамхальство, Дербентское ханство, Табаранское майсумство, уцмийство Кайтагское).

Осложняется задача их всестороннего изучения и малочисленностью и слабой информативностью имеющихся источников по многим аспектам исследуемой проблемы, разбросанностью сведений по ним.

И, тем не менее, назрела настоятельная необходимость глубокого изучения и освещения в совокупности истории всех феодальных владений Дагестана и их взаимоотношений в XVIII – начале XIX в.

В структурном плане мыслится в I-й части работы охарактеризовать сами феодальные владения Дагестана, их границы, резиденции, занятые ими территории, количество и этнический состав их жителей, численность их воинских сил, их социально-экономическое развитие и т.д.

Конкретная цель второй части данного исследования заключается в освещении экономического развития в XVIII- начале XIX в. и состояния экономических взаимосвязей феодальных владений Северного Дагестана (или Засулакии): Эндирейского, Аксаевского и Костековского княжеств, как их называли в документах того времени.

Другим аспектом этой части работы является освещение на основе имеющихся фактических данных экономических связей между засулакскими княжествами и феодальными владениями Среднего Дагестана, под которыми подразумеваются Аварское, Мехтулинское, Казикумухское ханства, а также Тарковское шамхальство и Кайтагское уцмийство.

Перед нами стояла нелегкая задача – показать по сути дела взаимосвязи более десяти феодальных владений Дагестана при довольно скудной источниковой базе и слабой разработанности проблемы их экономического развития и форм проявления их экономических связей, хотя этот вопрос и затрагивался в трудах многих исследователей истории Дагестана XVIII-XIX вв., на которые нами даны подробные сноски.

Поэтому мы не акцентируем в работе особого внимания на освещении их вклада в изучение проблемы взаимосвязей феодальных владений и истории этих княжеств, ханств и т.д., так как это достаточно полно сделано в моей в соавторстве с Б.Г.Алиевым работе «Историческая география Дагестана XVII-начала XIX в.» (Махачкала. 1999г. Кн. I; 2000. Кн. II).

В целом же данная работа мыслилась как первая книга, посвященная освещению феодальных владений Дагестана и их взаимосвязей в XVIII- начале XIX в., поскольку в ней раскрываются лишь экономические взаимосвязи многочисленных ханств, княжеств, султанств и т.д. Дагестана. Однако получилось так, что мне на 2004-2005 гг. было запланировано исследование и освещение политического плана взаимосвязей всех феодальных владений Дагестана XVIII- начала XIX в. Эта задача была успешно выполнена и уже вышла в свет моя монография «Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX вв.» (политический аспект). (Махачкала. Тип АЛЕФ. 2007. – 328 с.).

Не могу не отметить, что конкретных источниковых данных собственно об экономических связях между феодальными владениями Дагестана очень мало. Буквально по крупницам приходилось изыскивать эти данные, чтобы не перегружать по мере возможности данную работу общими фразами и так называемыми историко-этнографическими или полевыми данными, без которых и здесь трудно обойтись в условиях сложившейся действительности – узости источниковой базы по затронутому в данной работе аспекту проблемы. В ней основной упор делается на конкретные сведения источников, имеющих отношение к изучаемому аспекту истории Дагестана XVIII – нач. XIX вв.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ЧАСТЬ I

ФЕОДАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ДАГЕСТАНА В XVIII - НАЧ. XIX В.

§ 1. Феодалы владения Северного Дагестана в XVIII – нач. XIX в.

В историко-географической литературе уже отмечено, что понятие «Северный Дагестан» - условное. В разные исторические периоды оно могло быть трактуемо несколько иначе, чем в наше время. Это зависело в большей степени от административно-политического разделения страны, от распространения власти дагестанских феодальных правителей на ту или иную область Северного Кавказа. На картах разных времен издания северные границы Дагестана указываются разные»¹. В географической литературе обращено внимание на то, что «Северный Дагестан включает в себя три северных административных района республики и город Кизляр», что Терско-Сулакский регион состоит из четырех районов равнинной и предгорной зоны»².

Хотя на современных административно-политических картах (к примеру, карта «Дагестанская АССР // ГУГК, 1987) северные границы Дагестана охватывают территории нынешних Ногайского, Тарумовского и Кизлярского районов, говорить о том, что в изучаемый нами период истории дело обстояло так, не приходится. Для этого нет достаточно убедительных оснований.

Более аргументированно можно говорить о вхождении в состав Дагестана еще в XVII в. территории, заключенной между реками Терек с севера и Сулак (Койсу) с юга. Еще турецкий путешественник – географ Эвлия Челеби писал, что «в начале месяца зилькаде (5 мая 1076) 1666 года вступил я в границы исламского Дагестанского падишахства и прошел по берегу ре-

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX вв. Махачкала, 1999. Кн. I. С. 105.

² Пашаев К.И. О проблеме регионализации школьного курса «География Дагестана». // Тез. докл. конф. по итогам географич. иссл. в Дагестане. Махачкала, 1994. Вып. XXII. С. 109.

ки Терек на восток 15 часов»¹. Из этого видно, что Эвлия Челеби подразумевал под северной границей тогдашнего Дагестана реку Терек.

Очертить южные границы «Северного Дагестана» позволяют его же слова о том, что «на расстоянии одного перехода от Терека – большая река Койсу», юго-восточная сторона которой «является владением дагестанского падишаха»², под которым он подразумевал шамхала тарковского.

Так вот, на территории между реками Сулак и Койсу, а также между Салатавией и Каспийским морем на востоке к концу XVII – началу XVIII в. существовали три считавшиеся кумыкскими феодальными владения или княжества, образовавшиеся в результате процесса феодального дробления Эндирейского княжества в конце XVII в. Попробуем их вкратце охарактеризовать.

а) История образования Эндирейского княжества в результате острой борьбы между сыновьями шамхала Чупана Ильдаром, Магомедом, Андием и Гиреем, с одной стороны, и их братом Султан-Мутум, рожденным от брака шамхала на знатной, хотя кабардинской узденке, и потому считавшемся чанка-беком и не имевшим, по мнению его братьев родных лишь по отцу, рожденных от дочери кайтагского уцмий и считавшихся полноценными беками с владельческими наследственными правами, с другой стороны, хорошо в литературе освещена.

Известно, что Султан-Махмуд был очень энергичным человеком, принимал активное участие в деле изгнания в 1604 – 1605 гг. из Дагестана войск царской России, захвативших осенью 1604 г. селение Тарки и оставшихся там зимовать, вытеснив оттуда в горы престарелого шамхала.

Источники свидетельствуют, что Султан-Махмуд с помощью отряда войск, собранного при содействии его родственников по матери и приведенного им из Кабарды, сумел отсто-

¹ Челеби Эвлия. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 104.

² Бакиханов А.К. Гюлистан-Ирам. Баку. 1926. С. 88; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. (Далее – Магомедов Р.М. Указ. соч.). С. 152-153.

ять от братьев себе в удел земли между Терекон и Сулаком и образовать свое владение, получившее название Эндирейского (или Андреевского по русским документам). Наиболее полный анализ сведений о происхождении и родственных связях Султан-Мута эндирейского дается в работе А.С. Акбиева¹. Однако, этот вопрос, мне кажется, все более и более запутывается исследователями. Я придерживаюсь приведенного выше мнения А. Бакиханова² и поэтому обхожу этот, хотя и важный в плане происхождения и образования Эндирейского владения, но выходящий далеко за хронологические рамки данного исследования, вопрос.

Отметим, что Эндирей (он же – Андреево, Андрей, Эндерей) «являлся якобы сторожевым пунктом у границ Салатавии, Ауха и Кумыкии, и кроме того, вблизи него проходили торговые пути из Персии в Крым и на север», как это отмечено еще в 1957 г. известным дагестанским историком Р.М. Магомедовым³.

А.С. Акбиев пишет, что в конце XVII – начале XVIII вв. Эндиреевское владение «находилось под властью беков пяти фамилий: Казаналиповых, Темировых, Алишевых, Айдемировых и Аджиевых»⁴, хотя эти сведения взяты из работы А.И. Ахвердова, написанной в 1804 г. Бесспорно же только его мнение, что Эндиреевское владение, в котором проживали не только кумыки, но «и чеченцы, горские евреи, армяне и другие» народы, было «самым крупным владением в Засулакской Кумыкии»⁵.

¹ Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1998. (152 с). С. 104-105.

² Бакиханов А.-К. Указ. соч. Баку, 1926. С. 88; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. (Далее – Умаханов М.-С.К. Указ. соч.) С. 9-10, 131, 137-141.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала. 1957. – 408 с. – С.153.

⁴ Акбиев А.С. Кумыки... С. 110; Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 213.

⁵ Там же.

Наиболее достоверными сведениями о правителях Эндирейского владения в первой трети XVIII в. являются данные коменданта крепости Святой Крест от 1732 г. Д.Ф. Еропкина, писавшего: «Андреева деревня, в ней жительство имеют: «1». Мусал Чепалов, которой ныне имеет над всеми андреевскими владельцами первенство, «2». Айдемир Хамзин, «3». Алдигирей Чепан Чемхалов, да у оных владельцев во владении их деревни: «1», Алберю, «2», Караблак, «3», Тумен, а расстоянием от крепости состоят 50 верст, а до протчих по 70 и 80, проезд ко всем свободной, положение мест, гладкое, да бывшего ж андреевского владельца Казан Алипа княгиня Бахтын бика з детьми жительство имеется в Андреевой деревни, да под ведением ее имеет деревни Кубар, Асанбек, Цубуд, проезд к оным трудной, расстоянием от крепости Святого Креста верст по 80 и по 100»¹.

Однако трудно уловить в указанных Д.Ф. Еропкиным именах владетелей Эндирея сходство с перечисленными А.С. Акбиевым фамилиями владетелей Эндирея – Казаналиповых, Темировых и т.д., кроме имени «бывшего же андреевского владельца Казана Алыпа».

Интересные данные об Эндирее оставил И.-Г. Гербер. Он писал в 1728 г., что «уезд» «Андрей или Ендрей» расположен «между реки Аксай и Сулак в нижних горах» и «состоит в одной великой деревне, которая между горами и густыми лесами построена, и проходы туды трудные»². Сведения И.-Г. Гербера о том, что «к оной деревне (т.е. Эндирею – У.М.-С.К.) принадлежит уезд, токмо невеликой, в котором также татары построились», не позволяют говорить об особой величине Эндирейского владения или уезда.

Тем не менее, не будем и приуменьшать его величину, а только, отметим, что это селение в 1722 г. «от российского войска, несмотря на крепкую ситуацию, но и на храбрую оборону обитателей», было взято, разорено и только после принятия его

¹ Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 122.

² Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Арх. материалы. / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит.-ры. 1958. (Далее – ИГЭД). С. 69.

владельцем Айдемир в 1723 г. присяги на верность России ему было Петром I разрешено «опять построиться», т.е. восстановить село¹.

По сведениям И.-Г. Гербера, эндирейцы исповедовали ислам, являлись суннитами. Их правителем был в 1728 г. Айдемир. Под российской властью они считались с 1722 г., т.е. со времени похода Петра I в Прикаспий.

Об их занятиях И.-Г. Гербер писал: «Имеют пашен и скотину, а притом всегда воровством питались, токмо оное ныне им запрещено и принуждены своими домашними промыслами жить». Отметил И.-Г. Гербер и то, что они «употребляют оружие огненное (огнестрельное – У.-М.-С.К.) и луков, и у всех добрые сабли», что подати они платят своему владельцу², а не государю, что основали это село беглые российские люди и казаки, соединившиеся с такими же татарами и грабившими всех проезжавших в этих краях купцов; особенно они старались угнать лошадей и скот. Подчеркнуто И.-Г. Гербером, что в силу их грабительских действий эндиреевцев «купцы принуждены были торг сухим путем оставить»³ (речь идет о торговых караванах, следовавших между Астраханью и Шемахой).

Эти лаконичные сведения российского дипломата и чиновника, побывавшего в Дагестане в 1725 – 28 гг., содержат добротную, достоверную информацию, в целом верно отражают картину жизни того времени в Дагестане и Эндирейском владении.

Якоб Рейнеггс (1744-1793 гг.), побывавший на Кавказе и находившийся на русской службе в течение более года в Тбилиси, оставил рукописную работу о Кавказе. В ней есть сведения и о Дагестане, в частности об Эндирее. По его сведениям: «На правом берегу реки Адам-сун, при самом том месте, где она, оставляя горы, по равнинным полям начинает свое течение, находится знатной город Андрие, состоящий из 3000 дворов. За 1200 лет оной город был известен под именем Бальк, его почитали тогда столицей Тесте-Кипчака, ибо в нем имел

свое пребывание монгольский князь или гаканбашенг...»¹. Следовательно, Эндирей к 80-м годам XVIII в. представлял собой довольно крупный населенный пункт с более, чем 10-тысячным населением.

Действительный член Русской Академии наук с 1771 г. И.А. Гильденштедт в 1770-1773 гг. побывал на Кавказе, в том числе и в Дагестане. Он также оставил сведения об Эндирее, писал, что «Эндрей, по российски Андреева деревня при Окташе, текущем в реку Койсу, где обретается теплица, прозванная господином Гильденштедтом теплицею св. Андрея. Она принадлежит кумыко-татарским князьям Темиру и Яхсай-Элде из фамилии шамхала, что в Тарку»².

Сведения этих авторов позволяют говорить о том, что селение Эндирей занимало важное стратегическое положение, позволявшее ему контролировать сухопутную трассу мирового торгового, можно сказать, «шелкового пути», соединявшего страны Европы со странами Востока через Россию, Дагестан, Азербайджан, Иран, Китай и т.д.

Для полноты картины необходимо привести и сведения знатока Дагестана, каковым являлся кизлярский комендант А.И. Ахвердов, писавший в 1804 г. об Эндирее, что в нем старшим владельцем являлся Али Солтан Казаналипов, что в селе этом проживало до тысячи семей, а душ мужеска пола вооруженных могут собраться до трех тысяч человек; со всеми же окружными около оной деревнями могут собраться вооруженных до шести тысяч человек»³. Указал он и точное расположение села на реке Акташ, отметил его принадлежность «пяти фамилиям владельцев андреевских: Казаналиповым, Теми-

¹ Рейнеггс Я. Выдержки из его рукописи. // Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. Сост.-е, предисл., вступит. слово к текстам и примечания проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1992 – 304 с. С. 253. § 32. (Далее – Дагестан в известиях...).

² Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия академика Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770-1773 гг. // Дагестан в известиях... С. 219.

³ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 213.

¹ Там же. С. 70.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 70.

ровым, Алишевым, Айдемировым, Муртузали Аджиевым»¹, которые по неизвестным нам основаниям отнесены А.С. Акбиевым к концу XVII – первой половине XVIII в.², хотя в цитируемом источнике речь идет о 1804 г.

О большом торгово-экономическом значении селения Эндирея в жизни народов региона его нахождения А.И. Ахвердов написал, что «деревня сия есть всему кавказскому народу воротами, ведущими на плоскость, в которую из всех мест лезгинцы, в Кавказе внутри живущие, чеченцы и прочие народы достатых ими в плен разных родов людей приводят на продажу, которых большею частью покупают у горцов и чеченцов сами андреевские жители и продают в Кизляр с хорошими выгодами для употребления в садах виноградных... Настоящая же прибыль андреевцов состоит в хлебопашестве, скотоводстве и в возке на продажу в Кизляр дров, кольев для садов виноградных, строевого лесу»³.

А.И. Ахвердов обратил внимание и на то, что эндиреевские владельцы «без согласия подвластных своих узденей, то есть дворян, никакого дела предпринять не могут, а чаще бывает, что они должны соглашаться на мнение узденей, нежели уздени на владельческие предложения»⁴. Определены А.И. Ахвердовым и границы Эндирейского владения: «к горам – река Койсу, а к плоскости Каспийское море и река Терек, у которой кочуют небольшая часть принадлежащих владельцам нагайцов»⁵. Упомянул А.И. Ахвердов и то, что «владение сие (т.е. Эндирейское – У.-М.-С.К.) в подданстве состоит всероссийского престола и всякие повеления начальства восполняют без отлагательства»⁶.

Семен Броневский уже в начале XIX в. писал о селении «Эндери» (Эндирей), что оно «лежит в горах на речке Акташе, которая по ниже оттуда называется Казма, расстоянием 90 верст от Кизляра и в 18 верстах от Аксаевской деревни». По его

сведениям, в Эндери насчитывалось до 1000 дворов. Территория, принадлежавшая этому селению, простиралась «извилистою полоскою между речками Еман-су, Казьюмою и левым берегом Койсы до Каспийского моря, и по ту сторону Койсы верст на десять до рукава Сухой – Койсы, который служит границею между Шамхальским владением»¹. Он же подчеркивал, что Эндирейское владение, т.е. «сей округ больше Аксаевского и пространством и населением», что старшим князем считался Али-Солтан Касан-Алипов, что «одна Андреевская деревня, с приписными к ней усадьбами, поставить может до трех тысяч человек» военных², что подвластные эндирейским князьям нагайцы кочевали «по равнине между реками Еман-су и Казьюмою»³.

По сведениям С. Броневского «деревни Казиур и Темирова на Койсе» принадлежали «к Андреевскому округу» – т.е. Эндирейскому владению. Он же приводит легенду о происхождении названия села Эндирей от имени казачьего атамана Андрея, основавшего якобы это село вместе с тремя сотнями казаков⁴. Согласно его данным в Эндери функционировала в изучаемый период ярмарка, где продавали пленных, присылаемых из Дагестана и т.д.⁵

Интересно его сообщение о том, что большинство пленников составляли иноверцы – грузины, армяне, мингрельцы, но что «бывают между ими магометане и горские жители, захватываемые по случаю междоусобных распрей в баранту (gerresailles) или продаваемые своими родителями от бедности»⁶. Цена же пленников колебалась от 150 до 200 рублей. Лет через 6-7 эти рабы (пленные) обыкновенно получали свободу⁷. По словам С. Броневского, этот торг выгоден был особенно кизлярским жителям, которые «посредством онаго» доставали за дешевую цену работников для обрабатывания виноградных са-

¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского. 1823. Ч. II. С. 195-196.

² Там же. С. 196.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 197.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 198.

⁷ Там же. С. 199.

¹ Там же.

² Акбиев А.С. Кумык... С. 110.

³ Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 213-214.

⁴ Там же. С. 214.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

дов своих¹. Царское правительство все делало, по утверждению С. Броневского, для прекращения торговли пленниками в пределах Северного Кавказа и тем более их вывоза через Анапу и Черное море в турецкие города².

И все же, как верно отметил С. Броневский, «андреевские кумыки, равно как и прочих округов жители (речь идет об аксаевцах и костековцах – У.М.-С.К.), не меньшую» получали «прибыль от сельского хозяйства и от продажи своих произведений в Кизляре». Иначе говоря, у эндирейских жителей основным занятием было сельское хозяйство. Они сеяли пшеницу, рожь, ячмень, просо, кукурузу, производили шелк для своего обихода³. Занимались жители Эндирейского владения и животноводством. Оно у них было довольно хорошо развито. Об этом свидетельствует утверждение С. Броневского, что эндирейцы «рогатого скота и овец имеют в изобилии по причине довольства в пажитях»⁴, т.е. в пастбищах.

Серьезным источником доходов для жителей Эндирейского владения служила перевозка ими в Кизляр дров и строевого леса для продажи, а также съестных припасов.

Интересно объяснение С. Броневским факта вовлечения эндиреевцев в перечисленные виды хозяйственной деятельности. «Можно сказать, что они побуждаемы к сей деятельности, как будто невольно, плодородием земли и соседством торгового города, произведенного весьма приметное действие над безчувственною их закоснелостию. И хотя кумыки мало изменились в нравах, будучи преданы праздности и пьянству, однако живут достаточно, имея под руками щедрые дары природы и способы сбывать оные. Они уже сделали первый шаг к гражданскому образованию⁵», – писал он по этому поводу.

Здесь важно отметить, что С. Броневский при всех его не очень справедливых оценках деятельности эндирейцев все же подчеркнул основные виды их хозяйственно-экономической деятельности: земледелие, животноводство, ремесла, торговля,

т.е. их склонность к производительной деятельности и «гражданскому образованию».

Что касается внешнеполитической линии эндирейских правителей в изучаемый период, они всегда согласовывали свои действия с аксайскими и костековскими владельцами.

Согласно сведениям П.Г. Буткова, отношения эндирейских князей к России в начале XVIII в. носили не совсем ясный характер. Он писал, что среди кумыкских владельцев «одни эндирейские кумыцкие владельцы были подозрительны, но и от них, по уверению губернатора (астраханского – авт.) Волынского нельзя было ожидать противности, хотя пред сим они и оказывали явное неприятелиства терским селениям российским по подущению крымского хана»¹.

Дальнейший ход событий показал ошибочность предположений астраханского губернатора А. Волынского. Как писал П.Г. Бутков, «эндирейские владельцы, старший, Айдемир и Мусал Чепалов, которые, владея еще и знатною частью чеченцев, в минувшем 1721 году причинили столько вреда окольным городам Терки, а теперь (речь о времени похода Петра I в 1722 г. в Прикаспий – авт.) ожидали российского мщенья и не изъявляли покорности, которую ожидали (по уверению Волынского), приготовились к обороне: «жители Эндери, где считалось тогда до 3 т. дворов, отослали семьи и имение свое в горы, а в самой Эндери сделали засеки по улицам и окрестным проходам, как то обыкновенно у кавказцов»².

Важно попутно остановиться на вопросе о том, как войска Петра I оказались в 1722 г. у села Эндери, поскольку этот момент обойден практически всеми авторами, писавшими о сражении петровских войск с эндирейцами 23 июля 1722 г. П.Г. Бутков писал по этому поводу следующее: «Когда генерал-майор Кропотов вел сухопутно кавалерию от Волги к Теркам, и в сем пути от безводицы и худых трав кавалерия несказанный труд в пути своем имела, то государь, дабы наказать эндирийцев и обеспечить тыл свой, послал на встречу указ, чтобы бригадир Ветерани с своим деташаментом, в коем находилось дра-

¹ Там же.

² Там же. С. 199-200.

³ Там же. С. 200.

⁴ Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 200.

⁵ Там же. С. 200-201.

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I. С. 16.

² Там же. С. 21.

гун три полка, содержащих до 2 т. человек и 400 казаков, шел к эндерийской деревне и оную разорил, ежели не укреплена, как слух носился»¹.

Ветераны во исполнение указа Петра I «следовал еще прямым путем от г. Терки к реке Койсу и, сближаясь к Эндери, вошел в ущелье, то 23 июля вдруг, нечаянно, с высоких мест, из лесу встретили его неприятели, коих было от 5 до 6 т. эндерийцев и чеченцов, стрелами и пулями, так жестоко, что несколько из российских войск было побито»². Но в конечном итоге русские войска, потеряв при этом около 80 драгун, одержали верх, благодаря атаке во главе с полковником Наумовым непосредственно на село Эндери. Многие эндерийцы были «порублены, многие взяты в плен», а остальные разбежались³. В результате боевых действий вся деревня была «разорена и превращена в пепел; получена знатная добыча» русскими, а к Теркам была возвращена часть ногайцев, которых увлекли эндерийцы за год до этих событий. Петр I весьма сурово обошелся с эндерийцами. После Ветераны 4 августа на Эндери были направлены подошедший с драгунами ген.-м. Кропотов, а также 10 тысяч донских и малороссийских казаков под начальством Краснощокова и 5 тысяч калмыков Аюки-хана для наказания эндерийцев. По утверждению П.Г. Буткова, «калмыки действительно в том же августе произвели опустошение эндерийцам и простирая оное, по обыкновению, далее пределов, отбили баранов, быков и лошадей не только у эндерийского владельца Чопала Чопалова», но даже и у присягавшего Петру I «аксайского султана Магмута»⁴.

В конечном итоге «эндерийцы, раскаявшись, прислали к государю посланцов, прося прощения и принося свое подданство, на которое и дали присягу, включив в оное, в первый еще раз, и подданных своих чеченцов». Император позволил эндерийцам поселиться в своем селе, но не укрепляя его. Они не

были обложены и какой-либо данью, так как Петр I не хотел обострять отношения с ними и вообще с дагестанцами¹.

Это, видимо, в какой-то мере обеспечило спокойствие эндерийцев в 30-40-х годах XVIII в., когда Надир-шах вторгся в Дагестан. Дело дошло до того, что эндерийцы отказались поддерживать надировские войска даже путем продажи им съестных припасов, поскольку русское правительство запрещало «выпуск съестных припасов к персидским портам Каспийского моря никому, кроме через руки российских купцов». Когда «скупщики шаховы хотели покупать у эндерийцев и отправились туда в феврале 1742 года», кумыки потребовали столь высокие цены за съестные припасы, что этим очень огорчили шаха, который был и так зол на них за поддержку ими борьбы горцев Дагестана против шахских войск².

Шах собирался напасть на эндерийцев за это. По русским сведениям это должно было произойти в 1743 г. Как писал П.Г. Бутков, «Надир решался учинить внезапное нападение, тогда Терек покроется льдом, зимою, в располох, как на эндерийцов, так и на других окрестных народов; оттуда пробраться в Кабарду; напасть на Кизляр и вторгнуться в российские границы»³. Для осуществления этого плана Надир-шах «назначил к нападению на эндерийцов и других кумык главнейшие свои силы, а к нападению на российские границы войска своего 12 т. с 35 пушками большими и малыми и с 15 мортирами, и надеялся на помощь солтанаульцов и прочих нагай, кочующих при Кизляре»⁴.

Царские власти хорошо знали об этих планах Надир-шаха и поэтому они предпринимали соответствующие контрмеры. Как подчеркивал П.Г. Бутков, «предпринято отвращать надировые войска в случае нападения на Эндери и, вообще, на кумыкские деревни, и держаться в оборонительном положении, так, что и по отражении шаха далее за ним в земли его не следовать». В 1742 г., в октябре месяце в Иран через Кизляр был провожден посол шаха, возвращавшийся из Петербурга. То-

¹ Там же. С. 21-22.

² Там же. С. 22.

³ Там же.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 22.

¹ Там же. С. 23.

² Там же. Ч. I. С. 212-213.

³ Там же. С. 220.

⁴ Там же. С. 221.

гда же по реке Койсу (т.е. по северному рукаву оной) учреждены форпосты, а в деревнях Эндери и Костеках поставлены команды. Зимой же 1743 г. в подкрепление этих команд прислано было 2 тыс. человек во главе с полковником Шилингом. Для оберегания от вторжения шахских войск кумыкских деревень тайными дорогами с командою войска был послан кизлярский комендант, бригадир, князь В. Оболенский¹.

Более того, шаху через российского резидента при нем переводчика Братищева было «представлено, дабы он намерение свое на Эндиреевскую деревню оставил, на оную притязания не чинил и не полагал бы границу Персии по самый Терек, как и в заключенном трактате о сем не сказано». Шаху было заявлено, что «на самом деле, граница владений шамхаловских к северу оканчивается рекою Койсу, по выходящему из оной южному рукаву Сулаку»².

И шах вынужден был тогда отказаться от своих агрессивных намерений и начать отвод войск из Дагестана в Муганскую степь³.

После смерти Надир-шаха в июне 1747 г. эндирейцы стали все более сближаться с Россией. Они собирались вместе с аксаевцами и костекцами идти на шамхала Хасбулата (Казбулата), но он присягнул в 1748 г. России, и необходимость этого похода отпала⁴. Однако имеются сведения о том, что «в 1750 и 1751 годах шамхал тарковский Казбулат искал быть под покровительством российским, не изъемя однако себя от подданства шаху, и обещал жить со всем владением своим, где повелено будет». Коллегия иностранных дел предписала обнадеежить шамхала, дав ему приличные подарки, какие сочтет нужным выделить командующий русскими войсками в Кизляре ген.-лейт. Девиц. Однако шамхал озлобился из-за того, что ему не были отданы тезики, захватил в баранту служилого русского дворянина и дал знать в Кизляр, чтобы к нему никого не при-

сылали и сам отказывался присылать в Кизляр кого-либо. Такая ситуация длилась до смерти Хасбулата в 1760 г.¹

Заслуживает внимания и сообщение П.Г. Буткова о том, что в 50-х годах XVIII в. «чеченцами владели кумыкские князья фамилий Айдемировой и Чепалавой из Эндери, Казбулатовой из Аксай, Черкаской из Большой Кабарды и Терловой из Аварского владения. Во власти их находились селения: Большая Чечня, Малая Чечня, Большая Атага, Горячевская или Истису, Топли»². Это сообщение свидетельствует о том, что среди подвластных эндирейским владетелям, кроме кумыков и ногайцев, были еще и чеченцы.

В 1752 г. к эндирейским владельцам бежали из Кайтагского уцмийства «терекемейцы и жиды»³. Эндирейцы решили удержать беглых от уцмия, требовавшего от них возврата его людей, оказать им покровительство. Это испортило отношения между уцмием и эндирейскими владельцами.

В целом же, в Засулакии, главным в изучаемый период считалось Эндирейское владение, как это было отмечено еще С.Ш. Гаджиевой⁴.

Важную роль в жизни жителей этого владения играла и рыбная ловля. Как писал в 1804 г. А.И. Ахвердов, устья реки Койсу, «весьма изобильной рыбою и делающей границу между кумыками и горцами», принадлежали шамхалу тарковскому, а «за Койсу» рыбными ловлями владели «андреевские владельцы верст за десять»⁵.

Отметим также, что по сведениям А.М. Буцковского «кинжалы лучшие по Кавказу в Андреевском селении» выделялись⁶.

Можно много писать об Эндирее, как об одном из главных торгово-экономическом центре Северного Дагестана, тесно связанном с Россией через Кизляр и кизлярское купечество.

¹ Там же. С. 254-255.

² Там же. С. 258.

³ Там же. С. 255.

⁴ Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 49.

⁵ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 214-215.

⁶ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 248.

¹ Там же. С. 225.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 225.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 234.

Можно писать о нем и как о центре – связующем звене между Россией и Нагорным Дагестаном. Можно писать о тесных торгово-экономических контактах Эндирея с Черкесией, Кабардой, Чечней и даже с Крымом, Арменией, Азербайджаном, Ираном и о том, что в Эндирее можно было купить и продать «живой товар» – ясырей или пленников, самые разнообразные изделия дагестанских ремесленников – умельцев из Кубачи, Анди, Сулевкента и т.д.

Однако мы ограничимся сказанным выше, поскольку эти вопросы довольно основательно освещены Е.И. Иноземцевой в ее монографической работе, посвященной исследованию проблем торгово-экономических взаимоотношений Дагестана и России в XVIII – первой половине XIX в. И здесь вполне уместными кажутся слова из ее труда о том, что «Эндирей первой половины XVIII в. не только важнейший рынок сбыта продукции многих регионов Дагестана, но и партнер и посредник русско-дагестанской торговли, одно из крупнейших селений Засулакской Кумыкии с обширной местной торговлей»¹. Нужно добавить только, что эту роль Эндирей играл и во второй половине XVIII – начале XIX в.

б) Аксаевское владение в XVIII – нач. XIX в.

Аксаевское владение образовалось значительно позже, чем Эндирейское. По поводу его образования Р.М. Магомедов еще в 1957 г. писал, что «Бийлик это первоначально ...выделился из Эндиреевского. В состав бийлика входили земли по течению рек Терека, Аксая и Еман-Су до Каспийского моря. Кроме того, в состав этого владения входили шесть чеченских деревень, известных под названием Качкалык, и несколько ногайских аулов»².

¹ Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001. С. 97.

² Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 154.

Сведений об Аксае и Аксаевском владении вовлечено в научный оборот не очень много. Один из последних исследователей, затрагивавших историю Аксайского владения в конце 90-х годов XX в. А.С. Акбиев в целом ограничился констатацией факта, что в Засулакии «Вторым по размерам и силе было Аксаевское владение. Помимо Аксая, насчитывавшего во второй половине XVIII в. около 1200 дворов, местным бекам, согласно данным Д.Ф. Еропкина, принадлежали селения Сику, Нуям Берды, Апонгур, Кошкелди, Наурус, Буртунай. Им же принадлежали и несколько ногайских аулов. На случай войны могли выставить около 5000 вооруженных людей. В первой четверти XVIII в. главным аксаевским владельцем был Султан-Махмуд, который, по словам И.Г. Гербера, был «не из последних владельцев и для того у шамхала и у прочих дагестанских и горских владельцев в великом почтении был»¹.

Упомянутый здесь аксайский владелец Султан-Махмуд фигурирует еще в «Журнале путешествия через Дагестан» А. Лопухина в 1718 г. Он обещал Лопухину и сопровождающим его людям защиту от всяких опасностей и нападений по пути их следования через его владение в Терский городок. Он заявлял, по утверждению А. Лопухина, «разве я жив не буду, в то время они вас держать будут и грабить, а коли я жив, того не извольте опасаться»².

Когда же он сопроводил русских людей во главе с А. Лопухиным к Теркам, Султан-Мут заявил, что он свое слово сдержал, проводил их куда им нужно и попросил, чтобы о его службе было сообщено государю³. Иначе говоря, аксайский владелец еще тогда демонстрировал свои пророссийские настроения, которые он действительно продемонстрировал при прохождении войск Петра I через Дагестан в Закавказье, подарив «государю шесть персидских лошадей и 100 быков на содержание войска»⁴.

¹ Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998. С. 111.

² Лопухин А. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 48.

³ Там же. С. 50.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 23.

Более конкретные сведения об Аксайском владении со- держит работа И.-Г. Гербера, писавшего, что этот «уезд» «рас- положен около реки Аксай» и «состоит в нескольких деревнях, которые подле реки Аксая построены», что правит в нем «Сул- тан Мамут Аксай», состоящий в подданстве России с 1722 г. Гербер отметил и религиозную принадлежность аксаевцев – «магуметаны, сунны» и то, что они «питаются от пашен и пло- да всякой скотины», т.е. занимались земледелием и животно- водством.

Оружие у аксаевцев было смешанное – у одних огне- стрельное, у других были луки со стрелами, но все были воо- ружены «добрыми саблями»¹. Как и эндириевские жители, ак- саявцы платили подати своему владельцу, а не в царскую каз- ну.

Заслуживает критического отношения утверждение И.-Г. Гербера о том, что «И понеже сей султан Мамут Аксай не из последних владельцев и для того у шамхала и у протчих даге- станских и горских владельцев в великом почтении был, назна- чивал его бывшей шамхал наследником своим, отчего он стал и слыть Крим шамхал, ибо шамхалы власть такую имеют прижи- ве наследников по всей воле назначить, которые после смерти их давали, и от шаха в том конфирмацию получали, а сыновья шамхальские после отцовской смерти никогда не последство- вали и принуждены были в Испагане у шаха своею услугою пожалованы или куда определенным быть»². Но совершенно справедливо В.Г. Гаджиевым отмечено, что в источниках «не встречается сведений о назначении наследниками шамхальско- го престола – крымшамхалами владельцев Аксая»³.

Сомнения в справедливости этого утверждения И.-Г. Гербера основаны на том, что Аксаевское или Аксайское вла- дение, как таковое, обособилось (образовалось) в самом конце XVII в. и за первую четверть XVIII в. оно не достигло особых успехов и трудно указать документ, согласно которому аксаев-

ский владелец Султан Махмуд был назначен правившим тогда тарковским шамхалом Адиль Гиреем своим наследником или крым-шамхалом. Единственное, что имеется в этом плане – это утверждение И.-Г. Гербера же о том, что, «когда в 1725 году шамхал бунтовал против России, то искал он султана Мамута Аксай, чтоб он с ним в том заедино был, чего он ему не токмо отказал, но и в крепость Святого креста известие о поступках шамхаловых учинил, и за то шамхал, осердясь, отказал ему на- следство»¹.

Более того, когда шамхал был взят в плен российскими войсками за нападение на крепость Святой крест, «султан Ма- мут Аксай обрадовался и имел надежду, что он чрез нещастие (несчастье – авт.) шамхальское себе щастие получит и шамха- лом назначен будет». Но он не получил шамхальской власти, поскольку «Россия положила великую власть и привилегию в Дагестане и в тамошних местах» «шамхалы тарковские власть имели»². Вследствие этого надежды Султан Мамута аксайского стать шамхалом не осуществились.

Однако по условиям ганжинского трактата шамхальское достоинство было восстановлено и в 1737 г. шамхалом был признан сын Адиль Гирея Хасбулат или Казбулат³, который был провозглашен в этом достоинстве и признан Надир-шахом. Россия же признала его значительно позже.

Д. Ф. Еропкин в 1732 г. перечислил всех аксаевских вла- дельцев. Это были Албек Салтанмамутов и его братья Магомед Усмей, Клан Гирей, Араслан-бек, Элдар-килды, Алиаул и Нау- рус составляли в целом Аксаевское владение. Однако не совсем ясно как в состав этого владения было включено И.-Г. Гербе- ром аварское (салатавское) селение Буртана или Буртанай⁴. По сведениям Д.Ф. Еропкина, от крепости Святой крест «до Аксаю с 56 верст, а до протчих по 70 и по 80» верст было и проезд свободной лошадьми верховыми и телегами» был⁵.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 62.

² Там же. С. 62.

³ Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. С. 85.

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 62-63.

² Там же. С. 63.

³ Там же. С. 139.

⁴ Еропкин Д.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 123.

⁵ Там же.

Царские власти в 40-х годах XVIII в. опасались вторжения войск Надир-шаха в Засулакию. Поэтому «россияне изыскивали тогда средство, чтобы ввести в жилища Андреевские, а аксаевские войска тайно или наказать их, либо усмирить»¹.

Аксаевские владетели в целом мирно жили со своими соседями, особенно с эндирейскими и костековскими владетелями. В 1747 г. они все вместе даже собирались «идти на тарковского шамхала Казбулата, подданного шаху»². Принятие в 1748 г. им повторной присяги в верности России предотвратило поход засулакских правителей на Хасбулата тарковского.

На положение аксаевцев и эндирейцев значительно повлияли события, происшедшие у них в 1779 г. Согласно данным П.Г. Буткова, «в том году люди эндирейских владельцев Темирбея Хамзина и Хамзы Алишева убили в ночное время, на воровстве скота их, сына аксайского владельца Ильдир-бека (вероятно бравшего в сем ремесле уроки), преступление, по обычаю горцев, важнее всякого святотатства. Убийцы бежали и скрылись в горы, в чужие владения; но аксайцы предприняли мстить эндирейцам, и начинали намерением отогнать их скот»³. Однако царское правительство вмешалось в это дело, не дало распространиться вражде, помирило при посредстве российского чиновника и шамхала тарковского эндирейцев с аксаевцами.

Несомненный интерес для характеристики Аксаевского владения представляют сведения служившего в начале XIX в. кизлярским комендантом А.И. Ахвердова. В 1804 г. он писал, что «деревни Аксаевской старший владелец Хасбулат Арсланбеков; в ней семей до пяти сот, а мужеска полу собраться могут до тысячи пятисот человек вооруженных, со всеми же окружными и принадлежащими к оной чеченскими шестью деревнями, Качкалук называемыми, соберутся до трех тысяч. Деревни сии принадлежат пяти владельческим фамилиям: Алибековым, Ахмат хан Каплановым, Эльдаровым, Уцмиевым и Арсланбековым. Узденья их точно на таких же правах, как и у эндиреевцев, и прибытки их в хлебопашестве и скотоводстве, в привозе

на продажу в Кизляр дров, кольев садовых и строевого леса. Граница их от Андреевской деревни до реки Ямансу к Каспийскому морю и до реки Терека. Частица небольшая подвластных им кочующих ногайцов занимают своим кочевьем все принадлежащие им степи, кроме пахотных»¹.

Видимо, не без основания А.И. Ахвердов подчеркнул, что «все вообще аксаевцы подданные всероссийскому престолу и повинуются всем приказаниям начальства нашего». Владельцы аксаевцев имели российской службы чины: подполковничий – Муртазали Капланов, имевший еще и золотую медаль с бриллиантами, майорский – Биарслан Элдаров².

С. Броневский как бы подытожил сведения предшественников об этом ханстве или владении. Он отметил, что Аксай расположен в 20 верстах от Терека и в 75 верстах от Кизляра, содержит 500 дворов, контролирует земли между р. Терекком, Аксаем и речкой Еман-су до Каспия³. Князя Алибековы, Ахмет хан Каплановы, Елдаровы (Элдаровы), Уцмиевы, Арсланбековы правили аксаевцами. Им же подчинялись шесть чеченских селений, называвшихся качкалык, несколько ногайских аулов, кочевавших на пустопорожних землях. Со всего владения аксаевские владетели могли выставить до 1500 человек, носящих оружие⁴. Он подчеркнул также, что «упражнения и обычаи их те же, что и у жителей Андреевской деревни», о чем уже выше сказано.

По сведениям А.М. Буцковского от 1812 г., в селе Аксай насчитывалось 800 дворов. Это и делало его вторым после Эндирея (1500 дворов) по численности жителей селением Засулакской Кумыкии⁵.

Необходимо отметить, что сведения об Аксае были опубликованы и в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа». В одном из них сказано, что «Аксай (или Ташкичу), кумыкский аул, находится во 2-м участке Хасавюртовского округа Терской области. Аксай (или Яхсай) и

¹ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 214.

² Там же.

³ Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 194.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Буцковский А.М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 245.

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 232.

² Там же. С. 234.

³ Там же. Ч. II. С. 62.

Ташкичу – слова кумыкские (татарские) означают по-русски: Аксай – белое течение, а Ташкичу – каменный брод. До 1825 г. (по др. данным, до 1823 г.) Аксай (так назывался старый Аксай) был расположен под отрогами Главного Кавказского хребта, при выходе из них реки Акса (немного ниже бывшего укрепления Герзель-аульского, что на постовом тракте из г. Грозного в Хасавюрт), но около 1825 г. аксаевцы за убийство (как говорят старики) какого-то русского полковника или генерала были выселены с гор на плоскость, рядом с небольшим аулом Ташкичу.

С течением времени население обоих аулов увеличилось новыми переселенцами, они (аулы) от этого значительно разрослись, наконец, слившись в один аул, получили общее название Акса¹.

Интерес представляют здесь сведения и географического плана: аул расположен, по данным 1893 г. в 18 верстах от Хасавюрта, между 44⁰ и 45⁰ с.ш. и 16⁰-17⁰ в.д. (по Санкт-Петербургскому меридиану). Рекой Аксай село поделено на две части. Большая часть находится на правом берегу, где были расположены в XIX в. базарная площадь и торговая улица. Климат в Аксае характеризовался как умеренный и более или менее здоровый, хотя в летние месяцы лихорадка давала знать о себе. Почва вокруг села плодородная, особых удобрений не требовала тогда.

Вокруг Акса прежде были обширные леса, где росли в изобилии груши, яблони, черешня, кизыл, орешник, верба, ольха, белолестка, тополь, дуб, клен, бук (чинар) и т.д. Иначе говоря, территория Аксаевского владения была благоприятной для человеческой жизнедеятельности. Это было отмечено еще С. Броневским, писавшим, что «Аксаевское владение лежит большей частью в долинах, понижающихся на северо-восток к морскому берегу, где они превращаются в болотистые низины, и только малую часть захватывает предгорий, которые далее на полдень (т.е. к югу – авт.) совокупаются с дагестанскими и лезгистанскими горами, общенародно известных под названием Тавлинских гор. Долины предоставлены для паствы скота, селения расположены в горах. Почва земли причитается к плодо-

¹ Аксай. // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 16. Отд. I. С. 30.

роднейшим на северной стороне Кавказа; и климат здесь теплее, нежели в прочих областях сего же отделения, чему служат доказательством совершенное созревание винограда в садах, множество плодовых деревьев в лесах и с успехом разводимое в полях сарачинское пшено».

Кругом было изобилие лесов, особенно густых в устьях по берегам Койсу. Пастбищ тоже было предостаточно, как и земель, удобных к хлебопашеству¹.

Аксаевское владение в течение XVIII в. играло важную роль среди кумыкских владений. Само селение Аксай быстро превращалось в крупный торговый центр, привлекало как местное кумыкское в большинстве своем население, так и русских и других иностранных торговцев, армян, грузин, горских евреев, выходцев из Чечни и других частей Северного Кавказа, о чем довольно подробно сказано и в историко-географической литературе². И здесь напрашивается вывод, сделанный Е.И. Иноземцевой в ее базирующейся на широком круге архивных и иных источников монографии о том, что «в изучаемое время Аксай и Аксайское владение приобретают все большее экономическое значение в русско-дагестанских отношениях, становясь одними из узловых пунктов этих взаимоотношений»³. Важную роль они играли и во взаимоотношениях жителей соседних горских селений с кумыками.

в) Костиковское владение в XVIII – нач. XIX в.

Одним из заметных феодальных владений, образовавшихся в Засулакской Кумыкии в результате дробления Эндирейского владения в конце XVII в., было Костиковское владение, получившее название от резиденции его правителей села Костек.

¹ Там же. С. 190.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Кн. I. Махачкала, 1999. С. 183-184; Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001. С. 226. С. 97-99.

³ Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 99.

Согласно преданию селение Костек возникло так: очень много лет тому назад, когда на этой территории не было ни одной сакли, на место нынешнего села явился казак из станицы Брагуны. Он построил на берегу р. Сулак (Койсу) саклю и стал заниматься рыбной ловлей. С течением времени к нему стали присоединяться еще рыболовы из местных магометан. Через несколько лет там образовался небольшой поселок, который постепенно стал разрастаться, получил название Костек. Основателя селения звали Константин или короче по-кумыкски Костэ. От него и произошло название Костек. По легенде этот основатель селения принял ислам и остался в селе на постоянное жительство.

По утверждению М. Афанасьева, зафиксировавшего эту легенду, потомки Костэ сохранились в Костеке еще в конце XIX в. Известна даже их фамилия – Билаевы. Жители села собрались из разных мест, переселились в Костек, в разное время, кому когда захотелось¹. Аул имел общее укрепление и несколько ворот, которые «на ночь запирались на замок. Ворота охранялись караулом, который никого не выпускал из села до наступления рассвета – ни пешего, ни конного»².

Местность, где расположен Костек, называется Кумыкской плоскостью. Границы аула Костек соприкасались с границами Дагестанской области, от которой отделяются рекою Сулак, которую кумыки называют Койсу, что означает по-русски «овечья вода» или «оставь вода»; легенда об этом гласит: сел. Костек в давнее время было расположено по берегу р. Сулак, который сильно постоянно размывал берег и тем самым причинял большой вред жителям села. Они решили запрудить реку, чтобы пустить в другую сторону; но этого сделать не смогли и стали только просить воду, чтобы она оставила их селение в покое, и реку назвали Кой-су, т.е. «оставь вода». Ко времени фиксации этой легенды, т.е. к 1893 г. главное русло реки проходило дальше от села Костек и вода уже не подмывала строения³.

¹ Афанасьев М. Селение Костек. // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 16. Отд. 1. С. 88.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 85.

Ближайшими соседями костековцев были жители селений Чонт-аул (Дагестанская обл.) и Темир-аул (Терская обл.). Их называли теркимели. Они были выходцами из Персии, при переселении на территорию, принадлежащую шамхалу, они попросили его выделить им место, где они могли бы сеять чалтык¹.

Селение Костек в прошлом входило в состав владения Султан-Мута, о котором уже выше сказано достаточно. М. Афанасьевым было отмечено, что к другим народностям, к евреям, чеченцам и отчасти татарам кумыки относились «не очень дружелюбно». Чеченцев недолюбливали потому, что те занимались воровством, от чего приходилось «терпеть кумыкам»².

Социальное расслоение общества в Костековском владении было довольно глубоким. Из родовитых фамилий в Костеке – «одна князей Хамзаевых, а другая – Токаевых имеют свои земли еще от предков по наследству»³.

Кумыки к нуждам своих единоверцев и сельчан относились с большим вниманием, помогали друг другу. Особо уважали они князей. В день похорон князя запрещалось даже торговать.

Ремесла были развиты в Костеке и др. селах. В Эндирее, где только и имелась годная для этого дела глина; изготавливали гончарную посуду, а медная изготовлялась в Костеке из красной меди тавлинцами-горцами, приезжавшими с гор осенью и до весны остававшимися на плоскости; «самое любимое оружие костековцев – кинжалы и пистолеты»⁴.

Первые сведения буквально в один абзац о Костековском владении опубликовал в 1957 г. Р.М. Магомедов, назвав его Костековским бийликом. Как он писал, «возникновение Костековского бийлика относится к XVII веку. До этого оно входило в состав владения Султан-Мута. Первым основателем его является Алим. Владение это небольшое по своему размеру. В него

¹ Там же. С. 86.

² Там же. С. 90.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 99.

входили несколько деревень вдоль Койсу и некоторое количество кочующих по луговым местам ногайцев.

Аксаевские и костековские владельцы, хотя и считались самостоятельными и ни от кого независимыми, но на деле во всех своих действиях находились в зависимости от эндреевских владельцев¹.

И.-Г. Гербер вообще не написал ничего об этом феодальном владении, из чего, можно предполагать, что оно не играло в годы его пребывания в Дагестане, т.е. в 20-е гг. XVIII в. какой-либо заметной роли. Но уже в 1732 г. бывший комендант крепости Святой крест Еропкин писал о селе Костек, назвав его Костик: «Деревня Костик, в ней жительство имеют Гарей Мусалов, да ево ж владенья деревня Торкалы, расстоянием от крепости до Костека 20 верст, до Турколов с 50, положение мест изрядное, проезд свободной»².

Интересно здесь то, что Торкалы (видимо, это село Кумторкала) и Костек, довольно далеко находившиеся друг от друга были «ево ж владенья», т.е. находились под властью одного феодала – владельца Гарей Мусалова. Однако не известно из сообщения Д.Ф. Еропкина ничего другого об этом человеке, ни его родословная, ни откуда был он сам.

Известно только, что «в 1732 году костековские «почетные» жители Магомед-Гази, Алхас, Шиха, Гусейн, Магомед, Абужали и Кауф обратились к русскому коменданту Св. Креста генералу Левашеву с просьбой принять их в российское подданство и позволить им поселиться за горячим колодцем (зарамагская горячая вода в Салатавии) и быть во владении у аксайского Алиш-бека». Указом Анны Иоановны челобитчиками было разрешено поселиться на этих землях»³.

Эта информация несколько расширяет наше представление о размерах и месте Костековского владения среди других феодальных владений Кумыкии. Однако, как говорится в цитируемом отрывке, каким образом аксайский владелец Алиш-бек сразу превратился в костековского владельца Алиш-бека, не совсем ясно. Но это позволяет говорить о существовании тес-

ных связей между аксайскими и костековскими владельцами уже в начале 30-х годов XVIII в.

Больше подробностей о Костеке и Костековском владении содержит работа А.И. Ахвердова «Описание Дагестана». В ней сказано: «Деревня Костековская принадлежит одной владельческой фамилии семи братьям и в Андреевской деревне имеющим владение Алишевым, старшему Муртазалию, Устерхану, Адилю, Актоле, Бамаат мурзе, Омахану и Хасаяу»⁴.

По сведениям А.И. Ахвердова в Костеке проживало до 300 семей, которые могли выставить в случае надобности до 600 вооруженных лиц мужского пола. Доходы костековцев состояли «в хлебопашестве, скотоводстве, в овсе и в продаже в Кизляр дров, кольев в сады виноградные и леса строевого, в шелководстве, рыболовле и сеянии сорочинского пшена»⁵. Иначе говоря, костековцы вели многоотраслевое хозяйство, занимались как земледелием и животноводством, так и домашними промыслами, рыбной ловлей и торговой деятельностью. Занятию рыбной ловлей способствовало то, что село Костек находилось «на реке Койсу, весьма изобильной рыбою и де-лающей границу между кумыками и горцами»⁶.

Как отмечал А.И. Ахвердов, «устья же оной реки (Койсу – авт.) «принадлежали тарковскому шамхалу, отдававшему их «на откуп... разным российским людям, так как и владельцы андреевские, и костековские» отдавали «в их владениях свои рыбные ловли на сей же реке за небольшие деньги армянам, у них торгующим, на откуп»⁴.

Село «Костек или Костековское», по сведениям царского подполковника А.М. Буцковского, располагалось «на левом берегу Койсу ...открыто и никакой обороны не способно», содержало около 650 дворов⁵. Костековским и эндирейским владельцам платили дань (плату за пользование пастбищами) кочевавшие в их владениях 600 ногайских кибиток⁶.

¹ Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 214.

² Там же.

³ Там же. С. 215.

⁴ Там же. С. 214-215.

⁵ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 242.

⁶ Там же. С. 245.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 155.

² Еропкин Д.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 123.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 162.

Необходимо отметить, что из хлебов в засулакских селах, в том числе и в Костеке, сеяли «более всего пшеницы и просу, которая последняя, помощью поливов многочисленные поля их пересекаемых татаулов (канавок рытых), особенно хорошо родится; засим малою частью ячменя». Костековцы «с великим успехом» разводили и «сарачинское пшено» (рис). Занимались они и садоводством, которое носило потребительский характер.

Как и все засулакские кумыки, костековцы разводили и коней. В целом в Засулакии было шесть конских табунов, в каждом из которых было до 600 лошадей, но лучшие из них принадлежали аксаевскому князю Гаспулату¹.

Занимались костековцы и овцеводством. Своих овец на лето они отгоняли в горы². Из овечьей шерсти они изготовляли войлоки, хорошего качества ковры; изготовляли они также бурметы, хлопчатобумажные ткани. Они поддерживали торговые связи с шамхальскими подданными и другими горцами Дагестана, с чеченцами, кабардинцами³ и т.д.

Писал о костековском владении также Семен Броневский. По его сведениям, «Костеки или Костюковская на Койсе» заключала в себе не более 300 дворов и еще столько же в приписных к ней деревнях». Владели этим княжеством семь братьев рода Алишевых. Старшим считался и был Муртазали. Род Алишевых имел «участок земли в Андреевской волости, да сверх того несколько подвластных им ногайских аулов, кочевавших по луговым местам. Костековцы ловили в Койсу рыбу разных пород: осетров, севрюг, лососей, карпов, шерехов, шамаек или кизлярскую сельдь». Свои промыслы костековцы, как и эндирейцы, сдавали на откуп армянам и т.д.

Заготавливали они рыбу и впрок. Для этого рыбу, распластав надвое, солили и провяливали на солнце. Потом ее употребляли для собственных потребностей или же продавали. С. Броневский отметил и то, что близ Костека имелись теплые серные воды⁴.

Отметил он и то, что «все три округа Аксаевский, Андреевский и Костековский находятся в российском подданстве с сохранением прежней расправы и без платежа податей...»¹.

Костековское владение было самым маленьким по размерам в Засулакской Кумыкии, хотя костековские беки имели земельные участки и в Эндирейском владении. Как утверждает в работе А. С. Акбиева, Эндиреевское и Костековское владения совокупно пользовались землями и в наследстве прав старшинства в княжеских родах. Костековским и эндиреевским владельцам были подвластны салатавцы².

Е.И. Иноземцева также уделила большое внимание изучению хозяйственно-экономической деятельности костековцев и роли Костека в торговле народов Северного Дагестана с соседними горскими народами, а также с Россией. Она пишет о том, что «в Костековском владении разводили хлопок, рис, добывали марену, достаточно много выращивали хлеба; все это поставлялось на рынок крепости Святого Креста, позже – в Кизляр. Закупали также там металлы, русские и европейские ткани, чай, сахар и т.д. Через Костек проходила дорога из Кизилюрта в Тарки. Естественно, Костек в торговом отношении уступал Эндирию и Аксаю, но, судя по архивным документам, играл немаловажную роль в осуществлении русско-дагестанских торгово-экономических контактов. Здесь также имелись лавки кизлярских армян, комиссионеры крупных российских предпринимателей скупали марену, хлопок, поставляя «потребные вещи» в Костек»³.

По работе П.Г. Буткова можно проследить участие костековцев в политических событиях, имевших место в регионе в изучаемый период.

В частности, он писал о том, что Надир-шах в 1742 г. (в феврале месяце) направил своих скупщиков зерна в Костек, но жители этого села «столь высокие потребовали цены, чем шаха отгорчили...»⁴. Поэтому, шахские отряды в августе 1742 г. отдельными партиями «проникали разъездами верст на 20 от

¹ Там же. С. 245.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

¹ Там же. С. 203.

² Акбиев А.С. Кумыки... С. 111.

³ Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 99-100.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 212.

Костек к реке Койсу»¹, чем царские власти были обеспокоены и ими в 1742 г. «в деревнях Эндери и Костеках поставлены команды» царских войск были. Более того, «костековский старший владелец Алиш Хамзин был назван «костековским воеводою», а «в 1759 году пожалован бригадиром»², т.е. воинским чином.

В 1748 г. костековцы вместе с эндирейцами и аксаевцами собирались напасть на шамхала Казбулата (Хасбулата) за его прошахскую ориентацию. Но шамхал в 1748 г. подтвердил присягу, данную им в 1743 г. на верность России. Поэтому поход против шамхала был отменен³.

Отношения Костека с российскими властями в середине XVIII в. приобретали все более близкий характер. Костековский воевода, владелец Алиш Хамзин, как сказано в работе П.Г. Буткова, «не переставал хранить преданность к российскому скипетру». В 1757 г. у него произошло «несогласие» с его братом Темиром и другими владельцами. Царские власти в этих условиях поддержали Алиша Хамзина. В декабре 1757 г. ему присланы были из Астрахани для охранения его три медные трехфунтовые пушки. В 1759 г. он был награжден медалью и из костековского воеводы переименован был в «кумыкского воеводу», а сын его был произведен в капитаны. Им было определено и жалованье: Алишу 500 руб. в год, а сыну его 100 руб. П.Г. Бутков отмечал, что «капитан Хамза Алишев, владея в Костеках еще и в 1787 г., предан был искренно» интересам России.

Алишу Хамзину в знак признания его заслуг перед Россией в 1760 г. был «построен казенным коштом дом в Кизляре, на отведенном удобном месте из мазанок»⁴.

В 1779 г. российские власти предотвратили острое столкновение между аксаевцами и эндирейцами из-за убийства людьми эндирейских владельцев Темирбея Хамзина и Хамзы

Алишева сына аксайского владельца Ильдир-бека в ночном происшествии при воровстве скота¹.

Засулакские кумыки-эндирейцы, аксаевцы, костековцы – приняли активное участие на первых порах в антифеодальном и антицаристском движении горцев Северного Кавказа во главе с шейхом Мансуром в 1785-1791 гг.²

Среди списка возвращенных после смерти князя Потемкина-Таврического в 1792 г. в свои края северокавказских владельцев значатся также: 1) Эндерийские: Чепалов, подполковник, сражался по своему желанию против шведов; сын его Гирей-хан Чепалов, секунд-майор; 2) аксаевские (аксайские) Муртазалий Ахматханов секунд-майор; Биарслан Эльдарханов, секунд-майор; 3) костековские – владельцы Хамзы Алишева сын Устархан Хамзин, секунд-майор, да и отец его, остававшийся в отечестве, бывший 30 лет капитаном, произведенный в подполковники; 4) Два побочных владельца или чанка: Ибрагим Албору Аджиев и Али Алхасов и два эндирейских узденя (сала?); все четыре были произведены в капитаны³.

Все это было следствием сближения владетелей Засулакской Кумыкии с Россией.

В целом же Костековское владение в XVIII – начале XIX в. не играло особо заметной роли в политической жизни Терско-Сулакского междуречья и во внешнеполитических вопросах ориентировалось на эндирейских правителей, считавшихся старшими князьями в Засулакской Кумыкии. В начале же XIX в. «все три округа Аксаевской, Андреевской и Костюковской» находились в российском подданстве и кумыкские князья принимались «в российскую службу военными чинами и за отличие» жаловались золотыми медалями⁴.

В начале XIX в., тем не менее, Засулакская Кумыкия активно включилась в освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа⁵. Но это уже предмет особого разговора.

¹ Там же. Ч. II. С. 62.

² Алиев Б.Г. Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 189.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 258-259.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 186.

⁵ Там же. С. 189-190.

¹ Там же. С. 214, 220.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 234.

⁴ Там же. С. 257.

г) Владение шубгах шамхала

И.-Г. Гербер в своем сочинении, нашедшем достаточно глубокий источниковедческий анализ в работе известного дагестанского историка В.Г. Гаджиева¹, упоминает после уезда Тарху или Тарки некий уезд под названием: «Дагистан, шубгах шамхалу надлежащий, уезд.

Ситуация. Между реки Сулаки и Аксай, в нижних горах.

Уезд. Состоит в немногих деревнях.

Языки. Татарской с турецким помешенной.

Владельцы. Шубгах шамхал.

Состоят в подданстве и под властью. Под Российской империи с 1722 году, прежде того под Персиєю.

Промысел. Питаются пашнями и скотоплодием, народ такой, как и другие дагестанцы.

Доходы. Доходы берет шубгах шамхал, а государь от оных никаких податей не имеет»².

Далее И.-Г. Гербер писал о борьбе за власть между этим шубгах шамхалом («шубгах по языку татарскому значит простой глупой человек и пастух»³) и тарковским Адиль Гиреем, ставшим шамхалом с помощью России, а потом был поддержан и шахом Ирана. Шубгах шамхал же, увидя, по словам Гербера, что «он себе помощи нигде сыскать не мог, то он от шамхальства без спору отступил и выпросил себе токмо сей малой уезд для пропитания своего, в котором и ныне живет, что ему отдано», что он вместо того, чтобы «шамхалом быть и всем Дагестаном владеть, сим малым убогим уездом удовольствоваться принужден был, называют его шубгахом шамхал, яко шамхал над шубгахами»⁴.

В.Г. Гаджиев после анализа известных ему источников по этому вопросу и целого ряда умозрительных заключений пришел к выводу, что «уезд Шубган шамхала» был расположен

¹ Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории Кавказа. М. Наука. 1979. (Далее – Гаджиев В.Г. Сочинение...). С. 90-93.

² И.-Г. Гербер. Указ. соч. // ИГЭД. С. 73.

³ Там же.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 73.

в предгорьях Казбековского района Дагестанской АССР. Такой вывод напрашивается по следующим соображениям. Во-первых, территория, о которой идет речь, расположена юго-западнее Эндирей-аула между реками Сулак и Аксай «в нижних горах». Во-вторых, эта территория всегда находилась во владении кумыкских владетелей и здесь имелось «немного деревень»¹. В этом районе расположил «уезд Шубган-шамхала» и сам И. Гербер на своей карте»².

Карта эта однако не помещена ни в цитируемой нами работе В.Г. Гаджиева, ни в работе И.-Г. Гербера, опубликованной в «Истории географии и этнографии Дагестана XVIII-XIX вв. Арх. материалы. Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. (М.: Изд-во вост. лит-ра. 1958. С. 60-120). Поэтому она читателям практически не известна и к ней апеллировать вряд ли стоит.

В.Г. Гаджиев писал, что «Шубкан-шамхал нашего источника и Чобан-шамхал» одно и то же лицо, что Шубкан-шамхал (теперь мы вправе называть его Чобан-шамхал) не был правителем в Тарках и поэтому не мог быть изгнан оттуда. Он, оказывается, проживал в Засулакской Кумыкии»³, о чем говорит родословная тарковских шамхалов.

Но как бы то ни было, необходимо отметить, что не все просто с определением уезда «шубгах шамхала». Не совсем легко сведения И.-Г. Гербера можно соотнести с территорией современного Казбековского района Республики Дагестан, где расположены аварские селения, за исключением нескольких ауховских (чеченских) сел⁴. Не названа резиденция этого «шубгах шамхала». Да и язык там был больше, видимо, аварский, а не «татарской с турецким» помешанный. Поэтому, оставляя этот вопрос для любителей дискуссий и для дальнейших поисков, хочу подчеркнуть, что «уезд шубгах-шамхала» не играл практически никакой заметной роли среди владений Терско-Сулакского междуречья и его очень трудно рассматривать как самостоятельное, существовавшее реально в изучаемый нами период четвертое феодальное владение Засулакской Кумыкии.

¹ Гаджиев В.Г. Сочинение... С. 93.

² Там же.

³ Там же. С. 92.

⁴ См. Буцковский М.А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 245.

Скорее всего это могло быть удельное владение в составе Эндирейского владения с не совсем четко определенным статусом.

В нашей же работе делается упор на характеристике вообще самостоятельных, а не удельных в их составе, феодальных владений, существовавших в Дагестане в XVIII – начале XIX в.

д) Система управления в феодальных владениях Северного Дагестана в XVIII – нач. XIX в.

Как установлено отечественными исследователями, управление засулакскими владениями осуществлялось выборным советом князей, во главе которого стоял старший князь или уллу-бий. В члены совета выбиралось по одному представителю от каждой бекской фамилии, обычно это бывал старший по возрасту и имевший вес в народе бек. Такие беки назывались старшинами. Иногда, «в важных случаях, собирались расширенные советы, на которые созывались все беки данного владения. Принятые там решения приводились в исполнение каждым в своем ауле»¹.

В каждом из владений выбирался старший князь. В XVII в. выбирали одного уллу-бия, с XVIII в. их стало выбираться двое. А.С. Акбиев привел интересные данные по этому вопросу. Он отметил, что так как родоначальник костековских беков Алиш Хамзаев был выходцем из Эндирея, то эндиреевские и костековские беки выбирали одного уллу-бия на два владения. Таков был в 30-40-х гг. XVIII в. Алиш Хамзаев².

Обязанности уллу-биев заключались в регулировании взаимоотношений между княжескими фамилиями, примирении враждовавших из них между собой. Уллу-бии принимали активное участие и в управлении главными селами своих владений. К ним обращались, как к главным посредникам, все лица независимо от их социальной принадлежности (бек, салауздень или просто уздень), когда возникала необходимость в урегулировании каких-либо спорных вопросов с ответчиком,

жившим в другом квартале. При уллу-бие бывали в качестве десятников бегаулы, от каждого квартала селения по одному. Уллу-бий посылал своих помощников за ответчиком с предвзятительным извещением по какому вопросу он приглашается¹.

Судопроизводство у засулакских кумыков чинилось в маловажных спорах и тяжбах третейским судом, в который избирались обычно старики. В важных же вопросах судьями выступало духовенство, составлявшее судебное собрание под названием мехкеме. Иногда и князья прибегали к услугам мехкеме². Поступления за судебные решения или штрафы за учиняемые их подданными воровства и смертоубийства составляли одну из статей дохода князей. Поэтому, как отмечал М.А. Буцковский, князья привыкали к таким случаям и все вопросы старались решать наложением штрафов. Старший же князь – обычно эндирейский – собирал пошлину «за впуск товаров, с каждой арбы по 2 ½ рубля серебром»³.

Совет князей регулировал общественную жизнь, регулировал земельно-правовые отношения сословий, назначал судей для разбора дел по адату и шариату. В непосредственном ведении совета находились «бегаулы» или выборные представители от каждого квартала, выполнявшие распоряжения совета. Решению совета или воле главного князя должны были подчиняться все князья, управлявшие своими уделами. Как отмечено С.Ш. Гаджиевой, это внешне «коллегиальная форма правления не ограничивала, однако, власти феодалов: она только несколько упорядочивала земельно-правовые отношения во всех частях владения»⁴.

Беки, удельные князья также имели в своих владениях неограниченные права, могли «определять казни преступникам». Удельные князья свои решения претворяли в жизнь с помощью вооруженных нукеров из своих узденей или салаузденей⁵.

¹ Там же. С. 113.

² Буцковский М.А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 240.

³ Там же.

⁴ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 134.

⁵ Там же.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 134.

² Акбиев А.С. Кумыки... С. 112.

Члены бийского сословия не судились ни с узденями, ни с чагарами или с рабами, а имели свой суд, свои адаты. По бийским адатам по вопросам кровной мести мщение могло совершаться только внутри сословия¹. По отношению к биям права кровной мести не имели все зависевшие от них сословия, в том числе и сала-уздени. Потерпев обиду со стороны постороннего князя или бия, люди из зависимых сословий могли обращаться только к своему владельцу, а последний имел дело с обидчиком как равный с равным².

Иначе говоря, князья выступали в качестве ответчика лишь в случае, если потерпевший от них являлся подвластным другому князю. В собственном владении, если кто оскорблял князя, что бывало, видимо, не очень часто, князь сам его наказывал без обращения к суду³.

В случае убийства бием кого-либо из других сословий в канлы (изгнание) выходил уздень убийцы, а не сам он. В большинстве случаев бий обычно ограничивался уплатой семье пострадавшего определенного адатами кумыков вознаграждения.

Если же бия убивал уздень, чагар и т.д., то родственники убитого нападали на дом убийцы, уничтожали все его семейство, захватывали его имущество, сжигали дом.⁴ По кумыкским адатам, если князю предъявлялось обвинение в оскорблении им узденя, особенно второстепенного и третьестепенного, то штраф, которому князь подвергался, бывал «весьма мал, а в некоторых случаях онаго даже и вовсе положено не было»⁵.

Феодалы не несли ответственности за пролитую кровь чагара или раба. «Князь нередко, – как писала С.Ш. Гаджиева, – умерщвлял второстепенных и третьестепенных узденей» и оставался совершенно безнаказанным⁶.

Нормы обычного права кумыков всецело были направлены на защиту интересов феодальных верхов. За похищение

¹ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 272.

² Гаджиева С.Ш. Кумыки. М. 1961. С. 134.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 134-135.

⁵ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса. 1882. Ч. II. С. 190, 196.

⁶ Там же. С. 196; Гаджиева С.Ш. Кумыки. М. 1961. С. 135.

имущества у поселян князь-похититель платил только стоимость похищенного имущества. За похищенное у бека имущество уздень-крестьянин должен был уплатить «в десять раз больше». Если похититель не мог уплатить эту сумму, он «должен был поступать к князю в рабство»¹.

У кумыков существовал и старинный обычай, по которому беки не имели права быть судьями и не могли подавать в мехкеме голос, а были сами судимы стариками по выбору истца и ответчика, призванным старшим князем. Согласно этому обычаю все дела общественные решались народом. При этом спорные тяжёлые дела решались по адату или шариату, князья не имели никакого особого права, кроме голоса наравне с другими. Дела княжеские как между собой, так и с узденями разбирались обществом узденей.

Вопросы, касающиеся всего джамаата в целом, выносились для решения на народное собрание или сход, собиравшийся обычно у главной мечети села. На него допускались все сельчане, кроме женщин и рабов. Обычно председательствовал старший князь, излагавший суть вопроса, а потом выслушивались мнения наиболее авторитетных лиц. Нередко джамаат отвергал предложенное князем решение вопроса и тогда беки вынуждены бывали смириться с таким оборотом дел².

По наблюдениям С.Ш. Гаджиевой в кумыкских феодальных владениях, в основном в засулакских, «управление и суд были основаны на двух источниках права: на адатах (обычном праве) и шариате – системе мусульманского права, основанной на главнейших положениях ислама. Как свидетельствуют источники, главное место в судебной практике занимал адат. По шариату обычно разбирались дела о завещаниях, опеке, покупке и продаже рабов, о разделе имущества, брачные вопросы. Остальные дела, а именно об убийстве, ранении, избиении, воровстве, поджоге, прелюбодеянии, бесчестии, похищении женщины, ложной присяге, исковые дела, иногда раздел имущества, решались по адату.

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 135.

² Там же. С. 114.

Князя и сала-уздени и по делам о разделе между ними имущества придерживались существовавшего обычая»¹.

Обратим внимание на то, что при этом С.Ш. Гаджиева ссылаясь на «Адаты жителей Кумыкской плоскости»². По ее сведениям, «по сравнению с адатами, постановления шариата были более строгими. По шариату за умышленное убийство убийца должен был быть наказан смертью, за первое воровство лишиться кисти правой руки, за повторное – и левой руки»³.

Адаты сохранялись в памяти стариков (картов) и изустно передавались от поколения к поколению, менялись со временем, пополнялись новыми постановлениями. Согласно сведениям кумыкского этнографа Маная Алибекова засулакские кумыки «для введения каждого нового адата ... собирались на два кургана под названием «центральные курганы», находившиеся между селениями Новый Аксай, Старый Аксай и Эндирей на берегу реки Яман-су»⁴. Когда вводимый адат касался споров двух обществ или соседних сел, то к этим курганам выходили оба общества со своими князьями. Принятое решение становилось обязательной нормой обычного права – «ульгу», его придерживаться заставляли даже силой.

Но имели место и сборы (собрания) жителей отдельных кварталов (аулов), на которые делилось село. Естественно, на квартальных сходах решались вопросы узкого плана, касающиеся жителей именно этого квартала.

А.С. Акбиевым приведен факт созыва в 1768 г. в Аксае общего собрания или схода жителей этого села, которых кизлярский комендант письменно обвинял в краже 265 лошадей. На это собрание аксаевский владделец Эльдархан призвал «аксаевских владельцев Ахмет-хана и Алхаса и, собрав узденей и старших своих...», ознакомил их с письмом коменданта⁵.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 139.

² Адаты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. IV.

С. 4.

³ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 140; Газ. «Кавказ», 1865, № 68 статья князя Х-ва).

⁴ Там же; Алибеков М. Адаты кумыков. Махачкала, 1927. С. 5.

⁵ Акбиев А.С. Кумыки... С. 114.

В письме аксаевских владельцев кизлярскому коменданту по поводу разбора ссоры с детьми князя Алибека говорилось: «мы собрали всех владельческих узденей и старших, а именно Алишевых, Темировых, Мугаметовых, Казаналиповых к себе призвали и с коих согласия мы Алибековым детям говорили...»¹. Оказывается, что на это собрание «были приглашены не только беки и уздени Акса, но и старшие представители бекских фамилий из Эндирея и Костека» с целью примирения аксаевских беков².

Как отмечено С.Ш. Гаджиевой, судьи или карты за свою службу получали от общества известную часть от собираемых штрафных денег или хлеба, имели некоторые преимущества в землепользовании и водопользовании³.

У засулакских кумыков сложилась тщательно отработанная система штрафов по тем или иным нарушениям. Мехкеме обычно созывалось тогда, когда-либо ответчик, либо истец или члены джамаата не могли прийти к единому мнению.

Судебные решения объявлялись в присутствии уллубия родовому беку или поверенному. Тюрьмы, как таковой не было. Однако «во дворе старшего князя бывала вырыта яма, куда сажали простолудинов на несколько дней за отказ выполнять решение суда. Бывали случаи, «что объявленный виновным по разбирательству дела, исследованного стариками беспристрастно и по всем правилам адата, отказывался от исполнения приговора, то беки и старики селения увещевали его не нарушать обычая и подчиниться. Уважение к старшим бывало слишком глубоко, чтобы вмешательство их оставалось тщетным, вся деревня восстала бы против упорствующего, и ему оставалось одно – бегство»⁴. Это ничего хорошего не сулило нарушителю. Поневоле ему приходилось выполнять волю большинства.

Преимущество судебной системы, сложившейся в феодальных владениях Засулакской Кумыкии, заключалось в том,

¹ Там же.

² Там же. С. 114-115.

³ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 141.

⁴ Акбиев А.С. Кумыки. С. 115.

что она не требовала содержания огромного полицейского аппарата, судей, приставов, надзирателей и т.д.

Может быть есть смысл кое-что из этой системы – хотя бы штрафную систему, вместо заключения под стражу и содержания за государственный счет нарушителей закона, особенно общественно малоопасных – перенять и для современной практики? Это намного облегчило бы жизнь многих людей.

Отметим также, что у засулакских беков фактически отсутствовала какая-либо местная личная администрация. Все необходимое для них выполняли приближенные им уздени. При их дворах, важную роль играли также аталыки (воспитатели) и эмчеки. У засулакских беков имелись свои бегаулы, основной функцией которых являлось взимание пошлин с проезжавших через их владения купцов.

Однако в засулакских селлах имела и сельская администрация в лице картов, избравшихся из наиболее уважаемых и почетных жителей селения, а также бегаулов и чаушей, следивших за порядком внутри селения. Они, безусловно, выполняли и все указания своих беков.

У засулакских беков, как отмечено А.С. Акбиевым, «не было придворных в лице визиров, назиров, кадиаскеров, дворецких, почетных чиновников и т.д. Засулакские беки, в отличие от шамхальских, были самостоятельными, независимыми от верховной власти владельца... Весьма активно проявляло себя узденство, с которым беки должны были считаться»¹. Именно об этом свидетельствует архивный документ, на который ссылался Х.-М.О. Хашаев. В нем говорится, что «владельцы без согласия подвластных своих узденей, т.е. дворян, никакого дела предпринять не могут, и чаще бывает, что они должны соглашаться с мнением узденей, нежели уздени на владельческие предложения»².

Определенно заметную роль в общественной жизни засулакских кумыков играло и мусульманское духовенство. По сведениям М.А. Буцковского от 1812 г. «духовенство среди крестьян пользовалось уважением, однако подчинялось бекам.

Здесь были известны два духовных сана: кадий и мулла; «кадии получали в год с каждого двора по два четверика проса, пшеницы и со ста баранов одного барана»¹.

Крупное духовенство, кадии, а также некоторые муллы владели собственными землями и распоряжались вакуфным имуществом.

Основные же земельные массивы в Засулакии оказались к концу XVIII – началу XIX в. в руках бекского сословия. Беки владели землей совместно и раздельно. Они спорили за право владения землей. Х.-М.О. Хашаев писал, что «начальник Терской области в 1818 г. сообщил начальству, что земли в количестве 17841 десятины 975 саженой находились в споре княжеских фамилий Уцмиевых, Каплановых; первые называли их собственными, а остальные считали их общими и подлежащими разделу. Споры эти, кроме непрерывных жалоб начальству, служили поводом для драк, убийств и причиной всегдашнего стеснения народа, живущего на этих землях»².

В конечном итоге кумыкские князья захватили основные массивы пахотных и пастбищных земель, свободно распоряжались ими, передавали по наследству своим детям, отдавали их в аренду под зимние пастбища гумбетовцам, койсубулинцам, акушинцам, взыскивая с них натуральную плату³. Единственное, что кумыкскому народу удалось сохранить к XIX в. – это право перехода от одного владельца к другому.

Буквально в течение XVIII в. в земельных отношениях в кумыкских владениях произошел коренной поворот. Земли из общего пользования и так называемой коллективной собственности перешли в частную собственность князей-беков или биев, сала-узденей и т.д. Это хорошо прослеживается по опубликованному в 1957 г. Р.М. Магомедовым выдержкам из официальной записки, составленной на основе местных источников сословно-поземельной комиссией и хранящейся в ЦГИА РГ (Республики Грузия). В ней, в частности, говорится: «Первона-

¹ Там же: Подполковник Буцковский М.А. Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии. 1812 г. //РГВИА. Ф.ВУА. Колл. 414. Д. 300. Л. 56.

² Там же.

³ Там же.

¹ Там же.

² Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 200.

чально земля никому в частности не принадлежала. Каждый имел право занимать столько земли, сколько мог обрабатывать, но затем владельцы свободные, никем не занятые земли стали считать своими, занимали их под свои хозяйственные надобности и нередко, в видах защиты местности от врагов, заселяли их с предоставлением поселенцам земельных угодий, за пользование которыми поселенцы обязывались выставлять им военную силу и отбывать известные повинности работой... Так как в прежние времена никто из беков не занимался хлебопашеством, то на их землях окрестные жители свободно производили посевы»¹.

Р.М. Магомедов связывал «захват беками свободных земель и заселение их крестьянами с дальнейшим процессом феодализации Кумыкии»². Этот процесс в XVIII в. принял широкий размах. Кумыкские феодалы старались юридически закрепить за собою эти земли, добиваясь от царских властей на Северном Кавказе официальных грамот и др. документов, подтверждающих переход земель в их безусловную собственность.

«По указу императрицы России Анны Иоановны в начале 30-х годов XVIII в. костековский владелец Алиш-бек и его потомки получили широкую возможность пользоваться присулакскими землями в Салатавии, где в настоящее время находятся селения Зурамкент, Миатли и др.»³.

Интересен в этом плане и другой опубликованный Р.М. Магомедовым исторический факт: «В 1778 году андреевский владелец Кази Тимиров получил от командующего Астраханской губернией генерал-майора Ивана Якубия билет, т.е. право указанного владельца «на пастьбу табуна в урочище Долмы» (Долма – рукав реки Сулак) и «на бугор Ускат-эгиз близ моря и иметь там хутор»⁴.

Как пишет далее Р.М. Магомедов, «в выданном Потемкиным в 1786 г. документе говорится: «Даю сей открытый лист кавказского наместничества андреевскому владельцу Кази Ти-

мирову, что позволяется ему селить слободу на реке Сулаке, в окрестностях бывшей крепости Святого Креста вольными и независимыми людьми и пользоваться землями тамошними так, как и прочие соседственные кумыкские владельцы»¹.

В целом можно сказать, что в XVIII – нач. XIX в. на кумыкских прикаспийских землях процесс развития феодальных отношений и превращения сельского населения в феодально-зависимое шел более интенсивно².

е) Социальное развитие феодальных владений Северного Дагестана в XVIII – нач. XIX вв.

Для более цельного представления социального развития феодальных владений Северного Дагестана, необходимо осветить их классовую структуру. Все они находились в приблизительно одинаковых естественно-географических условиях³ и соответственно и развитие их (экономическое, политическое и социальное) шло в принципе в одном ракурсе. На занимаемой ими территории в XVIII – начале XIX в. шло развитие и углубление феодальных производственных отношений, формирование одних и тех же социальных групп, составивших как господствующий класс феодалов, так и класс зависимых сословий – крестьянский класс.

В нашу задачу не входит раскрытие хода процесса социальной градации общества в XVIII – нач. XIX в. в изучаемом регионе с претензиями на какие-то новые открытия и наблюдения. Нам необходимо на основе анализа накопленных нашими предшественниками сведений и данных источников вкратце охарактеризовать сложившиеся социальные категории феодального общества у засулакских кумыков.

¹ Там же.

² Там же.

³ Подробности см. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в. Кн. I. Махачкала, 1999. С. 107-111.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 161. (ссылки на ЦГА РФ. Дела словно-поземельной комиссии. Ф. 2. Д. 813. Л. 8).

² Там же.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же.

В Кумыкии в XVIII - начале XIX вв. было два класса: класс феодалов и класс крестьянства»¹.

К феодальному классу в Засулакской Кумыкии относились беки (бии), чанки, мурзы, сала-уздени. По его мнению, класс кумыкского крестьянства распался на догерек-узденей, кара-узденей и азат-узденей, а также на чагар и кулов².

Эндирейские беки имели право неограниченной власти во всем своем владении. Из княжеских фамилий составлялся «особый совет, а в лице своих старших представителей они владели населенными и пустопорожными землями, пользовались поземельными повинностями жителей и доходами, дарили и продавали земли по своему усмотрению. По кумыкскому бекскому праву беки должны были вступать в брак с женщинами равных сословий дома шамхалов тарковских и кабардинских князей. Дети же, рожденные от узденки или женщины другого сословия, считались неравноправными, незаконорожденными. «Когда бек шел на охоту, его могли сопровождать только первостепенные уздени. Спутники, сопровождая бека, обязаны были придерживаться правила, чтобы бек ехал с правой стороны и, если бек хотел остановиться на отдых или ночлег, то делал это «только у первостепенного узденя»³. Беки эндирейские практически ни от кого не зависели и вполне самостоятельно сносились с иностранными государствами»⁴.

Следующую феодальную группу у кумыков составляли чанки или чанки-беки, т.е. дети беков, рожденные от неравного брака, в частности от брака бека с узденкой⁵.

По мнению Х.-М. Хашаева, чанки не имели своих вассалов, но могли иметь крепостных и рабов⁶. По бийским адатам чанки занимали по отношению к биям подчиненное положение, не имели всех тех прав, какими пользовались их отцы. Чанки могли владеть лишь землей, переданной им отцами по «назру»

или дарственному акту. Чем знатнее бывала мать чанка-бека, тем больше он имел преимуществ в обществе¹.

В целом чанки считались вассалами тех владельцев, от которых они происходили².

Низшую группу кумыкских феодалов составляли сала-уздени или первостепенные уздени (по русским документам). Они, как правило, владели землями. Имели и зависимых от них крестьян. Сала-уздени в отношении своей земли и зависимого крестьянства и рабов пользовались теми же правами, что и беки и чанки. По бийским адатам кумыков сала-уздени были свободны от всяких повинностей феодалу. Обычно они сопровождали беков во время их выездов на охоту или военных походов³.

Если бек мог безнаказанно убить узденя, то он не мог так поступить с сала-узденем. За убийство сала-узденя бек обязан был уплатить «штраф шесть быков и выходить канлыем на два месяца и при примирении должен был дать ближайшему родственнику убитого лошадь со сбруей, оружие и платье»⁴, т.е. одежду.

Сала-уздени старались не вступать в брачные отношения с другими сословиями. Из их числа назначались судьи и другие представители бекской администрации⁵. Сала-уздени исполняли обязанности посланцев и представителей кумыкских беков на переговорах с представителями других держав⁶.

За свою службу биям сала-уздени получали от них зависимое и независимое имение⁷. Сала-уздени «обязаны были князьям не только личной, но и потомственной службою»⁸. Все они считались приближенными кумыкских князей, не платили ни бекских, ни государственных податей, хотя «владели боль-

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 108-109.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 173.

³ Там же. С. 174.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 175.

⁷ Там же.

⁸ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 109.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 167.

² Там же. С. 189-170.

³ Там же. С. 172.

⁴ Там же. С. 173.

⁵ Там же; Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 108.

⁶ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 201.

шими площадями земель, горными пастбищами, кутанами, чагарами и рабами¹.

Об этом сословии можно найти интересные наблюдения и в цитируемой нами работе А.С. Акбиева. В ней заслуживает особого внимания утверждение о том, что «сословие это не имело над другими классами никакой законной власти»², а также о том, что «первостепенные уздени часто выступали посредниками между высшими и низшими сословиями и нередко защищали угнетенных»³.

Отметим также, что сословное обозначение «сала-узденъ» являлось наследственным и его нельзя было лишить никакими постановлениями.

Наиболее многочисленным было в северодагестанских феодальных владениях сословие догерек-узденей, происшедших как из местного, так и из пришлого с гор населения. Их считали второстепенными узденями. Они составляли основную массу феодально-зависимого населения, хотя не были прикреплены к земле и считалось, что они живут на землях, принадлежавших князьям или первостепенным узденям на известных условиях: платить подати князьям, выходить на их полевые работы – «булкъя»⁴. Для догерек-узденей характерна была относительная личная свобода (перехода от одного феодала к другому) «при почти полном отсутствии у них земли на правах владения (если не считать отдельные мюльки)»⁵.

В социально-экономическом положении узденей и догерек-узденей не было особой разницы. Однако догерек-уздени старались не вступать в смешанные браки с кара-узденями, считая их себе не парами. Разница заключалась между ними лишь в том, что, если разбогатевший догерек-узденъ, хотя и с большими трудностями, мог пробиться в сала-уздени, кара-узденъ этого не мог достичь никогда, хотя бы и «приобрел по-земельную собственность».

¹ Там же.

² Акбиев А.С. Кумыки... С. 76.

³ Там же. С. 76-77.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 77.

⁵ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 112.

В число третьестепенных узденей входили и так называемые азаты – «свободные». Освободившиеся от зависимости рабы, вольноотпущенники пополняли ряды азат-узденей, которые только в четвертом поколении переходили в сословие третьестепенных узденей или людей свободных¹.

К следующей социальной категории населения Засулакской Кумыкии относились чагары. «Происхождение названия чагар, по словам Р.М. Магомедова, одни «пытаются объяснить от кумыкского слова чикмак, означающего «выходить», «выходец», другие – чагар стараются вывести из племенного названия. Странники второго объяснения утверждают, что некогда чагары составляли одно племя, которое, оказавшись побежденным, стало называться чагарами»². Он считает, что многие горцы в силу разных причин вынуждены бывали уходить из родных мест и селиться в отдаленных местах, в частности в большинстве случаев на землях кумыкских феодалов «на кабальных условиях, приводивших их в конце концов к феодально-зависимому положению. Таким путем и образовалась у кумыков особая группа крепостных крестьян под названием чагаров»³.

Чагары также делились на первостепенных и второстепенных. Первостепенные чагары жили в этих местах с незапамятных времен. Ко второстепенным относились «гергенчилары», т.е. пришельцы более позднего времени. Первостепенные чагары имели более самостоятельное хозяйство, а некоторые даже рабов. Чагары обеих категорий считались крепостными. Часть чагаров жила в господском доме, занимаясь домашними и полевыми работами. Большинство же их жило отдельными дворами или кварталами на земле феодала. Чагары не имели права ухода от хозяина земли, не откупившись. Хозяину чагаров было предоставлено адатами «полное право наказывать их, казнить, продавать с семьею или отдельно, разлучая мужа от жены, детей от матери»⁴.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 179; Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 204.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 179.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 180-181; Кумыки, их права, обычаи и законы. // Газ. «Кавказ». 1846. № 37.

С.Ш. Гаджиева считала, что чагары «не имели никаких прав на землю, им отведенную и при отчуждении этой земли владельцем могли сохранить за собой только то имущество, которое было приобретено ими лично». Ряды чагаров пополнялись за счет сажаемых хозяевами на землю холопов и рабов¹.

По мнению С.Ш. Гаджиевой «чагары, как правило, поселялись отдельными кварталами – «авулами» недалеко от своих владельцев. В сел. Эндирей, например, эти кварталы «Темир-чагар», «Тюмень чагар», «Адиль Гирей-чагар», «Айдемир-чагар», сел. Аксай – «Адиль-чагар», «Каплан-чагар». Существовал обычай купли-продажи чагар под названием «чагар-сату», согласно которому владелец мог продать чагара только в пределах данной местности, а также при продаже его новому хозяину только за ту же цену, за которую его приобрел раньше. Более того, сначала надо было предложить чагара бывшему его хозяину за ту же цену.

Чагары могли выкупиться на волно, заплатив своему хозяину 50-200 рублей².

Все чагары подвергались прямому внеэкономическому принуждению. Феодал, хотя и наделял своего чагара землей, но в любое время мог его заставить работать на себя. Чагаров могли иметь как бии, так и отдельные уздени. Положение узденских чагаров было гораздо тяжелее, чем бекских³.

На положении чагар в засулакских владениях находились и терекеменцы. Они не были аборигенами, а были пришлым населением на данной территории с XVIII в. Терекеменцы принадлежали только четырем княжеским фамилиям Казаналыповым, Айдемировым, Темировым и Алишевым и жили в сел. Чонт-аул, Темир-аул и в одном из кварталов Костека⁴.

Согласно наблюдениям Х.-М. Хашаева, князь мог продавать и наказывать чагаров, но не имел права на их жизнь. Имущество чагара считалось его собственностью и переходило по наследству по мужской линии, но выморочное имущество ча-

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 113.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 204.

гара переходило к князю¹. Кровные дела чагары вели сами без участия князя: за убитого князя они обязаны были участвовать в кровомщении; в брачных делах позволения у князя не спрашивали, брак их происходил между собой, редко кто из них мог жениться на узденке; дети чагаров от узденки все равно считались чагарами, дети узденя от чагарки – узденями².

Чагары эндирейского участка наравне со всеми отбывали повинности «булка» или «ясак», а Аксаевского и Костековско-го участков, кроме того, перевозили с поля хлеб и сено биев к их двору на своих подводах. Каплановские чагары доканчивали полевые работы на тех землях, где жители отбывали биям «булка», поочередно выставляли арбы для поездок княгинь, доставляли на своих арбах из р. Сулак камни для надмогильных памятников; каждый, имеющий пару быков, доставлял 12 арб дров на зиму. Женщины-чагарки обмазывали глиной постройки биев, приготавливали их зерно для помола и т.д.

Аксаевские чагары должны были принимать участие в «булка» или платить «ясак» - дань. Другие работы ими выполнялись только по принуждению князя³.

Существовало у кумыков и сословие рабов. Назывались они кулами (мужчины) и каравашами (женщины). Первоначальным источником их появления были военнопленные – «ясыри». Их число в XVIII в. было довольно велико. Рабов могли иметь даже чагары. Их могли продавать, дарить, завещать. Цена на красивых рабынь была довольно высокой, к концу XVIII в. она доходила от 150 до 450 руб. Эксплуатация рабов носила домашний характер. Нередко их сажали на землю. Так они превращались в чагаров. Этот процесс усилился к концу XVIII в. Часть рабов обслуживала хозяев дома, часть из них выполняла все тяжелые хозяйственные работы в поле и садах. Они всецело зависели от воли своего господина.

Приведенный материал свидетельствует о том, что в феодальных владениях Засулакской Кумыкии социальная градация общества была довольно глубокой. Одни категории населения обладали всеми правами полной власти (беки-князья),

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 203.

² Там же. С. 203.

³ Там же.

а другие находились в полной их власти (чагары, кулы). Это значило, что во владениях Засулакской Кумыкии господствовало социальное неравенство, а характер сложившихся общественных отношений был феодальным.

§ 2. Феодальные владения Среднего Дагестана

Под Средним Дагестаном в географической литературе понимается территория Дагестана, протянувшаяся с севера на юг от реки Сулак (Койсу) до границ Дербентского ханства и с востока на запад от берегов Каспийского моря до границ Дагестана с Грузией по Главному Кавказскому хребту, включая в его состав северные склоны, начиная с северо-запада от г. Нацидирис-Цвери и до Дюльты-дага. Характер его рельефа необычно сложен, включает он буквально все географические зоны Дагестана, начиная от равнинного морского побережья, предгорье, горную часть (Внутренний Дагестан) и высокогорье с его ледниками и вершинами, высота которых достигает 3000 – 4000 и более метров.

В Среднем Дагестане берут начало и протекают наиболее крупные реки Дагестана – Аварское Койсу, Кара-Койсу, Андийское Койсу и Казикумухское Койсу, в конечном итоге образующие реку Сулак. В территориально-политическом плане Средний Дагестан в XVIII – начале XIX в. был разделен на ряд феодальных владений и множество союзов сельских обществ. В нем располагались наиболее крупные феодальные владения Дагестана – Тарковское шамхальство, Казикумухское, Аварское и Мехтулинское ханства и Кайтагское удийство. Их историко-географической и общественно-политической характеристике и уделяется в данном разделе работы главное внимание¹.

¹ Казикумухские и юринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. Шамхалы Тарковские. // ССКГ. Тифлис, 1868. Т. I; Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 182-198; Магшаев Р.Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // Уч. зап. Ин-та ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала. 1959. Т. VI; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения... С. 8-11; Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 48-54; Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 206-220; Гаджиев В.Г. Роль России... С. 23-25; Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 297-306; Алиев Б.Г.,

а) Тарковское шамхальство в XVIII – нач. XIX в.

История образования шамхальства Тарковского привлекала внимание многих исследователей. Мы же постараемся показать на основе источниковых данных, что из себя представляло это наиболее крупное феодальное владение Дагестана в XVIII – нач. XIX в.

По мнению Р.М. Магомедова «среди кумыкских бийликов шамхальство по своей обширности занимало первое место, и князь из Тарков пользовался большим политическим влиянием не только в самой Кумыкии, но и в других частях Дагестана. Не случайно то обстоятельство, что персидские шахи и турецкие султаны в течение XVII – XVIII веков усиленно добивались расположения, в первую очередь, именно шамхалов тарковских». С начала XVIII века шамхалы начали усиливать связи с соседними северными владениями, в чем была заинтересована и Россия.

Петр I проявил особый интерес к Дагестану и особенно к кумыкскому владельцу шамхалу» Адиль Гирею, которому было 19 января 1720 г. определено царское «жалование» в таком же размере, какое шамхалы до этого получали от шаха персидского¹. По приказу и плану Петра I на территории шамхальства была построена крепость Святой Крест на р. Сулак. Позже появилась российская крепость Кизляр (1735 г.), сыгравшая огромную роль в судьбе народов Северного Кавказа и Дагестана, в том числе².

Конкретное определение границ территории Тарковского шамхальства дано было в 1961 г. Х.-М. Хашаевым. Он писал, что «территория шамхальских кумыков простиралась от Сулака вдоль Каспийского моря до Каякента, охватывала всю территорию Прикаспийской низменности и частично предгорную полосу. На этой территории в начале XIX в. были расположены 24 селения, которые принадлежали крупнейшему феодалу-шамхалу тарковскому, жившему в сел. Тарки, в резиденции

Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVIII – начала XIX в. Махачкала. 1999. Кн. I. С.193-221.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 183.

² Там же.

всех шамхалов после переселения их из Казикумуха на плоскость»¹. По его же сведениям, «тарковские феодалы титуловались шамхалами и валиями Дагестана»².

Шамхал в начале XIX в. получал торговые пошлины с каждой проезжавшей через его владение повозки с товарами по 2 руб. 60 коп., с повозки с фруктами по 1 руб. 30 коп., с каждого пуда марены (краски) – 2 р. 50 коп., «с пуда канцелярного семени – по 5 руб.», с лошади – по 50 коп., с 10 голов овец или рогатого скота – по одной главе, с 10 рыб – по одной, с каждого всадника или пешего по 1 руб.³ Шамхалы являлись крупными собственниками пахотных и пастбищных земель. Феодалная собственность в шамхальстве Тарковском образовалась путем захвата общинных и присвоения пустующих земель. Шамхалы, беки и чанки всеми способами стремились захватить земли. В частности, так была захвачена шамхалами местность Кокрек, принадлежавшая жителям селений Атлы-Буюн и Кумторкала⁴.

Карачи-беки, которые до прихода шамхалов на плоскость, имелись в некоторых селениях, тоже успели захватить общинные земли и пользовались большими привилегиями, получали по несколько паев при ежегодных переделах пахотных земель.

Х.-М. Хашаев подчеркивал, что «беки и чанки, хотя и имели свои земли отдельно от земель сельских обществ», но, «как члены сельской общины пользовались и общинными землями в селениях Кака-Шура, Кадар, Капчугай, Атлы-Буюн, Кумторкала, Карабудахкент, Эрпели и др., при переделе получали от 2 до 8 паев «земли, когда другие общинники получали по одному паю»⁵. При этом они получали эти земли по своему выбору, а не по жребию, как другие общинники. Более того, шамхалы до ликвидации в Дагестане ханского правления пользовались полнотой власти, имели воинские отряды из вооруженных нукеров и право суда, силой могли заставить зависевших от них крестьян работать на себя и отбывать денежные и

¹ Там же. С. 208.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 207.

³ Там же. С. 208.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 209.

натуральные повинности, «до начала XIX в., пользовались правом первой ночи, беспощадно» расправляясь с теми, кто не оказывал им раболепного повиновения¹.

По мнению Х.-М. Хашаева, беки в шамхальстве юридически имели только административную власть, но фактически они не делали разницы между административной и судебной властью, жестоко расправлялись со своими подвластными за неповиновение². Он же обратил внимание и на социальную структуру общества в шамхальстве, отметив, что «на ранней стадии феодализма в шамхальстве господствовала барщина; все сельскохозяйственные работы выполнялись чагарами и зависимыми узденями, а рабы обслуживали феодалов, выполняли работы прислуги. Раяты также имелись в шамхальстве вплоть до 1913 г., т.е. до отмены раятской зависимости»³. Феодалное сословие в шамхальстве захватило к нач. XIX в. основные массивы пахотных земель, сенокосов и даже пастбищ. За пользование ими крестьяне вынуждены были платить подати и отбывать натуральные повинности бекам и чанкам⁴.

Резиденция шамхалов находилась в с. Тарки, о котором посланец Петра I в Иран Андриан Лопухин писал в 1718 г., что аул Тарки находится «от моря в верстах четырех. Поселено жило в самой горе, которого будет дворов тысячи с полторы и вокруг его над жилыми (т.е. жилищами – авт.) горы очень круты, на которых вверху места ровные. И по краю живут караульщики, в одной солдаты, которые с Терку присылаются, и при них две пушки». А. Лопухин отметил, что пристань у Тарков не очень удобная, хотя к ней и «пристают суды тутошних торговых людей и то с нуждою...», что много судов выбрасывается на берег при частых на Каспии штормах⁵.

По сообщению А. Лопухина получается, что в 1718 г. было несколько «шевкалов» – шамхалов. В Тарках был Алди-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 210.

⁴ Там же. С. 211–216.

⁵ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. //

гирей – шевкал, «Амулат шевкал» в Казанищах, «Чобан шевкал» в Эндирее¹.

Более интересны и полнее сведения о Тарках и собственно Тарковском шамхальстве у И.-Г. Гербера. Он писал: «Тарку уезд. Ситуация. Расстоянием к норду (к северу – авт.) до реки Сулака, к осту (востоку – авт.) до моря, к зюйду (югу – авт.) до гор Бойнак, хайдаков и карахайдаков, к весту (западу – авт.) протянется до акушинцов и таулинцов».

И.-Г. Гербер отмечал, что «уезд великой, состоит при городе и столицы шамхальской Тарху во многих добрых и великих деревнях», часть которых располагалась «на нижней земле недалеко от моря, часть на горах и между горами лежат», что жители их «магометаны, сунны», состоящие с 1722 г. в подданстве Российской империи, а «прежде того под Персиею» были²; что «дагестанцы люди храбрые и поспешны на конях, все оруженны оружием огненным (т.е. огнестрельным – авт.), добрыми саблями и многие в панцерах; луков и стрел мало употребляют»³.

И.-Г. Гербер обратил внимание на то, что «шамхалы изстари великую власть и чрезмеру великую волю и привилегии имели, ибо не токмо все уезды в Дагестане под их властью стояли, но оные еще некоторую часть тавлинцев под свою власть брали и самовольно яко подданными владели, а другие около их живущие народы всегда их высоко почитали и их силы боялись. И дабы шамхал все здешние народы в подданстве послушанием страхом держать и к тому силы иметь мог, допущено ему не токмо, все доходы и подати в Дагестане на себе брать»⁴. По сведениям И.-Г. Гербера, шамхал ежегодно получал от шаха 4000 тумен, на которые он должен был «несколько войска содержать», шамхалы пользовались великим почтением «при дворе шаховым», да и Россия «часто немалых подарок для имения с ними доброго соседства» посылала шамхалам⁵.

В лаконичном сообщении И.-Г. Гербера о занятиях таркинских жителей содержится довольно ценная информация. Он писал, что они «имеют хорошие виноградные и другие сады, также всяких овощей, скотоплодия и пашен довольно; сеют же хлопчатой бумаги, которая здесь наилучше растет. Несколько жителей в Тарху имеют купечество в Персии и в России. Те в горах и в даль живущие торгуют краденными грузинцами, армянами и черкесами, которых они крымским и кубанским татарам продают»¹.

Сведения И.-Г. Гербера, а также других авторов о Тарках XVIII в. подверглись глубокому анализу в работе В.Г. Гаджиева, посвященной источниковедческой оценке сочинения И.-Г. Гербера. По наблюдениям В.Г. Гаджиева, в начале XVIII в. Тарки был и крупным торговым центром, где из местной продукции «продавались хлебные злаки, марена, продукты скотоводства, изделия домашней промышленности и ремесла. Много товаров поступало сюда также из России (а через Россию шли и западноевропейские товары), а из Закавказья (Азербайджана, Грузии), Ирана и других стран. Из России поступали всевозможные металлические изделия (медные котлы, блюда, сундуки, тазы, топоры, ножи, гвозди, огнестрельное оружие), предметы галантереи (ножницы, иголки, булавки, пуговицы, зеркала, меховые изделия). Из Ирана и ближневосточных стран поступали предметы роскоши: шелк, сладости, пряности и др.² По торговым делам в шамхальство прибывали также жители Северного Кавказа (кабардинцы и др.). Они здесь в основном приобретали изделия кустарных промыслов: кинжалы, сабли, бурки и др. «Для продажи своих товаров таркинские купцы ездили и сами на Северный Кавказ и в Россию: в крепость Терки, Астрахань, Москву, а также в города Закавказья и Ближнего Востока»³.

Что представляло из себя владение тарковских шамхалов в конце XVIII в. сообщение оставил Д.И. Тихонов, снимавший на карту шамхальство, уцмийство и т.д. Он писал, что «владение шамхалово определяется с севера от вышесказанной гра-

¹ Там же. С. 44-45.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 71.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ Там же. С. 71-72.

¹ Там же.

² Гаджиев В.Г. Роль России... С. 86-88.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 71-72.

ницы рекою Кара Койсу по устью реки Сулака; от востока берегом Каспийского моря; от юга начинается сухою границею с уцмиевым и Али Султановым владениями, от урочища Урусай-Булака, от которого подымается хребтом, а потом наклоняется к северу от хребтов гор, лежащих между рек Большого и Малого Манаса, до границы уцмиевой, от коей паки повернется хребтом же на запад, между вершинами рек Манаса и Торкали – Озени и дойдет до западных гор, за которыми граничит с народами акушинцами и салатавцами»¹.

Д.И. Тихонов, как топограф и географ, оставил интересные сведения о реках и речках, протекавших через владение шамхала – «Быкас» («Дурма копир»), Торкали-Озень, Черкас-Озень, Аилутчи, Манас-озень, речка Горькая Урусай-Булак² и т.д. Он же составил подробный список сел, входивших во владение шамхалов. По его сведениям в Тарках было около 1500 домов, в Буйнаке (там жил сын шамхала) – 950 домов, а всего в 24 деревнях, входивших в шамхальство, насчитывалось до 2950 домов. Основное население их составляли кумыки, а в Тарках проживало и некоторое количество евреев («жидов, исповедовавших свой закон»)³. На плоскости располагались селения: Янгиюрт (при урочище Алагазе), Кумторкали при речке Торкали-Озень, Албюру-кент. При ключах (родниках) были расположены села Албюрукент, Кяхулай, Торкали.

В горах и по над речками и при ключах располагались селения Хуdash, Масюлем-аул, Агач-аул, Капчугай, Ерпели, Ишкарта, Каранай, Кичи-Казаниш, Уллу Казаниш, Шура, Какашура, Кафыр-кент, Бутлени, Халил-аул, Амархай-кент, Атлабони.

По левой стороне реки Манаса и при ключах располагались села Карабудах, Губден, Кадар, Гелли и еще раз встречается Шура⁴.

Шамхалу принадлежали и имевшиеся в Шамхальстве кутаны (зимние пастбища). По сведениям Д.И. Тихонова, «в зиму

за один кутан по 200 баранов» брали с горских жителей в зависимости от величины арендовавшегося ими кутана. Шамхалу же подчинялись ногайцы, кочевавшие от устья реки Сулак и вверх к югу по берегу Каспийского моря до речки Торкали-Озень. Жили они в кибитках, которых насчитывалось до 300. Ногайцы выполняли работы по надобности шамхала, в летнее время давали ему своих быков для пахоты земли, а иногда косили и сено¹.

Особенно много кутанов у шамхала арендовали акушинцы, которые принимали обязательно участие при его избрании и провозглашении. Без их участия шамхал не мог быть избран и провозглашен².

Шамхальство имело широко развитую сеть дорог и тропинок, которыми оно было связано с другими феодальными владениями и союзами сельских обществ Дагестана. Одна из главных дорог шла из Кизляра мимо Тарков до Дербента и далее в Ширван.

По этой дороге успешно проходили караваны купцов и даже российская артиллерия. Другая дорога шла в Аварию из Тарков через Казанище; третья дорога из Тарков шла в Губден, а оттуда к акушинцам.

П.Г. Бутков – известный российский исследователь и знаток Кавказа – ничего особенного не заметил в Тарках, кроме того, что «Тарки имеет прелестное положение» и составляющие его 1500 домов расположены по косоугору версты на 3 так, что «один дом почти над другим стоит», и построены они из дикого тесаного камня по обыкновенному азиатскому вкусу». По его словам, дом шамхала на восточном склоне горы, расположен был лицом к западу, «любопытного ничего» не имел и все достоинство его заключалось в его древности. Ворота дома были сделаны в виде башни «готического вкуса». Во дворе шамхала был прекрасный родник. Внутренние комнаты дома были украшены коврами и посудой медною и фарфоровою. Из

¹ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 125.

² Там же.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же. С. 129.

¹ Там же. С. 130.

² Там же. С. 131.

комнат были видны почти все дома городские. На многих родниках были построены мельницы¹.

О власти шамхала П.Г. Бутков писал, что «шамхал тарковский есть самовластный владелец, и тяжбы своих владельцев сам решает деспотически»². Денежные доходы шамхала тарковского, - по словам П.Г. Буткова – были «не велики и с 6-ю т. жалованья, российским двором ему присылаемых, простираются до 30 т. рублей серебром», а число подданных его доходило до 100 т. человек. Это могущество и придавало шамхалам авторитет среди других дагестанских феодальных правителей. И все же никакой пышности в жизни шамхала П.Г. Бутков не заметил³.

По сведениям же А.И. Ахвердова «вся равнина от моря до гор» принадлежала шамхалу тарковскому и тянулась по берегу в длину верст сто десять, в ширину же от моря до гор местами пятнадцать, а где десять, пять и три версты», шамхал считался одним из сильнейших в Дагестане владельцев, предкам которого и весь Кавказ повиновался»⁴.

А.И. Ахвердов отметил важную роль рыболовства в жизни подданных шамхала тарковского, которому принадлежали богатые рыбой устья реки Сулак (Койсу). Шамхал отдавал эти рыбные ловли «на откуп разным российским людям»⁵. Основным же занятием подвластных шамхала были хлебопашество, скотоводство, так как наличие больших земельных угодий позволяло им этим заниматься⁶. Сеяли они все виды злаковых, овощных и садовых культур. Больше всего же кумыки сеяли пшеницу и ячмень. Повсеместно растили виноград, хлопчатую бумагу, сеяли и кукурузу, «сарачинское пшено» (рис), просо, огородно-бахчевые культуры – тыквы, арбузы, дыни, лук, чеснок, перец, огурцы, фасоль. Применяли они лучшие семена, удобряли и орошали почву и посева.

¹ Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД, С. 200.

² Там же. С. 200-201.

³ Там же. С. 201; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 568-569.

⁴ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД, С. 215.

⁵ Там же. С. 215; Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 303-305.

⁶ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 64-65

Из фруктовых деревьев широко распространены были у тарковцев яблони, груши, айва, сливы, алыча, вишни, черешня, кизил, абрикосы, персики, грецкие орехи, тутовые деревья для кормления шелкопряда. Большую роль в XVIII – нач. XIX в. у тарковских кумыков играло разведение марены и винограда, пчеловодство.

Важное место в экономике кумыков занимало скотоводство, чему способствовала хорошая кормовая база, наличие больших массивов зимних пастбищ. Животноводство было отгонным. Кумыки пользовались богатейшими летними пастбищами в горах, а сами сдавали в аренду зимние пастбища. Разводили больше крупный рогатый скот, который применялся и в качестве тягловой силы для обработки земли (пахоты), перевозки тяжестей, много у них было овец и коз, лошадей. Широко практиковалось разведение буйволов¹.

В целом же у жителей Тарковского шамхальства хозяйство было многоотраслевым; у них были развиты не только сельское хозяйство, но и разные виды домашних промыслов, которые достаточно подробно описаны С.Ш. Гаджиевой² и здесь нет необходимости давать анализ их состояния в XVIII в.

Отметим еще, что шамхал тарковский имел значительный доход и с соляных озер (Турали и др.), «из коих за некоторую плату» позволялось «брать соль дагестанцам, кумыкам, чеченцам как для собственного продовольствия, так и для продажи».

Здесь кажутся вполне уместными слова С. Броневского о том, что «сия продажа соли и выгодное положение Шамхальского владения по берегу морскому, заключающие обильные паствы (пастбища – авт.) в низинах для него весьма важны. Кроме дохода, получаемого от сих двух предметов, и наипаче (особенно – авт.) с овечьих стад, пригоняемых туда горскими жителями в зимнее время, оба сии обстоятельства составляют политическую силу шамхала, содержанием соседей в обоюдном опасении лишиться скота от недостатка в подножном корме, или затрудняться в продовольствии себя солью; чему одна-

¹ Там же. С. 66-71.

² Там же. С. 76-101.

ко же подвержены все подвластные и соседственные колены в случае домашних ссор или разрыва с шамхалом»¹.

Шамхальство играло важную роль в политической жизни Дагестана в XVIII в. В 1718 г. шамхал Адиль Гирей принял присягу на верность России, оказал услуги Петру I в 1722 г. при прохождении императора с войском через Дагестан на юг, принял его с царицей в Тарках. Однако в 1725 г. после строительства российской крепости Святой Крест в своих владениях выступил против русских и в конечном итоге оказался пленником в г. Кола, где и скончался. (Подробности см., Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 300; Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 72; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 74-82).

Царское же правительство вообще отменило шамхальскую власть. Шамхальское достоинство и власть были восстановлены лишь в 1735 г., когда российские войска были отведены за Терек. Шамхалом стал сын Адиль-Гирея Хасбулат (Казбулат), поддержанный Надир-шахом, которого слушался за это до 1743 г. В 1743 г. Хасбулат присягнул на верность России. В 1786 г. его сын Муртазали тоже вступил в подданство России и был верен присяге². Шамхал Муртазали в 1765 г. поддержал Фатали-хана Кубинского, овладевшего Дербентом³. За это шамхал получил в подарок от Фатали-хана деревни «в Кубинской провинции Караджали, Набурли, Чиги, Азатли, Бебешли и Бабели»⁴.

Преемник его Магомед-шамхал тоже придерживался пророссийской ориентации. Екатерина II указом от 19 апр. 1793 г. утвердила его в достоинстве шамхала с правом наследственной передачи его, отправила ему бриллиантовое перо для ношения на шапке, степень тайного советника и 2 тыс. руб.⁵ Сын Магомед-шамхала Мехти продолжил эту же линию внешней политики, был произведен в генерал-лейтенанты, а 10 сентября 1806 г. он был указом императора Александра I признан и дер-

¹ Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 305-306.

² Там же. С. 300; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 15-16, 24-25, 76-77.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 250-251.

⁴ Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 183; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. I. С. 220.

⁵ Шамхалы тарковские. // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 61-62.

бентским ханом с правом сбора налогов с ханства, за исключением города Дербента, в свою пользу.

Поход 1796 г. царских войск во главе с графом В. Зубовым через владения тарковского шамхала также не вызвал никаких осложнений в шамхальско-российских отношениях. Шамхал был удостоен еще подарков¹ и т.д.

Однако власть шамхалов в XIX в. все более ограничивалась назначаемыми якобы им в помощь царскими приставами, что практиковалось вплоть до 1876 г. до упразднения власти ханов и шамхалов².

Из всех феодальных владений Дагестана изучаемого периода Тарковское шамхальство имело наиболее стабильные торгово-экономические связи с Россией. Шамхальство привлекало большое внимание правителей Ирана, Турции и Крыма, пытавшихся склонить его правителей на свою сторону в борьбе за господство на Северном Кавказе. Тарковские шамхалы имели необычно широкие политические и династические связи с другими феодальными владельцами Дагестана. Их политика в исследуемый период в целом служила стабилизации политической ситуации в приморской части Дагестана, а где-то и смягчению остроты имевших место конфликтных ситуаций международного масштаба. Все эти, а также и другие вопросы будут подробно освещены нами далее.

б) Мехтулинское ханство в XVIII – нач. XIX в. (соавтор этого раздела – к.и.н. Р.М.Умаханов)

Образовалось это ханство в середине XVII в. в результате распада существовавшего до этого Казикумухского шамхальства, объединявшего лакцев, кумыков, часть даргинцев (Акуша-Дарго), ряд аварских сел и т.д. На истории образования этого ханства тоже нет необходимости подробно останавливаться, поскольку она освещена, хотя и не так полно, как хотелось бы,

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 568-569.

² Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 138.

во множестве работ¹, среди которых заметно выделяется кандидатская диссертация Р.М.Умаханова².

Название это ханство получило от имени своего основателя Мехти (или Кара Мехти – Черный Мехти), происходившего из Кумуха. При распаде Казикумухского шамхальства он по не совсем нам известным причинам покинул Кумух и обосновался сначала в Аймаки, потом подчинил постепенно себе Охли, Доргели, распространил власть на Дженгутай, ставший его резиденцией. В конечном итоге мехтулинским ханам подчинилось и признало их власть около 20 аварских и кумыкских селений. Среди них стабильно в ханство входили селения Большой Дженгутай (резиденция ханов), Малый Дженгутай, Дуранги, Апши, Ахкент, Оглы, Кулецма, Чоглы, Дургели (Доргели), Кака-Шура, Параул, Урма³.

Согласно сведениям Х.-М.О. Хашаева, в состав этого ханства входили и даргинские селения Наскент, Левашаи. Имеются сведения о вхождении в это ханство и селения Гергебиль⁴.

В «Истории Дагестана» 1967 г. и в работе В.Г. Гаджиева утверждается, что в Мехтулинское ханство входило 18 аулов⁵, но они не названы вообще. Указанные же выше аулы не составляют такой цифры.

¹ Мехтулинские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. В. II. Отд. IV. С. 1-16; Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. В. I. Отд. IV. С. 53-80; Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, Койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 293-298; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1888. Т. 2. С. 210-228; Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 87-89; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 216-220; Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 49-50, 159-160; Гаджиев В.Г. Роль России... С. 25-26. История Дагестана. М. Наука. 1967. Т. 1. С. 323-324; Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 21-23; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана... Кн. I. С. 234-245.

² Умаханов Р.М. Мехтулинское ханство в XVIII – начале XIX в.: социально-экономическое развитие и политическое положение. Автореф. дисс.: канд. ист. наук. Махачкала, 2001. С. 10-20.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 89.

⁴ Щербачев А.П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 297.

⁵ История Дагестана. М.Наука. 1967. Т. 1. С. 323; Гаджиев В.Г. Роль... С. 25.

О границах Мехтулинского ханства коротко было написано Д.И. Тихоновым в 1796 г., что «владение Али Султана женгутайского (так называли тогда Мехтулинское ханство – авт.) граничит со владением шамхала; от севера хребтом гор, лежащих между вершин рек Торкали-Озени и Манаса; от востока переходит через хребет гор, лежащих между Малого и Большого Манаса, хребта, лежащего от юга, которым граничит с владением уцмиевым, а от запада с вольным народом акушинцами»¹.

С указанным выше числом (18) сел составлявших Мехтулинское или Дженгутайское владение, не согласуются сведения П.Г. Буткова от 1798 г.: «в Дженгутейском 10 деревень, душ до 21000...»²

Более достоверные сведения собраны были о Мехтулинском ханстве штабс-капитаном российской армии на Кавказе А.П. Щербачевым. По его данным резиденцией ханов Мехтулы было селение Большой Дженгутай. Точно указаны были им границы ханства, граничившего «К северу и западу с владениями генерал-лейтенанта шамхала тарковского, к востоку с Акушей и койсубулинцами, к югу Аймакским ущельем и землями шамхала»³. Перечислил он и 12 главных «деревень» ханства: «Большой и Малый Дженгутай, Дургели, Шура, Апши, Охли, Аймаки, Джооли, Урма, Кулецмо, Ахкент и Дуранга». В них он предполагал число душ мужского пола до 5000, дворов более 1000, жители – «кумыки и лезгины»⁴. Надо понимать, что под лезгинами он понимал аварцев, даргинцев и представителей других народов Дагестана, кроме кумыков, которых к тому времени достаточно хорошо изучили российские исследователи и власти и уже не путали их с другими местными народами.

Правителем мехтулинцев являлся в 1830 г. Ахметхан (капитан русской службы), сын Гасан-хана. Он мог выставить

¹ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 125.

² Бутков П.Г. Сведения и Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

³ Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, Койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 293.

⁴ Там же. С. 293-294.

из своих подданных до 1000 человек¹. Хан получал «ясак с жителей баранами, хлебом и фруктами». Согласно приписке или другому списку рукописи А.П. Щербачева хан получал «из каждого двора по 1 сабе, весом 1 п. 20 фунт. пшеницы или по 2 барана. Кроме того, каждое семейство выделяло на день одного работника для снятия хлеба», т.е. на жатву ханского хлеба².

Щербачев отметил и основные традиционные занятия мехтулинцев. Он писал, что у них «хлеб родится в большом количестве, просо, ячмень, кукуруза; некоторые сеют также сарачинское пшено и пшеницу», что у них «табак и сено в изобилии. Лес вообще лиственный, но его весьма немного», что «деревни, лежащие в горах, по неимению леса отапливаются кизяком», а «строевой лес получают с р. Койсу от д. Чиркей».

Поверхность Мехтулинского ханства была частью гористой, частью равнинной.

Особо отметил А.П. Щербачев занятие мехтулинцев пчеловодством.

Анализ сведений А.П. Щербачева свидетельствует о том, что мехтулинцы занимались животноводством, земледелием, садоводством, разводили все основные зерновые (злаковые) культуры того времени. И здесь весьма убедительно звучат его слова о том, что «жители сего ханства имеют торг с соседственными горцами хлебом и солью, получая последнюю из владений шамхала Тарковского. Табак и фрукты разного рода вывозят для продажи в д. Андреево (т.е. в Эндирей – авт.) и даже на Терек. Стада овец имеют весьма значительные, рогатого же скота и лошадей немного по причине гористых и невыгодных мест для пастбы оных»³.

Интересно его замечание: «народ хотя вообще небогатый, но живет довольно хорошо»⁴.

По наблюдениям А.П. Щербачева из Дженгутая к Дербенту, к Таркам и Эндирею шли «очень хорошие дороги»; ханство имело связь с Аварией «по тропинке через Аймаки и Кулецмо к Херхевилю» (т.е. Гергебилю – авт.), по которой могли

¹ Там же. С. 294.

² Там же.

³ Там же. С. 294.

⁴ Там же.

проезжать арбы. Тесно связаны были между собой дорогами и другие селения ханства.

Это позволяло мехтулинцам поддерживать взаимосвязи по торговым делам со всеми соседними народами. Из шамхальских владений они получали соль, которую продавали горцам вместе с зерном; на Терек и кумыкам они гоняли овец и доставляли «фрукты на продажу»¹.

Отметил А.П. Щербачев и родственные связи мехтулинского хана с ханами Аварии, шамхалом тарковским, преданность мехтулинского хана российскому правительству, совершенное повиновение хану его подданных, отличавшихся воинственностью, стройностью, хорошим вооружением, имевших крепкие каменные домостроения в селениях².

Описал А.П. Щербачев и поверхность Мехтулинского ханства, выделив основные горные хребты. Среди них он выделил, в первую очередь, «небольшой кряж Черных гор», тянувшийся «от северо-востока к юго-западу» через все ханство. В ущельях этих гор и на их вершинах, по наблюдениям А.П. Щербачева, находились «очень хорошие пастбищные места; лесу же редко где можно на них встретить, выключая Аймакинского ущелья». Но в целом горы все эти были «не весьма скалисты». Среди гор между селениями Дургели и Охли выделялись высотой горы Кудлах и Чахых-Хаух³.

Многое из написанного А.П. Щербачевым подтверждается и сведениями о Мехтулинском ханстве М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга. Весьма лаконично они отметили, что «Мехтулинское владение смежно границами с Аварией, Акушою и Шамхальским владением. Мехтулинцы живут в горах к юго-западу от Тарку по вершинам небольших речек, впадающих в Озень и Манас. Они питаются от земледелия и преимущественно от скотоводства, содержат значительные стада овец. Имеют собственного владельца, Ахмет-хана, служащего ротмистром в лейб-гвардии Гусарском полку. Вооруженных людей поставить могут до 3000. Главные из их селений суть: Большой

¹ Там же. С. 295-296; Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 291.

² Щербачев А.П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 295.

³ Там же. С. 294-295.

Дженгутай, местопребывание владельца, Огли и Джооли. Замечательно также сел. Айтеки (явно Аймаки – авт.), где в 1819 г. российские войска нанесли поражение возмущившимся мехтулинцам, шамхальцам и присоединившимся к ним аварцам»¹.

Власть мехтулинских ханов была в ханстве полной. Хань имели свое правление, творили суд и расправу вплоть до смертной казни, ни шамхалу тарковскому, ни другим правителям Дагестана податей не платили и не подчинялись². От хана зависела судьба преступников – он мог их и помиловать и казнить. Штрафы, взыскивавшиеся с преступников и т.д., шли в пользу хана³. До 1818 г. в ханстве насчитывалось 4350 дворов и 15932 человек жителей. Из 4350 дворов 2792 отбывали подати и повинности ханской фамилии, 3 фамилиям беков и 33 чанкам. Податное население считалось узденским, за исключением около десяти хозяйств чагаров. Податное население отбывало личные повинности, которые состояли в обработке ханских, бекских и чанкских полей.

Наиболее могущественным феодалом в ханстве был хан, которому жители ханства отбывали следующие подати и повинности: кент-ясак – по одному барану от каждых 30 баранов ежегодно; сабу – по 1 пуду и 20 фунтов пшеницы с каждого дыма селений Большой и Малый Дженгутай и Дуранги, а с других селений – магара (голового ячменя); арба – агач – по две арбы дров с каждого дыма, имеющего рабочий скот; куук – по одной арбе мякины с каждых четырех дымов; сабан – булка – поставка шестипарных и однопарных плугов для посева ханской пашни; бичен – булка – с каждого дыма по одному косарю на один день; урак – булка – с каждого дыма по одному жнецу на полдня; поставка арб для разных ханских надобностей; выделение рабочих для строительства и обработки ханского сада; поставка конных чагаров (вестовых).

Сверх указанных выше податей жители селений Большой и Малый Дженгутай при женитьбе и смерти хана доставляли ханскому дому по арбе дров и одной сабе пшеницы, жители се-

¹ Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 308.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 217.

³ Гаджиев В.Г. Роль... С. 26.

лений Апши, Дуранги, Ахкент и Чогли – по одному быку. Выморочное имущество жителей этих селений поступало в распоряжение хана.

Селения Апши, Ахкент и Чоглы считались основанными на землях хана, поэтому недвижимое имущество при уходе кого-либо из этих сел или в случае смерти без наследника переходило к хану. Жители селений Большой и Малый Дженгутай и Дуранги имели собственные земли, однако подати платили¹. Жители сел. Оглы (222 дыма), Кулецама (239 дымов) и Аймаки (126 дымов) не отбывали никаких податей ни ханам, ни чанкам².

В целом же жители отбывали мехтулинским ханам повинностей на 1644 руб. в год³.

Практически в каждом селе было свое управление во главе с бегаулом, картами (сельскими судьями) и чаушами (исполнители и сторожа). По данным народной переписи XIX в. в Мехтулинском ханстве было 10 бегаулов (старшин), 33 карта и 52 чаушей. В системе управления ханством важную роль играло и мусульманское духовенство. Это сословие составляли 11 кадиев, 33 мулл, 11 будунов (помощники муллы), в общей сложности 171 человек, обслуживавших 51 мечеть, где обучалось 80 муталимов⁴.

Духовенство крупных сел жило неплохо. Кадии производили разбор дел (исков) по шариату, получая за это определенную оплату от общества. Кадий пользовался авторитетом, ему не перечили, так как он имел право наложить штраф за нарушение общественного порядка, благочиния во время коллективной молитвы⁵.

Нормы обычного права мехтулинцев, зафиксированные в XIX в., отразили уровень их общественного развития, тяжелое положение таких зависимых категорий населения, как бесправ-

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 217.

² Там же. С. 219.

³ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. I. С. 241.

⁴ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 217.

⁵ Умаханов Р.М. Указ. соч. С. 14, 17.

ные рабы (лаги), чагары (крепостные крестьяне), которые свободно продавались и покупались хозяевами¹.

В целом Мехтулинское ханство играло активную роль в политической жизни Дагестана XVIII – начала XIX в. Эта роль стала заметно проявляться с момента вторжения войск иранского шаха-завоевателя Надира в пределы Дагестана. Согласно имеющимся данным, в 1741 г. Надир-шах во главе стотысячной армии вторгся в Дагестан, захватил Кайтаг, после чего часть его войск через Тарковское шамхальство была двинута в Мехтулинское ханство. Эти войска дошли до Аймакинского ущелья и остановились там. Иранцев возглавлял опытный военачальник Люфт-Али-хан. Но их 20-тысячный отряд был разгромлен горцами. Такая же участь постигла шахское войско во главе с шахскими военачальниками Гейдар-беком, Джалил-ханом, Ата-ханом и Мухаммед-Яр-ханом².

Имеются сведения о том, что Ахмед-хан мехтулинский явился одним из активных участников-руководителей Аидальяльского сражения в сентябре 1741 г., в котором «Гроза Вселенной» – как называли Надир-шаха, потерпел от горцев поражение и бежал в равнинный Дагестан. После ухода шахских войск из горного Дагестана Ахмед-хан в 1743 г. выразил желание стать вечным и верным подданным царской России³.

Али Султан дженгутайский, как тогда называли мехтулинского хана, поддержал поход российских войск в 1796 г. через Дагестан в Дербент с целью предотвращения захвата Дагестана иранским деспотом Ага-Мухаммед-ханом.

Отношения мехтулинских ханов с Россией в течение XVIII – начала XIX в. были довольно тесными, взаимно интересными. Однако в конце XVIII – начале XIX в. российско-мехтулинские отношения были омрачены военными конфликтами, приведшими к походу А.П. Ермолова (российского наместника на Кавказе) в конце 1819 г. в Мехтулу и разгрому его войсками резиденции мехтулинского хана-аула Нижний Дженгутай за его нежелание дать обосноваться ермоловским войскам в Дагестане. Этот конфликт на некоторое время обострил

отношения Мехтулы с Россией. Ермолов даже ликвидировал ханскую власть в Мехтуле¹. Однако он вынужден был восстановить это ханство. И 24 сентября 1826 г. Мехти-шамхал тарковский сообщал А.П. Ермолову, что «все жители Акуша, Дарго, Койсубу, Мехтулы пребывают верными царю»² подданными.

В целом хорошие отношения мехтулинские ханы поддерживали в XVIII – начале XIX в. с соседними аварскими ханами, Тарковским шамхальством, Кайтагским уцмийством³.

в) Аварское ханство в XVIII – начале XIX в.

Это ханство занимало одно из ведущих мест среди феодальных владений Среднего Дагестана. Оновное его ядро, как заметила это Е.Н. Кушева в 1963 г., составляли селения на Хунзахском плато⁴. Для этого ханства было характерно в XVII в.: укрепление центральной власти и расширение сферы влияния ханства на соседние с ним союзы сельских обществ, а также на Джаро-белоканские союзы сельских обществ и андодидойский участок⁵.

Эта тенденция продолжала сохраняться и в XVIII веке. Наибольшего расширения сферы влияния своей власти в Дагестане и за его пределами достиг аварский правитель Умма-хан (1774-1801 гг.). Он принудил платить дань грузинского царя Ираклия II, ханов дербентского, кубинского, бакинского, ширванского, шекинского и пашу ахалцыхского⁶.

По сведениям Р.М. Магомедова, «в XVIII в. разновременно ханством правили Мухаммед-нуцал (1713 г.), Анкалав (1730 г.), Умма-хан (1735 г.), Нуцал-хан (1774), Умма-хан (ум.

¹ Мехтулинские ханы. // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. Отд. IV. С. 5; Умаханов Р.М. Указ. соч. С. 19.

² АКАК. Тифлис, 1878. Т. VI. Ч. II. С. 101.

³ Умаханов Р.М. Указ. соч. С. 17-18.

⁴ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М., 1963. С. 42.

⁵ История Дагестан. М.1967. Т. 1. С. 251, 261.

⁶ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 32.

¹ Памятники обычного права Дагестана... С. 211-212.

² История Дагестана. Т. I. С. 366.

³ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 133.

в 1801 г.)»¹. По его же мнению, «процесс, связанный с расширением феодального хозяйства за счет захвата общинных и крестьянских земель и рост эксплуатации зависимых крестьян вызвал обострение классовой борьбы в Аварии. Бедственно сказывались на положении народных масс непрекращающиеся феодальные войны и усобицы. При Нуцал-хане и Умма-хане частыми сделались феодальные разбойничьи набеги в Грузию и Азербайджан»². Думается, что это была верная оценка, происходившим в Аварии в XVIII в. событиям, хотя в этом веке были известны и другие правители Аварии, в частности Мерсель-хан, Магомед-нуцал (отец известного в конце XVIII в. Умма-хана)³.

А.А. Неверовский писал, что Умма-хан располагал огромными средствами и заставил многих закавказских ханов платить ему подати «с тем условием, чтобы не причинять более вреда их владениям»⁴. Х.-М. Хашаев считал данные о размерах этой дани несколько преувеличенными А.А. Неверовским, поскольку сумма дани достигала 85 тыс. руб. серебром в год. Для ясности отметим, что Умма-хан получал от грузинского царя Ираклия II по одним сведениям 12 тыс. руб., по другим – 5 тыс., от хана карабахского – 15 тыс., от нухинского хана – 9 тыс., от дербентского и кубинского, бакинского и ширванского ханов – 20 тыс., от ахалцыхского паши – 7 тысяч рублей серебром в год⁵.

Согласно имеющимся сведениям Умма-хан имел под своей властью около 30 тыс. дворов, более 90 тысяч жителей и получал доход в 150 тыс. руб. В 80-х гг. XVIII в. он сделался грозой для соседних ханов. Он организовал поход на Фатали-хана кубинского и держал его в осаде в Сальянах в течение девяти месяцев, после чего был заключен мир, по которому Фатали-хан обязался уплатить Умма-хану доходы Сальянского владения, выдать за него свою дочь Пери-Джихан-ханум и уп-

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 87.

² Там же.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 142-143.

⁴ Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 34.

⁵ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 32 (примечание 109).

латить контрибуцию в 200 тыс. руб». Он же получал дань в 5 тыс. руб. серебром с Ираклия II¹.

Все это способствовало тому, что с течением времени Умма-хан стал распространять свое влияние на все общества Аварии. Одни из них находились в полной зависимости от него и платили подати, другие по его требованию выставляли войска для участия в различных походах².

Дело в том, что «аварские ханы не имели постоянной вооруженной силы, за исключением небольшого числа нукеров», и в своих походах они опирались на ополчения, которые выставляли не только общества, входящие в состав ханства, но и общества, находящиеся с ханами в союзнических отношениях и сохранявшие самостоятельное управление»³.

Для общей характеристики Аварского ханства, занятий его населения, их социально-экономического положения несомненно большое значение имеют сведения И.-Г. Гербера о ханстве. Он писал в 1728 г., что «Аварской уезд велик, состоит во многих между горами лежащими деревнях», что аварцы имеют «свой особенной аварской язык, которой ни с каким другим сходства не имеет», что они сунниты. Далее он отмечал, что «над аварами имеется усмей (речь идет о хане - авт.), которого называют Авар-усмей, или усмей над аварами; имя его Уму-хан, только все авары, под его властью состоят, ибо Аварская земля на несколько уездов разделена, из которых каждой уезд своего владельца имеет, а под послушанием усмея не стоят, но и ему подчинены»⁴.

Интересна концовка этой цитаты «под послушанием усмея не стоят, но и ему подчинены». На мой взгляд, эта фраза свидетельствует о том, что аварцы добровольно признавали власть хана и многие из них не хотели его слушаться, но были вынуждены подчиняться ему и платить подати.

Обратил внимание И.-Г. Гербер и на основные занятия жителей ханства: «Имеют пашни и скотоплодие, однакож иные деревни больше и лутче, нежели другие. По ситуации их земли

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 143.

² Там же.

³ Там же. С. 144.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 113.

и уезду люди тихие и смиренные, и об них не слышно, чтоб воровство или другова чево, что непотребно учиняли; оружие употребляют огненное, а большая часть луков со стрелами»¹. И.-Г. Гербер подчеркивал обязательно, что «сей усмей Авар в 1727 г. являлся через подговор усмея, или хана хайтагского и каракайтагского, и просил о приеме и защиты Российской империи», т.е. присягал России, надеясь с ее помощью подчинить своей власти всех аварцев².

Аварским ханам многое в этом плане удавалось и, согласно российским архивным источникам конца XVIII в., «у Умай хана аварского до 100 деревень, душ до 90000, в том числе таких, которые управляются частыми владельцами (можно полагать, беками – авт.) и из коих народ без позволения его, Умай-хана отлучается на службу...»³. Со своих деревень аварский хан этот имел «тысяч на десять ханскими деньгами, помимо поборов (дани) с закавказских – «персидских ханов»⁴.

Автор начала XIX в. А.И. Ахвердов писал, что аварский хан имел более 100 деревень, а резиденция его находилась в Хунзахе – «в одном из лучших деревень», что доходы прежних аварских ханов простирались до 100000 рублей персидскими деньгами или товарами и скотом»⁵. Он же отмечал, что аварцы «занимаются небольшим хлебопашеством, а более сеют по малоимению земли какарузу (т.е. кукурузу – авт.), из коей выделываемую муку употребляют себе в пищу; а главное их скотоводство состоит в овечьих стадах»⁶.

А.И. Ахвердов сообщал и очень интересную деталь из жизни жителей Аварского ханства: «От природы же ремеслах лезгин – хождение по требованиям персидских ханов кругом Кавказа к плоскостям имеющих свои владения на помощь против их неприятеля. Плата же производится им от мая месяца до сентября, и куда бы завезены не были, сентября в первых числах возвращаются в свои жилища, спеша, чтоб снега не

¹ Там же. С. 113-114.

² Там же. С. 114.

³ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 225.

⁶ Там же.

закрыли им путей в оныя»¹. За такую службу каждый аварец получал по 12 руб. платы. Если погибало в походах несколько сот таких наемников, хан, нанявший их, «за убитых и за умерших» платил «сродникам или той деревни людям за каждого такую же сумму, как и живым»².

Это значит, что у аварцев практиковался тогда так называемый военный отход, т.е. они нанимались за деньги воевать на стороне нанявшего их феодала³, хотя это и было опасно для их собственной жизни. Как отмечалось уже, резиденция аварских ханов находилась в селе Хунзах. Оно было расположено в конце долины над утесом, внизу коего жители имеют свои сады; посреди города протекает речка, Токита называемая, и низвергается каскадом с утеса, имеющего перпендикулярной вышины более 50 саж, и, разбиваясь о камень, падает в виде дождя, сей же утес служит наказанием за прелюбодеяния, с которого сбрасывают преступников, как в народе сем нетерпимое преступление. Город Хумзак имеет 700 домов, улицы весьма тесны, а строение... из дикого камня с ровными крышами»⁴.

Одним из главных занятий жителей сел на Хунзахском плато было земледелие, чему способствовало наличие ровных площадей. Как писал Хрисанф, окрестности Хунзаха по сравнению с другими местами «весьма ровны и заняты для одного только хлебопашества; нивы, будучи засеваемы, ежегодно вспахиваются до посева три раза и взнаваживаются». Земля пахотная стоила очень дорого: за десятину просили до 100-150 рублей. Из посевов особой высокой урожай давала «пшеница магар, особый род пшеницы, похожая на озимую, только гораздо крупнее и чище, но хлеб из онаго вкуса весьма неприятного. Просо особого рода..., растущее... колосом длиной от 3-х до 5-ти вершков, а в диаметре толщина около полувершка», один колосок содержал до 700 зерен. Много сеяли ячменя, льна, конопля, которую сеяли не для даже тканей, а для зерна, каковое высушивая, размалывали в мельницах и пережарив, мешали

¹ Там же. С. 225-226.

² Там же. С. 226.

³ Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 267-268.

⁴ Там же.

вроде сухарей, составлявших легкую и питательную пищу, особенно подходящую для походных условий. Сеяли на Хунзахском плато также бобы и чечевицу¹.

Хлеб продавался в Аварии за российские серебряные монеты и голландские червонцы².

Развиты были в Аварии и самые разные виды домашних промыслов – обработка шерсти, сукноделие, вязание из шерстяных ниток носков, веревок и т.д. В скотоводческих селах развита была выделка кож, изготовление меховых и кожаных изделий, обработка металлов, хозяйственная обработка дерева и камня.

Ф.П. Скалон не во всем подтверждает Хрисанфа. Он писал более реалистично, что «в Аварии грунт земли вообще каменистый, требуется много труда для обрабатывания земли к посеву хлеба, коего недостает на прокормление самих жителей, не только на продажу... Лесу мало и то на высочайших горах, кизяк их заменяет, пастбищных и сенокосных мест также мало, садов фруктовых и виноградников почти нет или очень мало»³. Насчет роли животноводства в жизни аварцев он писал, что «рогатого скота едва ли у двадцатого есть по одному быку или корове, овец у первого богача не более 5-ти-10-ти, лошади очень редки» из-за недостатка кормов. Он же подчеркивал, что в Аварии с трудом можно найти кузнеца, что он «не видывал беднее земли и народа ханства Аварского»⁴.

Х.-М. Хашаев в результате анализа источников пришел к выводу, что это ханство в начале XIX в. имело следующие границы: с востока Мехтулинское ханство, с юго-востока – Казикумухское ханство, с юго-запада – территория джарцев. Этот вопрос более подробно затронут в совместной работе Б.Г. Алиева и М.-С.К. Умаханова⁵.

Вопрос о границах Аварского ханства тоже не был обойден вниманием Хрисанфа, писавшего, что «ханство Аварское и

¹ Там же. С. 268.

² Там же.

³ Скалон Ф.П. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. С. 277.

⁴ Там же.

⁵ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана... Кн. I. С. 250.

округи оного граничат: от востока махтулинцами (так в тексте – авт.). Идорге, к юго-востоку казыкумыками, к юго-западу джарцами, от северо-запада Андиею, бывшею данниками их, к западу округами Тушь и Мусук, обитающими в Черных горах и бывшими данниками аварских ханов, но отказавшиеся от платежа дани по смерти Умахана, а к северу койсубулинцами, гумбетовцами»¹. Это значило, что Авария имела широкие связи со многими союзами сельских обществ Дагестана и феодальными владениями.

Согласно сведениям Хрисанфа от 1828 г. Авария разделялась «на две части: 1-я, военные округа, в коей имеется 46 деревень, а в оных 5895 домов, 2-я, данники, в коей 164 дер., 14843 дома». Все они находились под управлением хана, который решал «в народе и уголовные дела, тяжбы ж кадий, каких имеет каждый округ или уезд». Хунзахский кадий выполнял и функции секретаря при хане, участвуя во всех важных советах. «Сверх сих еще Авария» имела 4 военных округа: Гидат, или Гид, в оном 19 деревень и имеет 3869 домов, Кувал – 24 дер., 2381 дом, Киль – 8 деревень, 1358 домов и Каралал – 18 дер., 2659 домов. Издревле они обязаны были по требованию хана выставлять в его распоряжение войска на собственном их довольствии².

По сведениям Х.-М. Хашаева в XVIII в. аварские ханы оказывали сильное влияние на Каратинское общество, на Туки-та, на село Игали Койсубулинского общества, на Цатаных, на жителей Гонода, Андиха, Батлаича, Ахваха³.

Хан мог выставить до 10 тысяч вооруженных лиц из своих подвластных при необходимости⁴. По другим сведениям «аварский хан и с союзными частными владениями, ему приверженными, но управляемыми народом до 18000 человек мог выставить»⁵. Это была довольно большая сила для того времени. Поэтому с аварским правителем приходилось всерьез счи-

¹ Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 269.

² Там же.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 143-144.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

таться всем соседним с Аварией территориально-политическим структурам Дагестана, а также соседних стран, России. На практике же «аварские ханы не имели постоянной вооруженной силы, за исключением небольшого числа нукеров». Основную силу ханов составляли отряды ополченцев, которые собирались в чрезвычайных ситуациях¹.

* * *

Социальная структура аварского общества была не очень сложной. Хань (нуцалы), чанки, беки, составляли господствующий класс. Они являлись крупными собственниками земли и скота. Этот вопрос достаточно подробно рассмотрен был еще Х.-М. Хашаевым в его монографии, посвященной изучению общественного строя народов Дагестана в XIX в.² Зависимый класс в ханстве составляли уздени (основная часть населения), владевшие собственными земельными участками³, райяты, находившиеся на положении полукрепостных крестьян, а также лагьи (рабы), не имевшие гражданских прав, всецело зависевшие от произвола хозяев. Их ряды и в XVIII в. пополнялись за счет военнопленных, захваченных во время многочисленных набегов горцев в соседние с ним закавказские страны.

Духовенство мусульманское занимало особое место в системе управления и в обществе Аварского ханства. Оно также, как и в других феодальных владениях Дагестана, было довольно многочисленным и пользовалось, как писал Х.-М. Хашаев, огромным влиянием на население. Оно было сильно экономически, так как всякие поборы от населения, предусмотренные по шариату, обеспечивали нужды духовенства и позволяли ему накапливать богатства. Многие кадии и дибирьы имели крепкие хозяйства, в которых работали их соплеменники. Вакуфные земли также являлись одним из источников пополнения доходов духовенства⁴.

Социальное неравенство просматривалось на всех ступенях социальной лестницы Аварского ханства. Феодальный ха-

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 144.

² Там же. С. 145, 147, 148-151.

³ Там же. С. 153-154.

⁴ Там же. С. 156-157.

рактер общественных отношений в Аварском ханстве не подлежал сомнению¹.

Аварское ханство вело очень активную внешнюю политику, принимало деятельное участие в отражении агрессии войск Надир-шаха в Дагестан в 30-40-е годы XVIII в. Особенно отличились аварцы в августе 1742 г., когда ими был разгромлен отряд шахских войск в 6 тыс. человек, посланный в «Малую Аварию». Важную роль они сыграли и в Андалальском сражении, кончившемся разгромом и бегством шахских войск.

Отношения с Россией Аварского ханства вплоть до второго десятилетия XIX в. развивались нормально, бесконфликтно. В 1753 г. аварский владетель Магомед Муса-хан просился в подданство России. В 1783 г. Умма-хан аварский отказал в поддержке шейху Ушурме (Мансуру), заявив, что война с Россией может стать причиной гибели многих дагестанцев. Эти и др. вопросы взаимоотношений аварских ханов с Россией, а также с соседними феодальными владетелями Дагестана нашли достаточное освещение в отечественной историографии. Поэтому здесь на них не концентрируется внимание, отсылая интересующихся этими вопросами читателей к соответствующей литературе², где они могут получить необходимую им информацию.

На этом мы завершаем краткую характеристику социально-экономического развития и политического положения Аварского ханства в XVIII – начале XIX в.

г) Казикумухское ханство в XVIII – нач. XIX в.

Одним из наиболее крупных и политически активных феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX в. являлось Казикумухское ханство. Его образованию предшествовал распад полиэтничного по составу населения государственного

¹ Там же. С. 158.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 114; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 215; История Дагестана. Т. I. С. 391-397; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана. Кн. I. С. 252-255; Мамаев М.И. Россия и Дагестан. Очерки истории взаимоотношений в XVIII – начале XIX в. Махачкала. «Юпитер». 1999. С. 12-18.

образования – Казикумухского шамхальства в середине XVII в. Оно возникло как этнически однородное Лакское государство. Со временем его правители – ханы распространили разными путями (в том числе вооруженным путем) свою власть и на ряд даргинских, аварских, агульских, лезгинских и т.д. сел и ханство стало отличаться этнически пестрым составом населения, большинство которого, составляли лакцы¹.

В «Истории Дагестана» по этому поводу сказано, что «Казикумухское ханство было расположено в центре Нагорного Дагестана. В середине XVIII в. ханством правил Магомедхан. Он и его преемник Сурхай-хан II (Кунбутай) продолжали политику присоединения территорий соседних народов. Им удалось немало расширить территорию ханства, присоединив территорию Вуркун-Даргуа, несколько сел Андалала и Рис-Ора и часть территории Южного Дагестана, населенную лезгинами и известную как Кюра». В ханство в общей сложности входило более 200 сел².

Согласно имеющимся данным, «лаки еще в древности принимали участие в войнах, которые вели то Персия, то Грузия, то Армения»³, называли свою страну «Лакрал-кану», т.е. родина, страна лаков⁴. Существуют разные версии происхождения казикумухских правителей – шамхалов⁵.

Нынешние многие авторы вообще не упоминают о казикумухском периоде жизнедеятельности шамхалов, а просто пишут о тарковских шамхалах, начиная с XIV-XV в. Вернее было бы без всяких национальных или этнических амбиций и предвзятостей внимательнее разобраться с вопросом перехода кумухских шамхалов на равнинную часть Дагестана, в процессе их постепенной кумыкизации, а не говорить об их исходной кумыкской принадлежности, поскольку ни один источник VIII в. не упоминает собственно «кумыков» и «кумыкских шамхалов». Путая написание слов «кумыки», «казикумыки», «казикумухи» с «казикумуками» и «кумуками» или «кумухами» в

русской транскрипции вряд ли можно решать такой серьезный вопрос, который привлек уже достаточно большое внимание исследователей¹.

Одним из первых авторов, затронувших в изучаемый период историю Казикумухского ханства, был И.-Г. Гербер. Казикумухское ханство он назвал, как и другие феодальные владения Дагестана, «уездом», находящимся «между горами подле карахайдаков и Табасарана, а от зюйду и от весту высокими горами обняты, которые через весь год снегами покрыты»².

Язык лакцев им назван как «свой особенной кумухской, которой не с каким сходства не имеет»³. Подчеркиваю это, чтобы было ясно, что Гербер явно спутал лакцев с «кумуками», тогда как они были кумухцами или казикумухцами, что более верно.

* * *

И.-Г. Гербер привел сведения, позволяющие судить об основных занятиях лакцев. «Хотя сей уезд, - писал он, - между горами лежит, однако ж в оном ровные места и для того пашни имеются; только для стужи (вернее было бы – «от стужи» – авт.) хлеб в августе месяце и позже поспевает»⁴. Далее он же продолжает, что казикумухцы имеют «в своем уезде хорошие пашни, что позволяло им заниматься земледелием, и «также скотину и баранов» разводить в достаточном количестве. Поэтому Сурхай-хан I получал доходы со своих подвластных, выражавшиеся в десятой доле хлеба, а от добыч и от кражи дают, что сами похитят»⁵.

Обогащению Сурхай-хана способствовало и то, что «он с своими подданными непрестанно везде, а особливо в Грузии, воровство учинял, оттуда людей и скотину отгонял и увозил, чем богатство приобрел, которое немало умножилось при ребе-

¹ Казикумухские и кюринские ханы. // ССКГ. Вып. II. С. 6-7; Булатова А.Г. Лакцы. Махачкала, 1971 г. С. 28; Маршаев Р.Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов. // Уч. зап. Ин-та ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала. 1959. Т. 6; Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера... С. 94-110; Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 152.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 102.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ История Дагестана. М. Наука. 1967. Т. I. С. 328.

² Там же.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 258

⁴ Там же. С. 259.

⁵ Там же. С. 259-260.

лии (т.е. восстании – авт.) через грабежи и разорении Шемахи, Ардевилы (Ардебиля – авт.), всей Ширвани, Карабахи и прочих мест»¹. Он так разбогател, что в состоянии оказался содержать в течение четырех месяцев в 1725 г. 6000 человек, с которыми ходил в Мушкур для разорения деревни Дедели, в которой находился брат Хаджи Дауда. При этом он давал каждому наемнику по 25 копеек в день, кроме других подарков².

Могущество Сурхая сказало в конечном итоге в решении правительства Турции взять Хаджи Дауда под стражу и увести его из Шемахи, а Сурхая сделать ханом шемахинским³.

И.-Г. Гербер отметил интересную деталь в политике Сурхай-хана. Увидев, как «трудились как русские, так и турки, чтоб ево каждой в свою сторону привести», Сурхай-хан выжидал, «обеим сторонам ласкал и смотрел, от которой стороны ему было прибыли больше». Турки оказались более щедрее и в 1727 г. «ему прислали пашинской чин и к тому на знак два года или бунчук и жалованье 3000 рублей на год» прислали и к тому же отдали уезд Кабалу ему в управление». Поэтому он и принял турецкую сторону⁴.

Это обстоятельство и сыграло, видимо, важную роль в некоторой агрессивности политики Сурхай-хана в отношении Ирана, которая и привела его к прямому столкновению с иранским шахом Надиром, который, желая наказать Сурхая (во всяком случае дважды), приводил свои полчища до Кумуха, захватил самого Сурхая в плен, даже увел его с собою в Дербент после краха иранских войск в Андалальском сражении в сентябре 1741 г.⁵

В течение XVIII в. наступательный порыв казикумухских ханов в Закавказье поубавился. Владения их значительно сузились, но в пределах Дагестана даже несколько расширились за счет прихваченных ими кюринских сел. Как писал Ф.Ф. Симонович в 1796 г., «владение Хамутая Сурхай хана Казыкумыцко-

го» лежало «наперевес Дагестана, простираясь от горы Кохмадаг провинциею Кура, с южной с провинциею Казыкумыцкою, в Северной Дагестан провинция Кура или Кюре простирается от Кавказского снегового хребта по четырем верхним полосам между реками Гургели и Самуром, к северу граничит с Табасараном, к востоку с Дагестанским владением, к югу с Кубинским, Ахтынским и Рутульским владениями, а к западу окружается горами». Отметим Ф.Ф. Симонович и «примечательнейшие в оном реки: Гургели, Арачал, Арахчал и Самур»¹. Эта часть владения Сурхай-хана делилась на 7 округов:

1. Гунок, в нем уездное место Гиляр, на левом берегу Самура, защищалась со стороны гор 4-мя построенными по углам каменными башнями.
2. Истал с уездным селением Исталаяр на ручье, впадающем с левой стороны в Гургели.
3. Картас с уездным селом Касумкент.
4. Гугдже с уездным селом Улукатах.
5. Котур Кюре – имеет уездное и главное провинции место Кура, на правом берегу р. Курачая.
6. Рича – одноаульное владение.
7. Чирах – название по имени же главного селения.

По сведениям Ф.Ф. Симоновича в этом владении было до 100 деревень, в которых насчитывалось до 12 тыс. душ мужского пола².

Эта территория была уступлена Фет-Али-ханом кубинским казикумухскому Хамутай-хану (Сурхай-хану II) «в наследственное и независимое владение». Жители его все говорили на лезгинском языке³.

О важности для казикумухских правителей владения Кюринской провинцией Ф.Ф. Симонович писал, что «Кура достаточествует скотоводством и есть вообще способна к производству всех плодов. Она составляет произведениями своими

¹ Там же. С. 103.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала. 1996. 261 с.; Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала. 2000. 225 с.

¹ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 151.

² Там же.

³ Там же. С. 151.

большую часть богатства Хамутаева, с которой онный по Кубинскому положению подати собирает»¹.

Но главная часть Казикумухского ханства располагалась в Среднем Дагестане. Это была, так сказать, лакская часть владений казикумухских ханов. К северу она граничила «с народами цудахара, акуша и микага, к востоку с народом: гуряки, сирга, каракайдаками и с частью Табасарана, к югу с провинцией Кура, а к западу окружается Кавказским хребтом». И верно Ф.Ф. Симонович отметил примечательнейшую «реку Лакии-Койсу, составляющуюся «из разных ручьев, от Кокмадаг проистекающих». Он же подчеркнул, что Казикумух – «главный владения город», местопребывание ханов.² По его словам, «Кули примечания достойная деревня по крепчайшему ее местоположению, куды владельцы во время неприятельского нападения укрываются»³. Селение «Кусерех» (Хосрех – авт.) играло важную роль в сообщении Лакии с Курой⁴.

По сведениям Ф.Ф. Симоновича «народ казыкумыцкий с обитающими в провинции Кура сходен законом (речь идет о вере – авт.), а языком разный. Говорит особливим своим ку-мухским (так в тексте – авт.) языком».

Хотя раньше говорилось о достаточном количестве пашень в ханстве, Ф.Ф. Симонович акцентировал внимание на том, что «хлебопашеством сия провинция (имеется в виду Лакия – авт.) по суровому климату и каменистому положению не достаточествует». В то же время он подчеркнул, что недостаток хлеба в Лакии компенсирует провинция Кура⁵.

По мнению Ф.Ф. Симоновича, в силу указанных обстоятельств ведущим экономическим занятием лакцев было скотоводство, в первую очередь, овцеводство.

Казикумухский хан, помимо взимавшихся с его подвластных натуральных и денежных податей и повинностей, получал и пошлины с прогонявшихся через его владение для пасть-

бы в горах «скотских табунов» до 80 000 рублей ханскими деньгами.

Всего собственно в Лакии хану подчинялось до 150 сел, в которых, по народному исчислению, находилось до 30 000 душ мужского пола¹. Если к этим данным прибавить число сел (до 100) и населения (12000 душ муж. пола) то получается, что в конце XVIII – начале XIX в. в общей сложности в обеих частях владения казикумухских ханов было до 250 населенных пунктов и до 42 тыс. душ мужского пола (подсчет наш – авт.).

По данным же А.П. Торماسова от 1811 г. в ханстве Казикумухском насчитывалось до 18000 дворов. Жителей обоего пола в ханстве насчитывалось 108000 человек².

Наибольшее число подданных казикумухского хана было указано П.Г. Бутковым в 1798 г. По его данным «у Хамбуята казыкумыцкого деревень до 300, душ до 150000» было. Из них он свободно мог набрать до 20000 вооруженных лиц³.

Что касается системы управления в Казикумухском ханстве в XVIII – нач. XIX в. особой сложностью она не отличалась. Один из авторов первой половины XIX в. Ф.И. Гене, посетивший ряд феодальных владений и союзов сельских общин Дагестана, писал в 1835 г., что «Казыкумухское, Кюринское, Мехтулинское и Тарковское владения управляются своими владетелями, руководствовавшиеся (так в тексте – авт.) в управлении своем издревле принятыми народными обычаями и большею частью собственно волею, которая слепо исполняется и служит законом»⁴.

История становления ханской власти в Казикумухе была прослежена Р.М. Магомедовым довольно подробно в 1957 г. Как он установил, владение казикумухское в первой четверти XVIII в. именовалось уже ханством, а до этого под названием земли халклавчи входило в состав «гумучиялского» магала⁵.

¹ Там же. С. 152.

² Тормасов А.П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД. С. 237.

³ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

⁴ Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835-1836 г. // ИГЭД. С. 346.

⁵ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 282.

¹ Там же. С. 151-152.

² Там же. С. 152.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Роль халклавчи Сурхая, в конце XVII – начале XVIII в. организовавшего ряд набегов и походов в Закавказье, резко возросла, и он постепенно приобрел роль военачальника, стал диктовать всем лакцам свою волю, превращаясь в хана.

Р.М. Магомедов сделал интересное наблюдение: «До середины XVIII века Лакия оставалась политически раздробленной на отдельные территории, которые только временами объединялись под предводительством халклавчи (а позже хана) для внешних предприятий и борьбы с внешней опасностью и распадались так быстро, как только заканчивалось предприятие. Что же касается самого ханства, то его тоже нельзя назвать строго централизованным, хотя бы потому, что все покоренные земли, включенные в ханство, продолжали оставаться при их устройстве, хан довольствовался получением дани, а в самом Кумухе наблюдалось смешение феодальных политических органов с общинными и тухумными»¹. Тенденция усиления власти хана, превращения ее в наследственную власть открыто проявлялась в начале XVIII в. Но все еще общинные порядки продолжали проявляться в Кумухе: кумухский кват – народное собрание, в котором участвовали депутации от всех свободных узденских джамаатов, сохранял еще силу и авторитет.

Структура квата была не сложна. Сперва заседал совет старейшин («совет машвара»), на котором решали какие вопросы должны обсуждаться и решаться. На созванном совете, в торжественной обстановке «старейшинами и выборными от каждого селения» избирался халклавчи, т.е. «глава народа»². Успехи во внешнеполитических мероприятиях (набеги в Закавказье, захват Шемахи, принятие Чулак Сурхаем титула хана ширванского способствовали его возвышению и превращению к тому же и в казикумухского хана, который уже мог диктовать свои условия кумухскому квату. Еще же до этого «Сурхай, оставаясь для лаков халклавчи, таким образом, для кюринцев и шемахинцев сделался ханом»³.

В отсутствие Сурхая в Кумухе управлял его сын Магомед. Он же стал ханом после смерти Сурхай-хана в 1748 г. При

нем и его преемнике Сурхай-хане II (избран ханом был в 1789 г.) кумухский кват все еще был в силе¹. Ханы считались с кумухцами.

Во второй половине XVIII в. в Лакии высшим юридическим органом считали кват, но фактически решающая роль во всех внутренних и внешних делах принадлежала хану, который выступал как первое лицо в Лакии.

Р.М. Магомедовым отмечено, что казикумухский хан имел надежную опору в лице преданной ему дружины из узденей-нукеров, которые проводили в жизнь указания хана. И дворец хана стал средоточием власти. В нем стало много слуг из рабов и узденей. Хан имел дворецкого или казначея, которого называли назиром. Хан стал сам судить и чинить расправу. К нему обращались и лакские джамааты при возникновении у них тяжб между ними.

Кроме того, хан имел своих визирей, дворецких, главного кадия («илданал квади»), решавшего все духовные вопросы.

Созданная в ханстве администрация обеспечивала полный контроль хана над всеми магалами или частями ханства. На покоренных ханами землях сидели представители казикумухского ханского дома – беки, вассалы хана, управлявшие опираясь на существовавшую до покорения их администрацию².

По мнению Р.М. Магомедова, в состав Казикумухского ханства входило семь народностей Дагестана. И можно сказать, что с начала XIX в. на территории Казикумухского ханства все более еще господствовали отношения, связанные с феодальным способом производства³.

В начале XIX в. ханством управлял Сурхай-хан, который, как отмечал еще А.И. Ахвердов, за малейшую провинность готов был казнить подвластных, отрубить руку или выколоть глаза, и жестокостью такой добился прекращения воровства в ханстве⁴ и т.д.

¹ Там же. С. 290.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 291.

³ Там же. С. 292.

⁴ Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 225; История Дагестана. Махачкала, 1968. Т. II. С. 69; Гаджиев В.Г. Роль России... С. 37.

¹ Там же.

² Там же. С. 283-284.

³ Там же. С. 289.

Казикумухское ханство в изучаемый период играло важную роль в политических событиях, происходивших как в Дагестане, так и в Закавказье. В отношении соседних народов южного Дагестана казикумухские ханы вели довольно агрессивную политику, совершая на них грабительские набеги. Как отмечено в исторической литературе, лакские феодалы повели наступление на соседние с ханством общины, стали овладевать новыми территориями за счет соседей; казикумухские ханы объектом для своих набегов и расширения сферы эксплуатации избрали южный Дагестан.

Как подчеркнуто Р.М. Магомедовым, «в набегах и войнах лакские феодалы приобретали то, чего им не хватало в их собственном владении... Казикумухский хан Сурхай в первой половине XVIII века не только сумел привести в совершенное послушание лакские общества, составлявшие его владения, но и распространил свою власть на значительное число кюринских обществ и на целый ряд магалов Табасарана... К Сурхаю, как к сильнейшему феодалу, многие вольные общества прибегали за помощью и покровительством... Таким образом были поработаны луткунцы и яллахцы»¹, которые «до начала XVIII в. относились к вольным самурским обществам. Потом между ними и рутульцами начались войны». В этих условиях они обратились за помощью к казикумухским ханам; в конечном итоге луткунцы и яллахцы оказались под властью лакских феодалов – братьев Сурхай-хана Шуаиб-бека и Исак-бека².

Активной была и внешняя политика казикумухских ханов, о чем уже кое-что сказано. Здесь добавим только некоторые факты, так как в нашу задачу подробное освещение внешней политики ханов Казикумуха не входит. Наша задача в данном случае значительно уже этого. Тем не менее, игнорировать этот вопрос тоже нельзя.

Начало XVIII в. характеризовалось всплеском антииранских, вернее антисефевидских выступлений в Северном Азербайджане и Южном Дагестане, где сказывался гнет шахской администрации. Начавшееся в Северном Азербайджане и Юж-

ном Дагестане антисефевидское движение было широко использовано энергичным лакским правителем Сурхай-ханом для решения своих политических проблем. Шахская администрация с каждым днем увеличивала размеры податей и повинностей с южнодагестанского и североазербайджанского населения, взыскивала с населения в два-три раза больше, чем было установлено»¹.

Это привело к выступлению южнодагестанцев против сефевидского режима, в котором большую роль сыграл уроженец села Дедели Мюшкюрского уезда Хаджи Дауд, призывавший свергнуть гнет шиитов и изгнать их. Ему удалось к восстанию привлечь также уцмию кайтагского и Сурхая казикумухского. Успех Хаджи Дауда вначале объяснялся в значительной мере поддержкой его Портой, стремившейся утвердиться в азербайджанской и дагестанской зонах Прикаспия². Но, турки арестовали Хаджи Дауда и сделали ставку на Сурхай-хана, дали ему «Шемахийское ханство»³, что и привело в дальнейшем к столкновению Сурхай-хана с правителем Ирана.

Поводом к столкновению послужил отказ Сурхай-хана освободить Ширван по приказу (хат-и-шерифу) турецкого султана и передать его иранским властям. Этот приказ к Сурхаю был отправлен Надир-шахом с посланцем. В ответ на это Сурхай приказал убить посланца Надир-шаха и заявил, что он овладел этой территорией «силою мечей лезгинских львов и что Ахмед Багдадский и др. не имеют никакого права посылать подобное требование к нему»⁴.

Надир решил наказать Сурхая, осадил в авг. 1734 г. Шемаху, откуда Сурхай бежал в Кумух. За ним вслед туда же прибыл и Надир-шах. Сурхай бежал в Аварию. Надир по просьбе Хасбулат-шамхала тарковского не стал преследовать Сурхая, передал управление ханством сыну Сурхая Магомед-хану и ушел в Ганджу⁵.

¹ История Дагестана. Т. 1. С. 229.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. III. С. 32, 37.

³ Там же. С. 38.

⁴ Казикумухские и кюринские ханы. // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 10-11; Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха... С. 81.

⁵ Казикумухские и кюринские ханы. // ССКГ. Вып. II. С. 11.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 269.

² Там же. С. 270.

В 1735 г. в Дагестан пришли крымские войска, шедшие из Крыма в Азербайджан на помощь туркам. К ним и решил примкнуть Сурхай-хан. Он прибыл вместе со своим сыном Муртузали и 500 казикумухцами к крымскому хану, к которому на службу и устроил Муртузали. Более того, по просьбе Эльдар-шамхала, назначенному на этот пост крымским ханом в противовес Хасбулату, назначенному шамхалом иранским завоевателем Надиром, он двинулся к селу Большие Казанищи, где в это время находился Хасбулат (Хаспулат, Казбулат) – шамхал.

Только приход Надира с большим войском в Дербент в ноябре месяце того же года вынудил Сурхая вернуть войска обратно, а Надир снова двинулся на Казикумух. Недалеко от Казикумуха он был встречен депутацией почетных казикумухцев с выражением ему покорности и сообщением о бегстве Сурхай-хана в Аварию. На этот раз Надир не стал упорствовать и, учитывая уже наступившие в горах холода, ушел обратно¹.

Потом были и другие столкновения Сурхай-хана со ставшим иранским шахом Надиром. Было пленение Сурхая Надир-шахом. Была Андалальская битва народов Дагестана с полчищами Надир-шаха, познавшими сполна горечь поражения в горах Дагестана. Обо всем этом можно много писать. Но здесь это не является самоцелью. Об этом довольно хорошо уже написано другими исследователями².

Активную политическую роль играли казикумухские правители и в событиях второй половины XVIII – начала XIX в. В первую очередь отметим, что после смерти Сурхай-хана в 1748 г. казикумухским ханом стал его сын Магомед, который стремился стать, как и его покойный отец, владельцем (шема-

¹ Там же. С. 12-13; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. I. С. 231.

² Там же; История Дагестана. Т. II. С. 355-372; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 418-426; Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 319-330; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 121-128, 207-223, 233; ч. III. С. 52-82; Гаджиев В.Г. Роль России... С. 125-146; Он же. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996; Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000; Тамай А.И. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741-1743 гг.). // Уч. зап. Ин-та ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т. V.

хинским ханом) в Северном Азербайджане. Однако там усилился Фатали-хан кубинский, захвативший в 1766г. Дербент при поддержке ряда дагестанских феодальных правителей (шамхал, уцмий, кадий Табасарана). Магомед-хан кумухский, договорившись с нухинским беком Мелик-Али, захватил Нуху. Фатали-хан вышиб его из Нухи. Обратившись к России за поддержкой, Фатали-хан заперся в Дербенте после поражения его в сражении на Гавдушанском поле вблизи Худата.

Магомед-хану даже удалось легко овладеть Кубой и начать осуществлять ханскую власть, получить в свое управление Ширван и «стать ханом этой обширной территории». Однако вскоре с помощью прибывших ему в поддержку русских войск во главе с ген.-м. де Медемом Фатали-хан разбил Магомед-хана казикумухского и заставил его уйти в горы в Кюру. Но и там Магомед-хан был разбит и вынужден был вообще отступить в Казикумух.

Тут произошел невероятный случай: на сторону Фатали-хана перешел один из сыновей Магомед-хана Шахмардан-бек, который поссорился со своим братом Сурхаем¹. Фатали-хану это очень пришлось по душе. Он оказал перебежчику поистине царский прием, «отдал ему во владение часть Кюринского округа до Кабирека, принадлежавшего Дербенту и Гюнейский магал, принадлежавший Кубе. Шахмардан-бек, получив этот край, присоединил к нему Курахский магал и захватил таким образом весь Кюринский округ, который впоследствии остался навсегда во владении Казыкумухского хана»².

В 1789 г. умер Магомед-хан кумухский и ханом новым был избран его сын Сурхай, хотя он и считался чанкой по матери. Это был очень сильный и энергичный человек; он остался в памяти потомков как Кун-Буттай или «Большой отец». После смерти в 1789 г. Фатали-хана кубинского Сурхай II легко овладел Кюрой и присоединил ее к Казикумухскому ханству. Сурхай II проводил тоже активную внешнюю политику. Ему пришлось долго и упорно бороться за ханскую власть со своим племянником Аслан-беком.

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.К. Указ. соч. Кн. I. С. 231.

² Бакиханов А. Указ. соч. Баку. 1991. С. 163.

Дело было в том, что у упомянутого выше сына Магомед-хана Шахмардана было пятеро сыновей: Таир-бек, Омар-бек, Аслан-бек, Гасан-ага и Фатали-бек. Правителем Кюры должен был стать Аслан-бек. Но, как указано выше, Сурхай-хан II помешал этому, захватив Кюру¹. Позже он вмешался в дела Дербентского ханства, то ссорился, то мирился с владельцем Дербента Ших-Али-ханом, пытался взять Кубу.

В 1799 г., воспользовавшись болезнью Ших-Али-хана, сын Сурхая II Нурбек даже взял Кубу. Но Ших-Али-хан выздоровел и сыну Сурхая-хана II пришлось оставить ее².

В начале XIX в. завязались контакты Казикумухского ханства с Россией. Они были весьма сложными и противоречивыми. Сурхай-хан II продолжил политику своего отца Магомед-хана, носившую антироссийский характер. Как отмечено в исторической литературе, взятие Дербента 10 мая 1796 г. царскими войсками во главе с В. Зубовым, свержение Ших-Али-хана, бежавшего в Казикумух, назначение царским командованием ханом Кубы младшего сына Фатали-хана Гасана-хана, вызвали резкое недовольство Сурхая-хана II казикумухского. Ситуация еще более обострилась, когда из Кубы русские войска в сопровождении отряда феодалов Дагестана выступили в Южный Дагестан. Надеясь на поддержку персидского правителя-деспота Ага-Магомед-хана, Сурхай-хан II кюринский и казикумухский совместно с бежавшим к нему Ших-Али-ханом дербентским решили оказать сопротивление царским войскам³. Однако Ага-Магомед-хан был убит, а русские усилили свои позиции в Прикаспии, введя войска в Дербент, и ход событий привел к тому, что Сурхай-хан II присягнул на верность России⁴.

С началом первой русско-персидской войны (1804–1813 гг.) у Сурхая-хана II появились надежды на то, что ему удастся сохранить свою политическую независимость от России с по-

мощью Персии. Когда шахские войска во главе с наследником шаха Аббас-Мирзой вторглись через р. Аракс в Ширван и русские отступили, Шихали-хан дербентский и Сурхай-хан казикумухский, находившиеся в неприязненных отношениях с Россией, засвидетельствовали свою верность Ирану, стали открыто призывать горцев подняться против России¹.

Сурхай-хан даже разослал во все концы Дагестана своих людей с тем, чтобы «как из разных горских деревень, так и некоторых подвластных андреевским владельцам собрать к себе людей с обещанием платить каждому по сорока пяти рублей». Он набрал отряд и, тщательно скрывая цели сбора, выступил «в направлении реки Алазани», чтобы соединиться с противниками России и напасть на город Елисаветполь². Но из всего этого ничего путного не вышло, так как 23 июля 1806 г. русские без сопротивления заняли Дербент, откуда хан Шихали-хан бежал в Кубу, пытался организовать отпор русским, но был отстранен от власти над Кубинским ханством русским генералом Булгаковым.

Сурхай-хан II в декабре 1806 г. в присутствии ген.-м. Лихачева присягал на верность России с условием даже платить ежегодно по 3 тыс. червонцев³. Однако он позже отказался подтвердить это письменно, так и не подписал трактата о признании власти России над собой, хотя этого усиленно от него добивались русские военачальники на Кавказе ген. А.П. Тормасов и гр. Гудович⁴.

В 1811 г., в ноябре месяце ген.-м. Хатунцев нанес поражение войскам Сурхая II в Кюре, овладев крепостью Кюра, являвшейся опорной базой Сурхая-хана II. После этого царские власти в противовес Сурхай-хану II провозгласили образование Кюринского ханства и назначили его ханом Аслан-бека – про-российски настроенного племянника Сурхая II⁵.

¹ Там же; Казикумухские и кюринские ханы. // ССКГ. Вып. II. С. 16.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 233.

³ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 170; Мамаев М.И. Россия и Дагестан. Очерки взаимоотношений в XVIII – начале XIX в. Махачкала. «Юпитер». 1999. С. 20.

⁴ Там же.

¹ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 186.

² Там же. С. 186-187.

³ История Дагестана. М., 1968. Т. II. С. 20.

⁴ АКАК. Т. IV. С. 262, 286, 309, 311.

⁵ Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам. Баку. 1991. С. 194; История Дагестана. Т. 2. С. 25.

Казикумухский хан был возмущен этим, собрал войско и 11 июня 1813 г. вторгся в Кюринское ханство, но потерпел крах и, оставив правителем в Кумухе своего сына Муртузали, уехал в Персию за помощью. Ничего там он не получил и в 1816 г. тайно вернулся в Кумух, а 6 июля 1816 г. присягнул России. Не сложились у Сурхай-хана II отношения и с А.П. Ермоловым, политике которого дана объективная оценка В.Г. Гаджиевым¹. При нем 12 июня 1820 г. у села Хосрех были разбиты войска Сурхая II. 15 июня 1820 г. русские заняли Кумух, где ханом был провозглашен Аслан-хан кюринский. Сурхай II снова поехал в Персию. Он продолжал вести антироссийскую деятельность, собирал силы для восстановления своей власти в Казикумухе, куда вернулся вскоре, не добившись помощи. Окончательно он был разбит в 1826 г. отрядом Аслан-хана, поддержанным российскими войсками. Умер Сурхай-хан II в 1827 г. и отношения Казикумухского ханства с Россией уже прочно наладились, так как Аслан-хан был обязан приходом к власти в Казикумухском ханстве российским военачальникам.

Между тем феодальное расслоение лакского общества углублялось. Происходило формирование социальной структуры, характерной для феодального общества – класса феодалов и класса зависимого крестьянства. Этот вопрос достаточно подробно освещен Р.М. Магомедовым. По его наблюдениям, на верхней ступени феодальной иерархии в Казикумухском ханстве стоял хан – крупнейший владелец лучших пастбищных и пахотных земель, владелец больших стад мелкого и крупного рогатого скота. Приближенные к нему феодалы – симирдарал составляли высший слой лакской феодальной знати.

На ступень ниже ханов располагались беки, происшедшие из казикумухского ханского дома. Одни из них были детьми хана, другие – их братьями и их детьми. Они тоже, как правило, владели земельными участками, скотом, имели свои пастбища, раят и лагов. Часть их жила в Кумухе, часть в присоединенных к ханству землях. Даже жившие вне пределов ханства лакские беки брали себе жен только из Кумуха и только из ханского дома².

¹ Гаджиев В.Г. Роль России... С. 213-215.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 278.

Было у лакцев и сословие чанков-детей феодалов от браков на женщинах из низших сословий. Они имелись в узденских и раятских селах. Они не имели владельческих прав и земельная собственность их не отличалась от обычной узденской.

К привилегированной группе населения относились и сейиды, считавшиеся, произошедшими от потомков пророка Мухаммеда.

Зависимое население в Лакии состояло из узденей, раятов и лагов.

Уздени составляли у лакцев наиболее многочисленное сельское население. Они считались юридически свободными, не зависели от ханских порядков. Но среди узденей были и попавшие в зависимость от ханов и беков. Часть бывших узденей превратилась в раятов. Некоторые из таких узденей продолжали пользоваться наряду с землей, наделенной феодалом, также мюльком.

Довольно многочисленным было и сословие раятов, источником образования которого были в основном военнопленные, впоследствии наделенные их хозяевами средствами производства. В ряды раят попадали и свободные общинники, потерявшие землю и другую собственность, оказавшиеся должниками. Встречались и целые раятские селения¹.

На самом низу социальной иерархии располагалось сословие рабов или лагов. Они имелись в индивидуальных хозяйствах узденей, жили группами в некоторых аулах, а у ханов целыми поселениями. Аулы Чадрух и Кадрух были заселены исключительно рабами, не имевшими никаких владельческих прав и собственности. Рабов нередко отпускали на волю за особые услуги владельцам или в богоугодных целях. Р.М. Магомедовым приведены интересные данные об отпуске рабов на волю². Отметим, что в Дагестане не зафиксированы хозяйства, основанные на рабском труде. Рабство в Лакии, как и во всем Дагестане, было домашним. Данных о численности рабов в ханстве в XVIII – нач. XIX в. не удалось выявить, поэтому писать по этому вопросу что-либо весьма сложно.

¹ Там же.

² Там же. С. 279-280

Таким образом, в XVIII – нач. XIX в. Лакия представляла феодальное государственное образование, в котором имели место иущественное и правовое неравенство, господствующие и эксплуатируемые сословия, разные формы земельной собственности, а также разные формы эксплуатации зависимых сословий господствующим классом.

д) Кайтагское уцмийство в XVIII – нач. XIX в.

Кайтагское уцмийство было в XVIII – нач. XIX в. одним из крупных и политически активных феодальных владений Среднего Дагестана. Его территория охватывала низменность, предгорье и горную часть; в каждой из этих частей были свои специфические природно-климатические условия, оказывавшие существенное влияние на хозяйственно-экономическую деятельность их населения.

«Территория Кайтага разделялась на две части: на предгорную и горную, или верхнюю и нижнюю. Граница этого раздела – гора Кара-Сырт имеет протяжение по всей территории. Хребты в предгорной части по мере приближения к морю, не достигнув его в разных местах от 10 до 20 км., сливаются с приморской плоскостью.

Кара-Сырт прерывается реками Уллу-чай (Хула эрке, Бугам), Башлы-Озень и Гамри-озень. Уллу-чай состоит из двух притоков, из которых первый исходит из лакских земель. Притоки соединяются, достигнув Кара-Сырты, и, пробив его, образуют вход в горную часть Кайтага. Река Уллу-чай, спускаясь с Кара-Сырты в плоскость, протекает, прорезая плодородную долину Семс», – писал С.М. Зубаилов, хорошо знавший природно-климатические условия Кайтага¹. По его же словам, в Кайтаге «климат резкий. На территории района 6 озер с горькой и соленой водой. Есть два колодца горячей минеральной воды – один недалеко от Нового Каякента, а другой выше Маджалиса. Около одной трети территории покрыто лесом»².

¹ Зубаилов С.М. История Кайтага. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1995. С. 5.

² Там же. С. 5-6.

Видимо приблизительно такова была поверхность Кайтага и в изучаемое нами время, от которого тоже сохранились сведения о Кайтагском уцмийстве. В частности, А. Лопухин в 1718 г. писал, что дербентский правитель имел «границу с усмием в двух агачах, также и с каракайтаками по тое ж границу усмейскую»¹. Он же писал, что ехал «Дербенскою землею с 2 агач до речки Дарбаху, которая течет очень мелко и летом пересыхает, около ее от самого моря до гор лес немалой»². Более подробно описал он дорогу по уцмийскому владению, что позволяет нам как бы взглянуть на нее сквозь века. Он писал, что он с попутчиками ехали от границы дербентской, что «дорога была блиско моря, и ехали все ровными местами подле пещаных бугров, з другую сторону у нас горы были в верстах в 10, до которых от самого моря все место ровное и лесом довольно, и деревни усмиевы поселены все в лесу, есть около их и поля немалые»³.

А. Лопухин писал о том, что уцмий жил в то время «в деревне подле самых гор, которая поселена на косогоре, имя ей Баршлу»⁴, что речка Куце «разделила владение усмеево с салтан Мамутом» утемышским, т.е. с удельным Утемышским султанством⁵.

Более конкретные и более информативно богатые сведения о Кайтагском уцмийстве начала XVIII в. оставил И.-Г. Гербер. По его данным Кайтаг имел ситуацию: «Подле моря, расстоянием (так в тексте – авт.) от Утямиша до реки Дарабах, которая речка назначает границу от Ширвани к норду, к весту (западу – авт.) протягается до карахайтаков»⁶. По его же словам это был «уезд немалой и хорошей, земля хлебородная», состоял «уезд» из «многих хороших и великих» деревень, среди которых главная «Башло»⁷.

Обратим внимание на то, что у кайтагцев был свой «особливой хайтацкой язык», имевший некоторое «сходство

¹ Лопухин А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 30.

² Там же.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83.

⁷ Там же.

...с кумыцким языком», что уцмий сам и «знатнейшие люди» из кайтаков и каракайтаков употребляли «турецкой с татарским помещанной язык»¹. И.-Г. Гербер подчеркивал, что кайтагцы питались «скотоплодием» (т.е. скотоводством – авт.), имели много пашен, виноградных садов и «протчих овощей». Они имели возможность пшеницей и ячменем снабжать многие горские общества, жители которых приезжали купить зерно в Кайтаге².

Состояние Кайтага И.-Г. Гербер характеризовал довольно лаконично: «Хайтацкой уезд имеет землю равную от моря до нижних гор и того ради довольно пашен, садов и речек, при которых много мельниц построено, особливо имеются добрые луга для корму скотины и баранов», которых «акушинцы и многие таулинцы» в большом количестве на зиму пригоняли (до 100 тысяч баранов) и платили пошлину уцмию за это³.

Доходы уцмиев складывались как из податей с зависимых от них жителей Кайтага, арендой платы за сдачу зимних пастбищ горным обществам, так и за счет 2000 рублей, которые персидские шахи ежегодно им присылали с условием, чтобы уцмии со своими подданными служили шахам⁴.

Уцмии проводили довольно интересную внутреннюю политику; они стремились наладить хорошие отношения со всеми обществами, используя для этого горский обычай аталычества. По свидетельству И.-Г. Гербера, уцмий, стремясь как бы привязать к себе своих подданных, когда у него рождался сын, то через несколько дней после рождения младенец отправлялся на кормление в ряд сел, женщины с грудными детьми которых кормили своей грудью и уцмиевского отпрыска. При этом кормили младенца по очереди. Когда очередь иссякала, младенца отправляли в другое село и т.д. Таким образом, у будущего уцмий могло быть множество молочных матерей (кормилиц) и братьев (эмчеков) – сыновей его кормилиц⁵. Даже такие родственные связи имели в тот период важное значение,

¹ Там же.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 83-84.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же. С. 84.

оказывали сильное влияние на взаимоотношения уцмий и его подвластных.

Уцмий, по свидетельству И.-Г. Гербера, был «после шамхала всегда знатнейший у здешних народов и ... в великом почтении». Более того, от него зависели «с некоторыми договорами Султан Мамут Утямиш, Кубаша, Акуша и несколько таулинцев»¹. Он при необходимости мог набрать большое количество воинов, которые были «доброконные и храбры», имели «все огненное оружие и добрые сабли»². Мог он пригласить в свое войско и других горцев, а не только своих подвластных.

Гербер отметил, что уцмий подговаривал шамхала тарковского к выступлению против России, обещая ему помощь, но, когда шамхал выступил, не оказал ему никакой поддержки и в 1725 г. вместе с сыновьями и старшинами подвластных ему обществ «присягу учинил и аманатов дал России». Это значительно укрепило его позиции³.

В сообщении И.-Г. Гербера обращено внимание на то, что владельца Кайтага – уцмий (тогда был Ахмет-хан – авт.) называют и «пишут ханом хайтацким и карахайтацким»⁴. Это значило, что его владение состояло из двух частей: из Кайтага, о котором уже достаточно много здесь написано, и Кара-Кайтага, которого тоже необходимо, хотя бы вкратце, охарактеризовать.

Под Кара-Кайтагом подразумевают обычно горную часть Кайтага. По сообщению И.-Г. Гербера, в достоверности сведений которого по этому вопросу нет сомнений, каракайтагцы («карахайтаки») располагались «выше кайтаков, между нижними горами, далее к весту имеются высокие горы, за которыми кумыки живут», к зюйду» (югу – авт.) они тянулись «до Табасарании и хасии кумыкам (казикумухцам – авт.), а к норду (северу – авт.) до Кубяша», т.е. до Кубачи.

Каракайтаг был «уездом» не малым, отличался только гористостью, состоял «также во многих хороших и великих де-

¹ Там же. С. 83.

² Там же.

³ Там же. С. 83-84.

⁴ Там же. С. 83.

ревнях», из которых Кала-Корейш («Карагураш») была наиболее заметной – она была старинной резиденцией уцмиев.

Каракайтатцы говорили на том же языке, что и кайтагцы, были тоже суннитами, занимались теми же видами хозяйственной деятельности.

Однако, как отмечал еще И.-Г. Гербер, Кара-Кайтаг был «не так хлебороден», как Кайтаг. Из-за гористости ландшафта Кара-Кайтаг был беднее пахотными площадями. Поэтому его жители «не в таком добром состоянии», как кайтагцы, жили. От этого их и называли «карахайтаками, то есть черными хайтаки»¹.

Каракайтатцы имели самоуправление, ежегодно выбирали нескольких старшин, которым в тот год послушны бывали. Они себя подданными усмия не считали, а считали «больше союзниками» его².

Как отмечается в «Истории Дагестана»³, и нагорной и плоскостной частями Кайтага управлял уцмий, власть которого переходила иногда по прямому наследству (к старшему сыну) или к старшему в роде. И при этом уцмий утверждался на общекайтагском сходе представителей джамаатов почти всех сел Кайтага.

Одновременно с уцмием утверждался и его наследник, которого называли гаттым (или гаттин). Уцмий обладал полной властью, сам решал вопросы войны и мира, внешнеполитической ориентации. Но все же он советовался в сложных ситуациях со своими беками.

Полицейские функции при нем исполняла дружина из 300 вооруженных всадников. Они помогали обычно гаттиму, одна из обязанностей которого заключалась в сборе податей в пользу уцмия.

Что касается административного положения Кайтага, он в XVIII в. делился не только на Верхний и Нижний, но и, по нуждающимся в критической оценке сведениям Д.И. Тихонова

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 84-85.

² Там же. С. 85.

³ История Дагестана. Т. I. С. 324; Т. II. С. 66-67.

от 1796 г., на 13 округов – магалов или уездов, во многих из которых сидели и правили беки¹.

Кайтагские беки различались по происхождению и экономическому положению. В Терекеме беки имели большие полномочия, могли изгнать из села любого им неугодного раята. В узденских магалах такое не могло иметь место, так как права беков были ограничены нормами обычного права.

Разбор уголовных и гражданских дел осуществляли старики – карты, избиравшиеся обычно из богатых тухумов. С ними тесно сотрудничали и кадии, среди которых высшим авторитетом считался главный кадий селения Уркарах. В исключительных случаях обращались и к судейству акушинского кадия, считавшегося высшим авторитетом у даргинцев.

В принципе система управления в уцмийстве мало чем отличалась от системы управления в шамхальстве или в других феодальных владениях Дагестана. Подробно этот вопрос освещен Р.М. Магомедовым². Мы же ограничимся написанным здесь.

* * *

Важную роль в хозяйственно-экономической деятельности жителей любого государственного образования играет и структура его поверхности, наличие пахотных площадей, гор, лесов, пастбищ и т.д. Это относится к рассматриваемому здесь Кайтагскому уцмийству.

О реках, дорогах, поверхности Кайтагского уцмийства содержатся сведения в труде Д.И. Тихонова³. Особо заслуживают внимания его сведения о границах «уцмиева владения». Оно определялось «от севера шамхаловым и Али Султановым владениями, частью и акушинцами; от востока также омывается Каспийским морем; от юга рекою Дарбахом до вершины, от коей хребтом горы, между рек Гургени и Буама, со владениями

¹ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 131-134.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 242-252.

³ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 125-126; 127-128 и др.

Дербентским, Кадиевым и Девек Елемеиевым; от запада выше-сказанным хребтом гор с народом вольным кизыкумыками»¹.

Из сведений Д.И. Тихонова явствует, что кайтагцы достаточно эффективно использовали воду протекавших через их территорию рек для орошения своих полей и садов. Так, из речки Инчке были «проведены жителями каналы, которыми напоеают засеянную хлебом землю для лучшего произрастания». Из речки «Хамрюзен» (Гамри-озень) и впадавшей в нее с левой стороны небольшой речки Сырга также было проведено несколько каналов «для напоеания засеянной земли»².

Так же использовали воду речки Башлы-озень³; реку Большой Буам, по берегам которой рос хороший «строевой и дровяной лес», также широко использовали для орошения полей, проведя множество орошительных каналов. То же самое наблюдалось и в зоне протекания реки Малый Буам, речки Дарбах⁴.

И по свидетельству Д.И. Тихонова нагорная часть Кайтага способствовала «отменно ...к скотоводству и к разведению отчасти пчел и коноплей», но не имела много земли, удобной к хлебопашеству и больше производила ячмень из-за каменистости почвенного слоя земли. «Плоская же половина» (т.е. равнинная – авт.) Кайтага позволяла заниматься не только скотоводством, но и выращиванием «довольно разных родов хлеба», хлопчатой бумаги, марены, риса, в незначительном количестве выращивать садовые культуры, овощи и шелковичных червей⁵.

Достаточно интересные сведения о хозяйственно-экономической деятельности кайтагцев содержит и труд С. Броневского, изданный в 1823 г.⁶ Подробный анализ сведений разных авторов по этому вопросу содержится и в «Исторической географии Дагестана XVII – начала XIX в.»⁷, почему на этом вопросе здесь и не акцентируется особое внимание.

¹ Там же. С. 125-126.

² Там же. С. 127.

³ Там же. С. 128.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 129; Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 316-317.

⁶ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского. 1823. Ч. II. С. 314-317.

⁷ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 267-272.

В целом же кайтагская земля была в исследуемый период вполне обжита и благоприятствовала ведению многоотраслевого хозяйства.

* * *

О полиэтничном характере состава населения Кайтагского уцмийства свидетельствует сообщение Д.И. Тихонова о том, что «во владении уцмиевом населяющие деревни жители суть: терекемейцы, хайдаки, каракайдаки, сырга, гуряки. Все сии народы есть коренные, и говорят языком, называемым тюркю, исповедуют магометов закон и следуют секте Омаровой; жиды же живут своими дворами в местечке Мажалис до 200 домов, исповедуют свой закон и имеют своего рабина, а больше по другим деревням жительств своих не имеют»¹. Д.И. Тихонов упустил, что в составе уцмийства находилось и несколько кумыкских сел и кумыки составляли второе по численности после кайтагских даргинцев население.

В целом же уцмийство было политэтническим феодальным владением². Однако нет точных статистических данных о численности всего населения уцмийства и о количестве жителей каждого этноса, проживавшего в уцмийстве. Д.И. Тихонов перечислял до 80 сел в составе уцмийства, исключая союзы сельских общин Ирчамул и Шуркант, в которые входило более 30 сел. Особо крупными он считал села Утемиш, Мюрего, Башли, Уллу-Гамри, Берекей, Великент, Баршамай и Кубачи, находившийся под покровительством уцмия³.

Согласно архивным данным начала XIX в. всех сел в уцмийстве было 57; из них в Верхнем Кайтаге – 32, а в Нижнем – 25 сел. Однако эти цифры не совсем точны, так как во всем Кайтаге было более 100 населенных пунктов. Густонаселенность Кайтага⁴ была залогом многочисленности подданных уцмия кайтагского, его экономической и военной значимости, так как при необходимости он мог с каждого двора по одному

¹ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 131.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. I. С. 259, 261.

³ Там же. С. 263.

⁴ Там же. С. 264.

вооруженному человеку набрать¹. Если же иметь в виду, что подчинившихся уцмию дворов было в 1798 г. 25 тысяч с населением в 75 тыс. душ, то собрать 7-8 тыс. войск ополчения уцмию каракайтагскому не составляло большого труда². При необходимости он мог выставить 12500 ополченцев³. Собрать такое войско ему было нетрудно, поскольку он с братьями имел доход «на 6000 р. ханскими деньгами», сверх того», пользовался «съестными припасами от своих терекемейских деревень»⁴.

По сведениям С. Броневского число дворов жителей уцмийства достигало до 25 тыс., из которых уцмий мог набрать до 8 тыс. вооруженных лиц⁵. Согласно данным начала XIX в. в уцмийстве было 6032 двора и 29484 жителя, из них в Нижнем Кайтаге 3530 двора и 11063 чел.⁶ По данным же 30-х годов XIX в. во владении каракайтагском было 10400 дымов с 36700 душами мужского пола⁷.

Такая противоречивость данных о численности населения Кайтагского уцмийства объясняется тем, что никто статистических подсчетов населения ни в этом ни в других феодальных владениях, а также в союзах сельских обществ Дагестана в исследуемый период не вел. Исследователи больше полагались на так называемое «народное исчисление», т.е. данные, полученные в результате опроса местных старшин, знатоков истории или на данные из работ своих предшественников. Важно придерживаться здесь идеи густонаселенности Кайтага и соответственно относительной многочисленности его населения, доходившего до 60-75 тысяч чел.⁸

¹ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 134.

² Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210; Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 309.

³ История Дагестана. Т. I. С. 325.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 211.

⁵ Там же.

⁶ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 314.

⁷ Обзорение Российских владений... Ч. I. С. 21.

⁸ История Дагестана. Т. I. С. 324

* * *

Для полноты характеристики социально-экономического развития Кайтагского уцмийства в изучаемый нами период необходимо остановиться и на сложившихся в нем социальных категориях населения. Не претендуя на какие-то особые свои наблюдения, здесь необходимо признать, что этот вопрос достаточно хорошо освещен Р.М. Магомедовым в работе, посвященной характеристике общественно-экономического и политического строя Дагестана в XVIII – нач. XIX в. В ней подчеркнуто, что «по классовому составу население Верхнего и Нижнего Кайтага подразделялось на восемь и более разрядов»: к господствующему классу относились: 1) уцмии, 2) беки, 3) джанка-беки, 4) джанки и 5) шихи или сеиды, а «вся остальная часть населения составляла класс крестьян, подразделявшийся, в свою очередь, на узденей, раят и кулов»¹.

Р.М. Магомедов дал достаточно полные характеристики всем этим социальным категориям.

Уцмий им справедливо назван самым крупным землевладельцем Кайтага, державшим в своих руках ятаги (пастбища). Он пользовался огромной властью. Но эта власть его в разных частях Кайтага была различной. Уцмий, будучи для раятского Кайтага феодальным монархом, для узденского Кайтага был всего-навсего предводителем в военное время².

Эта же идея нашла отражение и в последней крупной работе Р.М. Магомедова, в которой сказано, что «уцмий был военным главой, живым общим знаменем, но не обязательно оперативным командующим, арбитром в случаях межобщинных споров, представителем общих интересов в Кайтаг-Дарго, в контактах с внешним миром»³.

По наблюдениям З.Г. Багандовой, хотя все магалы узденской части Кайтага и Терекеме и составляли один «общий союз под названием Уцми-Дарго, главою которого признавался уцмий, но полного политического и правового его господства в Кайтаге не было. И хотя уцмий осуществлял верховную власть,

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 222.

² Там же. С. 255.

³ Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Кн. I. С. 389.

а беки – на подвластных им территориях, они вынуждены были считаться с внутриджамаатскими обычаями в области управления»¹.

Беки составляли вслед за уцмием высший класс феодалов Кайтага. По происхождению беки делились на уцмиевых беков, карачи-беков и гамринских беков. Первые из них составляли элиту феодального общества, оказывали сильнейшее влияние на все дела общества. Беки второй и третьей групп были связаны со своими общинами, намного ниже уцмиевых беков стояли гамринские беки.

После смерти бека его имение переходило к наследникам по мужской линии. Женщинам выдавалась только часть движимого имущества. Недвижимое имущество беков обычно состояло из пахотных и населенных земель, кутанов, ятагов. Кроме того, беки взимали подати и повинности с зависевшего от них населения, в частности раят. В случае смерти последних без наследников по мужской линии их недвижимое имущество, в частности пахотные земли переходили к бекам².

В нормах обычного права кайтагцев встречаются статьи, ограничивавшие права и власть беков. Еще в XVII в. уцмий Рустам-хан в своих «Постановлениях...» записал буквально следующее: «Никто не должен завещать имение свое в пользу бека или чанки. Кто сделает такое завещание, того вместе с семейством изгонят из селения. А если кто будет упрашивать и советовать, такого завещателя оставить, того дом разрушить»³. Показателем существования норм обычного права, так или иначе ограничивавших власть беков, могут быть статьи «Постановлений» уцмий Рустам-хана, в которых говорится: «Бек должен всякий год собирать суд, в противном же случае его сменять... Если бек будет притеснять какое-либо селение, то остальные селения должны вступить за него и остановить бека... Бек должен наказать поступающего противозаконно. В

противном случае бека удалять»...¹ «Бек не должен предпринимать поход, предварительно не посоветовавшись о том с благоразумными. В противном случае брать с него штраф (триста руб.) в пользу общества»².

В этих же «Постановлениях...» есть статья, в которой говорится, что «Бек, раб, чанка, уздень должны руководствоваться этими постановлениями»³, что позволяет говорить о распространении в Кайтаге единых норм обычного права, а также о феодальной раздробленности страны. В то же время эта статья зафиксировала и существовавшие основные социальные категории Кайтага.

Отметим, что «Постановления...» эти больше отражают социальные отношения Кайтага XVII в., чем XII в., хотя в заглавии их указан XII в., на что обратили внимание еще Р.М. Магомедов⁴ и Х.-М.О. Хашаев⁵.

В рассматриваемый нами период процесс углубления феодальных отношений шел интенсивно, наблюдался количественный рост бекского сословия, в котором стали заметны и джанка-беки или чанка-беки; ими становились дети беков или же чанка-беков от брака на женщине не бекского происхождения или от гумы. Различие между полноценными беками и чанка-беками заключалось в том, что первые из них имели больше прав на отцовское наследство, а вторым обычно выделяли из имения отца: 13 дворов раят, 12 дворов евреев, 12 дворов чагар, один ятаг или его часть. В своих владениях чанка-беки пользовались теми же правами, как и полноправные беки. Имущество их переходило по наследству, как и у остальных беков⁶.

Следующую группу кайтагских феодалов составляли просто джанки или чанки, т.е. дети уцмиев и беков от браков на женщинах низших сословий – узденках, каравашках и раятках. В отличие от чанка-беков, чанки не владели населенными зем-

¹ Багандова З.Г. Кайтаг в XVIII – начале XIX в.: проблемы социально-экономического развития и административно-политического устройства. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Махачкала, 2000. С. 25.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 224.

³ Постановления Кайтагского уцмий Рустем-хана, написанные в XII веке по р.х. и отданные на хранение кадия магала Гапш. // ССКГ. Тифлис, 1868. В. I. Отд. I. С. 88.

¹ Там же. С. 87.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 225-226.

⁵ Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 172-173.

⁶ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 226.

лями, не имели своих раят, пользовались участками из общественного фонда земель узденских селений, где они проживали¹.

К категории кайтагских феодалов относились и шихи или сеиды. Их появление в Дагестане и в Кайтаге в том числе, было связано с распространением ислама. Это были далекие потомки сподвижников пророка Мухаммеда. Жили они в разных сельских обществах, пользовались привилегиями, не несли никаких обязательств по отношению к феодалам. Они больше занимались пропагандой религии – ислама, следили за правильным соблюдением религиозных обрядов. В принципе они составляли часть исламского духовенства Кайтага, занимали промежуточное положение между классом феодалов и свободными узденями. Из духовенства особо заметную роль в управлении играли выбиравшиеся на народных сходах кадии².

Крестьянский класс в Кайтаге состоял из двух основных категорий из узденей и раятов.

Уздени были юридически свободными, ни от кого не зависевшими людьми. Они имели земельную собственность, дома, хозяйство. Они были равноправны, различались только по экономическому состоянию, по силе и древности тухума³. Практически же крестьяне-уздени Верхнего Кайтага сохранили больше демократических прав в личных и имущественных делах. Они были связаны с уцмием, входили в его владение, но их трудно было считать феодально-зависимыми.

Иначе было положение узденей в Нижнем Кайтаге, где они жили вперемежку с местными людьми, считавшимися раятами. Некоторые уздени занимали близкое к уцмию положение, даже выполняли его дипломатического характера поручения⁴. Повинности и подати, отбывавшиеся узденями Верхнего Кайтага, хорошо прослежены были Х.-М. Хашаевым⁵. То же самое можно сказать и о Нижнем Кайтаге.

Раяты составляли довольно большой процент крестьянского населения в Нижнем Кайтаге, который был просто кре-

постным Кайтагом. Все население не коренного кайтагского происхождения, называемое терекемейцами, имело одно имя – раяты¹. Это были крепостные крестьяне, жившие на Теркемейской равнине на землях кайтагских феодалов. Эти земли некогда принадлежали ирчамульцам и башлинцам. Где-то в XVI-XVII вв. один из уцмиев завладел этими землями и заселил их выходцами из разных мест, в частности из Северного Азербайджана, так как башлинцы и ирчамульцы не хотели платить подати уцмию. Раяты были прикреплены к земле и к феодалу, не имели права открытого ухода от хозяина к другому, при этом теряя право на недвижимое имущество. Бек тоже не имел права выгонять раят из селения. Раяты тайно убегали. В середине XVIII в. много раятов бежало в Засулакскую Кумыкию и их возврата обратно от царских властей в Кизляре упорно добивался уцмий Амир-Гамза². Они отбывали более 20 разных повинностей и податей³.

К раятам по положению в обществе близки были таты или евреи. Их много компактно проживало в селах Янгикент и Маджалис. Они имели усадьбы, участки земли; занимались торговлей, разведением табака, производством сафьяна и сыромятной кожи. Они приносили уцмиям или хозяевам денежные доходы. Поэтому пользовались покровительством уцмий⁴.

В кумыкских селах, входивших в состав уцмийства, – в Башлах, Туманляре, Янгикенте – существовала и другая группа зависимых крестьян. Назывались они чагарами. Они тоже считались прикрепленными к земле. Однако чагары не относились к теркемейцам. Р. М. Магомедов считал кайтагских чагар то ли переселенцами из других мест, то ли беглыми от других кумыкских феодалов.

Существовала в Кайтаге и категория рабов или кулов, бесправное положение которых ясно отражено было в «Постановлениях» уцмий Рустем-хана. Рабы не имели ни имущественных, ни гражданских прав. Их рассматривали как собствен-

¹ Там же.

² Там же. С. 227; Багаидова З.Г. Указ. соч. С. 26.

³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 227.

⁴ Там же. С. 228.

⁵ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 180-181.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 228.

² История Дагестана. Т. 1. С. 334.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 177-179.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 229-230; «Постановления уцмий Рустам-хана». // ССКГ. Вып. 1. Отд. I. С. 86.

ность хозяина. Если раб прикасался к жене узденя с прелюбодейною целью, его полагалось убить и никто за это не отвечал¹.

Каждая социальная категория кайтагского общества имела определенное отношение к собственности и владению земель, скотом и т.д. В соответствии с этим разнообразием в общественном положении разных социальных категорий населения в Кайтаге сложились и разные формы земельной собственности. Этот вопрос достаточно хорошо разработан отечественной историографией. И для Кайтага XVIII – нач. XIX в. были характерны следующие виды земельной собственности: частная, общинная, мечетская, тухумная. Частная земельная собственность делилась на крупное феодальное землевладение и мелкие частновладельческие земли – мюльки крестьян. Основной формой земельной собственности в Кайтагском уцмийстве являлась частная собственность (мульк), распространявшаяся в основном на пахотные и сенокосные участки².

Наиболее крупными участками земель владели уздени, о чем уже было сказано. Крупными земельными участками владели и беки, получавшие от уцмий, как верховного собственника земли, земельные наделы, передававшиеся по наследству. Имело в Кайтаге место и условное феодальное землевладение, т.е. беки получали землю за службу уцмийю. Со временем условные земли переходили в наследственные земли.

Пахотные и сенокосные земли в Кайтаге давно были уже в собственности индивидуальных семей. Земли эти были распределены неравномерно. Уже их продавали и отчуждали, что подрывало общинные устои.

Общинная земельная собственность была широко представлена в Кайтаге, особенно в Верхнем Кайтаге; она охватывала все категории земель, но особенно пастбища, леса и сенокосы. Последние были более значительны. Имелись в обществах и переделываемые пахотные и сенокосные участки. Каждая община имела свои особенности в пользовании ими.

«Запретные земли» – тоже являлись формой общественной собственности. Имели место в Кайтаге и пережитки тухум-

¹ Постановления Кайтагского уцмийя Рустем-хана. // ССКГ. Вып. I. Отд. I. С. 83.

² Багандова З.Г. Указ. соч. С. 19.

ной собственности. Более важную роль играли в жизни кайтагцев мечетские или вакуфные земли, доход с которых шел на содержание мечетей в исправном состоянии, на плату кадию и муллам, мутаалимам, а также на поддержку бедноты, сирот, инвалидов и др. неимущих слоев.

Отметим, что в задачу данной работы не входит детальное освещение всех этих форм земельной собственности¹. Здесь важно только отметить их существование и многообразие.

* * *

Будучи одним из могущественных феодальных владельцев Дагестана, уцмий кайтагский принимал активное участие во всех политических событиях, происходивших в Дагестане в изучаемый период.

Как было отмечено Р.М. Магомедовым, во внешнеполитических вопросах уцмий старался быть самостоятельным, поддерживая связи с теми государствами и владельцами, связь с которыми давала ему определенные экономические и политические выгоды². За проезд через его владения купцы были обязаны платить пошлины, а военные или дипломатические лица обязательно должны были спрашивать у уцмий разрешения на проезд через его владение, как это имело место с посланцем Петра I в Персию А. Лопухиным в 1718г. Более того, таких людей сопровождали люди уцмий. Кстати, брат и сын уцмий, сопровождавшие Лопухина, говорили ему, чтобы он подарил уцмийю «лутчею» лошадь за проезд через его владение³.

Внешнеполитическое положение уцмийства, как и других феодальных владений Дагестана, в XVIII – нач. XIX в. определялось политической ситуацией в прикаспийском регионе, где все время соперничали за свое влияние в крае правители Турции, России и Ирана. В этих условиях уцмий вынуждены бывали временами признавать верховную власть кого-либо из правителей этих стран⁴.

¹ Там же. С. 19-22.

² Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 235.

³ Лопухин А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 31.

⁴ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 234.

Правивший в Кайтаге в конце XVII – начале XVIII в. уцмий Ахмед-хан принимал активное участие в антисефевидской борьбе народов Дагестана и Северного Азербайджана в первой четверти XVIII в. В 1711 г. его войска принимали активное участие во взятии Шабрана¹. В этом же году он участвовал со своим войском вместе с Хаджи Даудом мюшкюрским и Сурхай-ханом казикумухским в осаде города Шемахи. В 1721 г. его отряды участвовали в осаде и взятии вновь Шемахи, в 1722 г. – в осаде г. Ардебилья.

Вернувшись в Дагестан тогда же, Ахмед-хан попытался вместе с утемишским султаном в 1722 г. оказать сопротивление продвигавшимся к Дербенту через приморскую часть его владения российским войскам. Он понес тогда серьезные потери. В 1725 г. он подстрекал шамхала тарковского Адиль Гирея к выступлению против русских, в частности к нападению на крепость Святой крест, возведенную на Сулаке в непосредственной близости к владениям шамхала². Уцмий надеялся, что шамхалу помогут турки и русские будут изгнаны из Дагестана. Однако его надежды не оправдались и он в конечном итоге в том же году присягнул на верность России, дал аманатов, чем сохранил свою власть. Более того, ему было определено царское жалование в 2 тыс. руб. в год³.

Активное участие Ахмед-хан принял и в борьбе народов Дагестана против нашествий полчищ иранского шаха Надира на Дагестан⁴.

После смерти Ахмед-хана уцмием стал его внук Амир-Гамза. Он в 1765 г. помог Фатали-хану кубинскому одолеть дербентского Гасан-хана и присоединить Дербент к Кубинскому ханству. За это он получил от Фатали-хана грамоту на право взимать таможенные пошлины у ворот Дербента, а также получил в свое управление деревню Малакалыль. Более того, Фатали-хан женился на сестре Амир-Гамзы Туту-бике, обещал

¹ Там же. С. 317-318.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 25.

³ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 273.

⁴ Там же. С. 273-274; Гаджиев В.Г. Роль России... С. 128, 132, 136; Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 322-323, 326; Зубаилов С.-М. Указ. соч. С. 37-41.

Амир-Гамзе выдать за него свою сестру Хадидже-бику. Однако потом Фатали-хан отказался это сделать, чем оскорбил уцмию Амир-Гамзу. Дальше в Дагестане сложилась антикубинская коалиция. Фатали-хан был разбит на Гавдушанском поле вблизи Худата в 1774 г. объединенными войсками дагестанских феодалов, исключая сторонника Фатали-хана тарковского шамхала. В конечном итоге с помощью царских войск во главе с ген. де Медемом Фатали-хану удалось разгромить своих соперников. После этого Амир-Гамза присягнул на верность России¹.

Когда русские ушли из Дербента, Амир-Гамза во главе отряда конницы в 3000 всадников прошел через Дербент, Кубу, Ширван, напал на Ардебиль, ограбил этот край и через Карабах напал на Гянджу. Опустошив и этот край, он через Шеки, Ахты и Кюру возвратился домой².

А пока он воинствовал в Закавказье, Фатали-хан привлек на свою сторону племянника Амир-Гамзы Хан-Магомед-бека, построил ему крепость Хан-Магомед-кала и переселил туда 100 семейств из Кубы. Амир-Гамза вынужден был все же помириться с Фатали-ханом. В 1784 и 1786 гг. он обращался к России с просьбой о принятии его в подданство. Умер он в 1787 г. Ему наследовал брат его Устар-хан, наладивший связи с Фатали-ханом. Однако он правил недолго. После смерти Устар-хана уцмием стал «храбрый и прямодушный Алибек», умерший в 1795 г., оставив престол Рустам-хану – внуку уцмий Ахмед хана. Звали этого уцмий Мамаем³.

Уцмийство под конец XVIII в. наладило тесные связи с Россией, Уцмий был принят в подданство России. Генералу Савельеву, отправленному в 1796 г. в Прикаспий с войсками, было дано указание выдать уцмию 2000 руб. на содержание его войска⁴. Поход российских войск в 1796 г. в Прикаспий оказал влияние на политические ориентации владельцев Дагестана. Он же показал отношение их к планам России. Нужно сказать, что

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 22.

² Бакиханов А.-К.А. Указ. соч. С. 163.

³ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 275.

⁴ Там же.

уцмий, не колеблясь, присоединил свои войска к царским войскам, шедшим на Кубу.

После смерти Екатерины II уцмий вновь просился в подданство России. Этого он добился в 1799 г. Более того, уцмий Рустем-хан был возведен в чин 4-го класса с ежегодным жалованьем в 2 тыс. руб. Но в 1805 г. он скончался. Его сменил Алихан – сын бывшего уцмия Устар-хана. Со смертью Алихана уцмием был провозглашен его брат Адиль-хан. Он тоже находился под покровительством России¹.

В XIX в. кайтаго-российские отношения стали меняться не в лучшую сторону. Особенно заметно они стали портиться после заключения в 1813 г. ирано-российского Гюлистанского мирного договора, по условиям которого Дагестан в целом и в его составе Кайтагское уцмийство, в частности, оказались присоединенными к Российской империи. После этого акта царские власти стали проводить в Дагестане явно колонизаторскую политику, меньше интересуясь политическими настроениями местных владетелей и народов. Это имело место и в отношении Кайтага. Как уже отмечено в исторической литературе, уцмий Адиль-хан отказался подчиняться дербентскому коменданту, как этого от него требовали уже царские власти, перестал являться в Дербент по вызову.

Более того, Адиль-хан вступил в сговор с дербентским Шихали-ханом, проводившим антироссийскую политику. Царское правительство не стало церемониться с уцмием Адиль-ханом, в октябре 1819 г. направило против него большое количество войск во главе с ген. Мадатовым. В результате столкновения с ними ополчение уцмия Адиль-хана было разгромлено. Многие кайтагские села были разорены царскими войсками. 26 января 1820 г. по приказу царского сатрапа на Северном Кавказе генерала А.П. Ермолова уцмий Адиль-хан был отстранен совсем от власти. Звание уцмия с этого времени было вообще ликвидировано. Кайтагом управляли беки, находившиеся под присмотром русского пристава, обитавшего в Великенте.

В 1838 г. управление Верхним Кайтагом по приказу ген. Фези было поручено Джамав-беку – сыну Адиль-хана. При Джамав-беке находился помощник из царских чиновников. И

¹ Там же. С. 275-277.

так был найден какой-то компромисс между царскими властями и родом кайтагских уцмиев. В 1840 г. Кайтаг был включен в состав Дербентского уезда¹.

В целом Кайтагское уцмийство к началу XIX в. было одним из крупных феодальных владений Среднего Дагестана, имевшим тесные политические, экономические и династические связи с соседними феодальными владениями.

§ 3. Феодальные владения Южного Дагестана.

Под понятием Южный Дагестан, исходя из современных границ Дагестана, нами понимается территория, которая тянется с юга на север от реки Самур и доходит до южной границы Кайтагского, Дахадаевского и Кулинского районов Республики Дагестан. Как и территория всего Дагестана в целом, она делилась на низменную, предгорную, горную (внутреннюю) и высокогорную зоны. Уже в исторической литературе дана характеристика этих частей Южного Дагестана². Повторять здесь все это не имеет особого смысла. Отсылая читателя к существующей по этому вопросу литературе³, подчеркнем только, что на указанной территории в изучаемый период сформировались как феодальные владения (основной объект нашего исследования в данном случае), так и многочисленные союзы сельских обществ, получившие всестороннюю оценку в монографическом исследовании Б.Г. Алиева⁴.

Отмечу, что в нашей совместной с Б.Г. Алиевым работе есть более конкретная характеристика или определение понятия «Южный Дагестан». По нашему пониманию, «Южный Дагестан, если исходить из его географического положения, – это южная и юго-восточная часть Дагестана, а если иметь в виду административно-территориальное деление, то это территория

¹ История Дагестана. Т. 2. С. 67.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. (Кн. II. Историческая география Южного Дагестана). Махачкала, 2001. С. 23.

³ Там же. С. 19-31.

⁴ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала. 1999. С. 339.

современных Дербентского (без ряда так называемых терекемейских сел, которые в прошлом входили в состав Кайтагского уцмийства), Магарамкентского, Табасаранского, Сулейман-Стальского, Курахского, Агульского, Докузпаринского, Ахтынского и Рутульского районов. Это довольно большая территория, занятая различными этническими группами, из которых наиболее значительной были и являются лезгины, располагавшиеся не только в пределах современной территории Дагестана, но и Северного Азербайджана, т.е. по правую сторону реки Самур. Кроме того, на территории Дербентского владения (как и в самом Дербенте) и Табасарана проживали такие этнические группы, как евреи, азербайджанцы, а в первом из них арабы и персы»¹.

Из феодальных владений Дагестана, и не только Южного Дагестана, наиболее древней и известной политической единицей было Дербентское владение².

Отметим также, что в работах авторов досоветского периода не было устоявшегося четкого «единого мнения какая именно территория входила в него, территория его определялась лишь в общих чертах, не говоря о границах политических структур, входивших в него, которые в разные периоды имели различный состав и поэтому разную территорию»³.

По сведениям XVIII в. территория Южного Дагестана была намного больше, чем современная и границы ее проходили по Северному Азербайджану». В цитируемой здесь работе подробно проанализированы сведения всех известных источников по вопросу о пределах, границах территории Южного Дагестана⁴.

Этот вопрос весьма политизирован ныне, после последнего разграничения Дагестана с Азербайджаном, когда ряд районов Южного Дагестана азербайджанскими историками рассматриваются как территория Азербайджана. В частности, это, в первую очередь, делается, в отношении Дербента и Дербентского ханства, которые на картах-схемах в книге «Истори-

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 31-32.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 38-45.

ческая география Азербайджана» (Баку. 1987) XV-XIX в. указаны (обозначены) как находившиеся в составе Азербайджанского государства территории. Иначе говоря, на этих картах северная граница Азербайджанского государства проходит значительно севернее города Дербента. К сожалению, при этом азербайджанские исследователи ничем это практически не аргументировали¹.

Нам думается, что это не совсем научный подход к историческому прошлому, а скорее попытка подогнать некоторые неясности в истории прошлого под свои политические интересы в настоящем и будущем.

* * *

Остановимся еще на одном вопросе, важном для нашего исследования. Это вопрос о количестве феодальных владений, образовавшихся на территории Южного Дагестана в изучаемый нами период, да и в более раннее время. Дело в том, что еще в 1968 г. Р.М. Магомедов писал: «Общественно-политическое развитие Дагестана в XVIII веке происходило в обстановке усиления феодальной раздробленности. На территории страны располагались 36 небольших феодальных государств – ханств и владений»². Однако эти феодальные владения им не были названы. Нам удалось в изучаемый период документировать существование на территории Южного Дагестана лишь таких феодальных владений, как Дербентское ханство (султанство), Цахурское (Элисуйское) султанство, Табасаранские майсумство и кадийство, Кюринское ханство.

Вернувшись к затронутому здесь вопросу в 90-х годах XX в., Р.М. Магомедов, но уже в соавторстве с А.Р. Магомедовым, писал, что «к середине XVIII в. к феодальной политической системе Дагестана тяготели следующие крупные политические объединения: Засулакские княжества, шамхальство, Акуша-Дарго, Салатавия, Аварское ханство, Мехтулинское ханство, Дербентское ханство, майсумство Табасаранское, ка-

¹ Историческая география Азербайджана. Глав. ред. акад. АН Аз. ССР. З.М. Бунятов. Баку. Элм. 1987. С. 120, 124.

² Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз. 1968. С. 196.

дийство Табасаранское, Докузпара, Алты-пара, Ахты-пара, Рутульское бекство, Цахурское султанство, Джарский союз»¹.

Здесь феодальные владения и союзы сельских обществ даны вперемежку. Политическими и территориальными образованиями все они действительно были. Однако сказать, что Алты-пара, Ахты-пара, Докузпара, Акуша-Дарго и Джарский союз были феодальными владениями в XVIII в., как бы они ни тяготели к феодальной политической системе, весьма рискованно и я этого не могу сделать, так как общинные традиции и основы общинной жизни преобладали в них и в изучаемый нами период.

В силу этих обстоятельств в данном параграфе работы будут даны характеристики социально-экономического развития и политического положения в XVIII – начале XIX в. Табасаранского майсумства, Табасаранского кадийства, Дербентского и Кюринского ханств, Элисуйского (Цахурского) султанства.

а) Дербентское ханство в XVIII – нач. XIX в.

Юго-Восточную часть Южного Дагестана, где горы вплотную почти подступают к морю, расположен город-крепость Дербент, столица Дербентского ханства. Это ханство издревле привлекало внимание всех великих держав тех времен, каждая из которых (Иран, Турция и Крым, Россия) стремилась распространить над ним свою власть. При этом они не церемонились в выборе средств достижения своих политических целей.

Многие исследователи писали о Дербенте. Его история и общественно-политическая жизнь его жителей, в первую очередь, правителей отразилась во многих источниках европейского, арабского и русского происхождения, в трудах-исследованиях отечественных авторов. Здесь не представляется необходимым давать их информативный анализ или оценивать уровень освещения в них положения Дербентского ханства в XVIII – нач. XIX в., его социально-экономического развития,

¹ Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1994. С. 223.

внешней политики и торгово-экономических связей с соседними народами Дагестана, Закавказья (особенно Азербайджана), Ирана, Турции, в особенности с Россией.

Все эти вопросы достаточно хорошо освещены в работах Р.М. Магомедова, Х.Х. Рамазанова, А.Р. Шихсаидова, В.Г. Гаджиева, Н.А. Магомедова, Е.И. Иноземцевой, Б.Г. Алиева и М.-С.К. Умаханова, в коллективных обобщающих работах отечественных исследователей. Из них выделяется особо специально посвященная Дербентскому ханству работа Н.А. Магомедова¹. «Здесь же отметим, что согласно «Истории Дагестана» в начале XVIII в. Дербент и окружающие его территории находились под властью Сефевидов. А с 1722 г. Дербент был присоединен к России. В 1735 г., после подписания Рештского договора между Россией и Ираном, Дербент подчинился власти Надир-шаха. После его смерти и изгнания из Закавказья войск шаха образовалось Дербентское ханство», территория которого была незначительной и распространялась «на юг от владений уцмий до предгорий Табасаранского хребта на западе и северо-восточных границ Кубинского ханства»².

В этом же труде сказано, что в Дербенте в XVIII в. насчитывалось 2180 домов, а в селениях Сабнова, Перемешки, Джалган, Джауткент, Абасова, Рукел – 265 домов. 15 селения Улусского магала, управлявшихся также дербентским наибом, включали до 780 домов»³.

Свою независимость Дербентскому ханству удалось сохранить недолго. В сер. XVIII в. в правление Мухаммед-Хасан-хана внешнее и внутривластное положение ханства резко осложнилось. Используя недовольство дербентских жителей правлением жадного и злобного Хасан-хана, правитель Кубинского ханства Фатали-хан в конце 60-х годов XVIII в. присоединил Дербентское ханство к своему владению⁴. Но и это не сделало жизнь дербентских жителей зажиточной и спокойной,

¹ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. (политическое положение и экономическое развитие)». Махачкала, 1998. С. 248.

² История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 326.

³ Там же. С. 308.

⁴ Там же. С. 326.

так как эта акция привела к созданию антикубинской коалиции и военным действиям между Фатали-ханом и его сторонниками, с одной стороны, и дагестанскими владельцами – с другой, тяжело отразившимися на экономическом положении жителей ханства.

В русско-язычных источниках XVIII в. постепенно накапливались сведения о Дербенте и об одноименном ханстве. Из авторов XVIII в. первым описал Дербент посланец Петра I в Иран в 1718 г. с целью разведывания там политической обстановки и сбора информации о реках, переправах, дорогах и т.д. дворянин Андриан Лопухин.

Его «известие» о городе Дербенте гласило: – «Положением места, где самое жило (место жительства – авт.), от моря в версте, поселен в полугоре, в длину версты на две, в ширину сажень 300, около сего жила сделана стена из белого камня с башнями niskими, толщина той стены аршина на два, в вышину от земли сажень... На той же стене сделаны зубцы ис такого же камня вышиною в аршин, и подле сих зубцов по стене люди ходят, только сие – строение старое и ветхое, начаток сей стене от самого моря, и так около жила по горе обведена, что и другой конец, с тем же вровень, приведен к морю, подле которых за близостию к воде и дороги нет»¹.

Сообщение А. Лопухина о том, что «в ширине города промежду сих стен от моря нет никакой защиты, и все тут пусто с лишком на версту, только место ровное до самого жила», свидетельствует о том, что к концу второго десятилетия XVIII в. нижняя часть Дербента со стороны моря все еще была не укреплена, не имела «никакой защиты», практически не была заселена более чем «на версту» от моря². По его же сообщению жилая часть города была поделена двумя поперечными стенами на три «города жилых», в самом верхнем из которых (речь идет о Нарин-кале – авт.) был расположен «дом салтанской», возле которой располагалась «вся артиллерия» (так в тексте – авт.) и находились склады или «магазины припасные»³.

¹ Лопухин А. Журнал путешествия по Дагестану. 1718 г. // ИГЭД. С. 54-55.

² Там же. С. 55.

³ Там же.

За стенами города, «кроме виноградных садов, жила никакова» не было, а в горной стороне вокруг было «лесу довольно». По словам А. Лопухина, в Дербенте было хорошее «довольство в провианте и фураже», в нем все было дешево, чем в любом городе Персии, можно было прокормиться в день за две копейки.

Городской управитель – «салтан (как обер-комендант)» имел «всегда готовых человек 1000», а при необходимости мог собрать «из уездных военных людей с 5000», потому что в деревнях каждый имел «при себе ружье».

Однако артиллерия города была практически негодной – «перед салтанским дворцом 46 пушек медных, ис которых стрелять за раздутыми запалы невозможно» было. Нормальных пушек, по словам А. Лопухина, было где-то пять. Пушки лежали «без станков на одних досках и брусках». Порох делали жители города, «а свинцу много» привозили из Тавриза и Гиляни.

Не обошел А. Лопухин своим вниманием и то, что город Дербент находился в расстоянии «от Низовой пристани тихою ездой на три дня, от Шемахи на 8 дней, от Шевкальских гор имел границу с узмием в дву агачах, также и с каракайтаками по тое же границу усмейскую»¹, что от Дербента они далее на север «ехали от моря в версте, дорога вся глаткая, ...лесу немало», что ехали Дербентскую землю с 2 агача до речки Дарбаху»², отделявшей Дербентское ханство от Кайтагского узмийства.

Все эти сведения А. Лопухина явно пригодились петровским войскам в 1722 г. во время их похода в Дербент и далее в Закавказье (Баку)³.

Значительно более полное представление о Дербенте и Дербентском ханстве дают сведения большого знатока Кавказа и Дагестана того времени И.-Г. Гербера – участника комиссии по определению зон влияния Турции и России в Прикаспии в 1725-1726 гг.

Он тоже писал, что город Дербент «положение имеет в таком месте, где горы в близости к морю подалися», что еду-

¹ Лопухин А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 55.

² Там же.

³ История Дагестана. Т. 1. С. 344-351.

щие на север из Персии или на юг из России «город миновать или обойти не могут». Указал Г.-И. Гербер и более четкие границы ханства: «Уезд, к Дербенту надлежащий, не великим расстоянием от города по берегу к норду 15 верстах до хайдаков или речки Дарбан (речка Дарбах – авт.), которая ...означила границу ширванскую; к зюйду по берегу 30 верст до реки Самуры; и от моря вдоль до нижней горы или Табасарании 4,6 и до 8 верст»¹.

По словам И.-Г. Гербера в Дербенте были распространены «персидской, турецкой и татарской помешанной» языки, но «более был распространен для деловых писем фарс или персидский язык, но простой народ его не понимал («не понимают»)). Он же подчеркивал, что «жители в Дербенте все воинские люди, избираются из них около 600 человек конных и 1000 человек пехоты»², в том числе и одна конная рота курчиев во главе с капитаном или юзбаши. Курчии считались гвардией и, кроме шахской воли, никого в курчи не записывали. Вооружены дербентцы того времени были «оружием огненным, саблями и панцерями»³.

Интересно отметить, что государю от дербентцев мало шло доходов, «кроме одних пошлин, которых в год около 1000 рублей» собиралось. Более того, горожане получали жалованье из казны, поскольку все они «люди служивые и воинское дело» отправляли⁴. И.-Г. Гербер писал, что «городу Дербенту еще следующие уезды подчинены: Мушкур, Низават, Шабран, Рустау и Бермяк», доходы с которых шли в пользу дербентского султана. На эти доходы он содержал в нормальном состоянии стены города, колодцы, водопроводную систему, а также давал жалованье «воинским и гражданским служителям»⁵. Султан, конечно, и себя не обижал, из этих «доходов великое жалованье имел и, кроме жалованья от шаха, уволен был 5000 туманов, или 50000 рублями ежегодно, употреблял в подарки»⁶.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 85.

² Там же.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 85.

«...В казну шахову никогда ничего не происходило» (не приходило – авт.) из этих уездов.

По сведениям И.-Г. Гербера находившиеся вблизи Дербента «Табасаран и Куба повинны были оному султану послушны быть и по его приказу воинскую службу отправлять»¹. В Дербенте «всегда ...имелись султаны или губернаторы, также наибы или горододержавцы. Султаны всегда присылались от шаха из Испогани и великую власть имели над всеми к Дербенту надлежащими уездами. Последний султан во время мятежа в Ширвани в 1720 году побег свой взял в Персию к шаху». Он же отмечал, что «наипов (наибов – авт.) всегда выбирали из знатных дербентских фамилий и в оной чин от шаха конфирмированы быть стали» (т.е. утверждались шахом – авт.), что последний наиб перешел на сторону России, получил в управление «город и конфирмацию привилегиям, которых от шаха имел», был пожалован чином генерал-майора «над дербенским национальным войском»².

Наиб дербентский, по сведениям И.-Г. Гербера, как и все дербентские обыватели, жили в средней части города, в коей имелось «много хороших мечетов (так в тексте – авт.) и караван-сараяв для купечества»³. В верхней части города в то время располагался российский гарнизон. В приморской части ранее жили греки и другие христиане, но во времена И.-Г. Гербера эта часть города пустовала.

Есть у И.-Г. Гербера и сведения о занятиях жителей города не только ремесленничеством и торговлей, но и сельским хозяйством: «По обеим сторонам за городом обитатели имеют пашен довольно число и добрые виноградных и других садов, всяких овощей, яблонь, груш, персиков, сизи, гранаты и прочие, также дыни и арбузы около города везде имеются бесчисленно»⁴.

Отметим, что для сбора налогов с населения Мушкюрского уезда, также управлявшегося дербентским наибом, «прежде от султана дербентского определялся дарга», т.е. особый

¹ Там же.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. 85.

³ Там же.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 86.

чиновник¹. Вообще Дербентское ханство имело стройную систему управления, обеспечивающую доведение распоряжений центральной власти до самых низов общества. Особое внимание уделялось сбору пошлин и налогов в пользу султана.

По сведениям П.Г. Буткова это выглядело так: «Доходы, которые собирались из объявленных к дербентской провинции принадлежащих уездов и поступали к султану дербентскому, состояли в следующем: пшеницы, ячменю, сарачинского пшена и прочего хлеба 10-я часть, шелку 5-я часть. За всякого быка, который ходит в плугу, платит хозяин по полтине. За паству в зимнее время, для которой размеривают место, смотря по величине онаго, платят по 10 и по 50 рублей. Некоторые деревни ставят ежегодно ученых соколов и более ничего не платят. Большое число доходов наличными деньгами собирается вместо наказания; ибо ежели кто с кем поссорился, или в чем-нибудь проступился, то налагается на такого денежный штраф, который не бывает меньше 5 рублей, а простирается иногда и до 100 руб. Такие денежные штрафы накладывают на них собственные их, определенные над ними, начальники»².

Все это позволяет говорить, что дербентский султан практически ни в чем не нуждался, был одним из наиболее богатых феодалов Дагестана.

В российских источниках произошел заметный сдвиг в сборе и публикации сведений о Дербентском ханстве в конце XVIII в., что было связано с походом 1796 г. в Дербент и далее на юг российских войск во главе с В. Зубовым. В первую очередь, из них привлекает внимание «Описание Южного Дагестана. 1796 г.». Ф.Ф. Симоновича, снимавшего на карту изучаемый нами регион Дагестана.

Он писал, что «Дербентское владение принадлежит кубинскому хану. К северу оно окружается уцмия владением, к западу граничит с Табасараном, к полдню с провинциею Кура, принадлежащею Хамутаю казыкумыцкому, и с Кубинским владением, а к востоку омывается Каспийским морем»³. Через

ханство протекали в Каспий реки Рубас, Гургели, Самур. Ханство делилось «на два округа: на Дербентский и Улусский»¹.

В первом из них был расположен Дербент, в котором было «домов обывательских Алиевой и Суннинской (суннитской – авт.) секты до 2090, а армянских около 90». В Дербентский округ входило 6 сел Сабиава, Перемешки, Джалган, Джагут кент, Абасова и Рукал, в которых насчитывалось 265 домов. В этом округе «хлебопашество весьма посредственно» было. На склонах, обращенных к морю, разводили сады².

Улусский магал, также управлявшийся дербентским набобом, состоял из 15 сел: Алаблар (Араблар – авт.), Эхури Алаблар, Молла кент, Баятлар, Азадолгу, Устадчали (пустая крепостца на левом берегу Самура, построена из нежженного кирпича), Салик, Нугды, Малакалил, Падар, Билитчи. И в них домов было до 780³.

И во второй половине XVIII в. хозяйственная деятельность жителей ханства была разнообразной, не претерпела существенных изменений. Во всяком случае сведения источников свидетельствуют об этом. В частности, приведенные выше сведения И.-Г. Гербера по этому вопросу совпадают с данными Ф.Ф. Симоновича, писавшего в 1796 г., что «Дербентское владение изобилует хлебопашеством, состоящим в пшенице, ячмене, сарачинском пшене и прочем, равно и плодами древесными и огородными, как-то: виноградом, гранатами, миндалями, смоквами, сливами, яблоками, грушами, дынями, арбузами, орехами, шелковицею и шафраном». Он подчеркнул к тому же, что «Главный обывателей промысел в шафране и рукоделии разных родов». Естественно, что он уделил внимание связям Дербентского ханства с Россией: «В Россию же отправляют: мариану, хлопчатую бумагу, шелк шамахинский, безбурмет и другие шелковые материи»⁴.

О значительном подъеме экономического развития Дербентского ханства во второй половине XVIII в. свидетельствовал рост доходов хана дербентского. По имеющимся данным

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 94.

² Там же. С. 95.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 94.

¹ Симонович Ф.Ф. Указ: соч. Ч. I. С. 94.

² Там же. С. 143.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 143.

1796 г. «хан дербентский годового денежного дохода от пошлин с монетных и рахтарных дворов, лавок, фабрик, с привозных товаров и прочего, собирающего с города Дербента, получает серебром его деньгами на 20 000 и более рублей, кроме с деревень получаемого денежного и в натуре собираемого дохода. На случай же военных пособий и других непредвидимых надобностей берет он всегда от 500 до 1000 войска, а с каждого двора как в городе, так и в деревнях, от 20 до 30 рублей и хлеба, сколько потребно»¹.

Сведения Ф.Ф. Симоновича о Дербентском ханстве дополняются данными, собранными участником персидского похода 1796 г. П.Г. Бутковым, отмечавшим тоже, что в окрестностях Дербента разводились тогда жителями виноград, гранаты, миндаль, смоква, персики, айва, яблоки, груши, сливы, черешня, шелковичные деревья². Указал он и границы ханства, и то, что оно объединялось во второй половине XVIII в. с Кубинским ханством.

Можно говорить, видимо, о том, что Дербентское ханство практически в XVIII в. не имело статуса самостоятельного феодального владения уровня ханства, поскольку его правители фактически играли роль марионетки в руках России (в первой пол. XVIII в. и в конце XVIII —нач. XIX в.) и Ирана (правление Надир-шаха, Фатали-хана и т.д.). Незначительность роли ханов и набов Дербента в политических событиях объяснялась, на наш взгляд, незначительностью его территории (15 деревень + Дербент) и малочисленностью его населения (в Дербенте было всего 9300 душ) и выставляемого войска (4000 чел.)³, хотя хан имел поступления от рахтарных дворов, лавок, фабрик и привозимых и вывозимых товаров до 20 тыс. рублей ежегодно⁴.

Кстати, отметим, что по сведениям начала XIX в., домов в городе Дербенте было около 2000, душ мужского пола более

¹ Там же. С. 144.

² Бутков П.Г. Выдержка из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 202.

³ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

⁴ Там же. С. 211.

3000, обоего пола всего населения было до 10000 чел. Большинство их занималось сельским хозяйством, многие торговлей с Россией (Астраханью, Кизляром), с плоскостными кумыкскими феодальными владениями. Наиболее знатные купцы торговали с Персией, странами Закавказья¹.

Население Дербентского ханства было этнически пестрым, разноязычным², склонным к активной трудовой деятельности, к занятиям ремеслом разных видов, что хорошо видно из работы Н.А. Магомедова, посвященной изучению социально-экономического развития и политического положения Дербента в XVIII – начале XIX в.³ В 1810 г. у мусульман в Дербенте насчитывалось 1435 домов, душ мужского пола 3953, а армян было 28 домов, 56 душ мужского пола, евреев было 59 домов и в них 166 душ мужского пола.

В городе были красильный дом (цех), караван-сарай с 7-ми лавками при нем, лавок отдельных 5. Ассесовая должность на базаре. Шесть садов виноградных с винною и чихирною продажею. Казенных домов, оставшихся в городе, после побега беков – 24 дома⁴.

В 1806 г. Дербентская волость была пожалована во владение ген-лейт. Мехти – шамхалу тарковскому за его услуги царским войскам.

Описание Дербентского ханства содержит и интереснейшее сочинение С. Броневского⁵. Наиболее привлекательно его сообщение о том, что «В 1796 году, по взятии города Дербента, сочтено в нем домов 2189, монетный двор один, лавок 450, мечетей 15, караван-сараяв 6, фабрик шелковых 30, фабрик бумажных 113, разных мастерских лавок 50; жителей обоего пола с небольшим 10 тысяч, которые все магометанского закона...»⁶.

В целом Дербентское ханство в XVIII – начале XIX в. было достаточно экономически развито, имело тесные торго-

¹ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 219.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 106-109.

³ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 137-204.

⁴ Ртищев Ф.Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 249-250.

⁵ Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 329-341.

⁶ Там же. С. 338.

экономические контакты как с соседними странами Закавказья, так и с Ираном, Турцией, особенно Россией. Социальные отношения и социальная градация общества были более ярче и глубже в самом Дербенте, где уже просматривались даже раннекапиталистические явления – имелись цеховые организации ремесленников, торговцев.

Политический статус Дербента и его место среди феодальных владений Западного Прикаспия привлекают внимание исследователей – как дагестанских, так и азербайджанских, которые без всяких комментариев относят Дербент и одноименное ханство к Азербайджану, считают азербайджанскими, хотя еще в конце XVIII в. Ф.Ф. Симонович писал о Кубинском Дагестане, о том, что в Кубинском владении жители «дагестанских» деревень пользовались льготами при сборе налогов¹.

Этот вопрос нуждается в специальном – объективном исследовании, поскольку тенденциозность позиции азербайджанских исследователей в этом вопросе нам кажется очевидной², о чем уже нами и сказано. Здесь же на этом вопросе не будем останавливаться, поскольку задача данной работы заключается не в анализе всех этих дискуссионных проблем, а в общей характеристике экономического развития и политического положения Дербентского ханства, на фоне которых складывались его взаимоотношения с другими феодальными владениями Дагестана XVIII – нач. XIX в.

Дербентское ханство занимало ведущие позиции среди феодальных владений Южного Дагестана в развитии товарно-денежных отношений и в политических событиях, происходивших в регионе, в развитии тесных экономических связей с Россией по сухопутной трассе о чем очень аргументированно сказано в содержательной работе Е.И. Иноземцевой, к которой и отсылаем интересующихся этим вопросом³.

¹ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 149-150.

² История Азербайджана. Баку. 1958. Т. 1. С. 328, 334-335; Историческая география Азербайджана. Баку. 1987. С. 133-134.

³ Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2001. С. 144-147, 176-182.

б) Табасаранские майсумство и кадийство в XVIII – нач. XIX в.

После Дербентского ханства в Южном Дагестане по политической значимости и величине территории на втором месте находилось Табасаранское майсумство, в состав которого по сведениям Х.-М.О. Хашаева входило около 70 населенных пунктов. Правители Табасарана носили название майсумов и кадиев. Под властью последних было 20 населенных пунктов. Резиденция майсумов сначала находилась в Геврахе, а потом была перенесена в Хучни. Резиденцией кадиям служило селение Ери. Ведущим или главным феодальным владением считалось майсумство¹.

Необходимо отметить, что история Табасарана, как и история других народов Южного Дагестана, привлекала внимание целого ряда исследователей, в трудах которых можно обнаружить интересные факты из истории табасаранцев и Табасарана, как государственного образования. Отразились в их трудах и события политического и экономического характера, в которые были втянуты жители майсумства². Тем не менее и здесь необходимо остановиться на краткой характеристике Табасарана XVIII – нач. XIX в., как это сделано и в отношении других феодальных владений Дагестана изучаемого периода.

Вопросы о границах, населении, политическом положении, феодальной структуре и экономическом развитии общества и здесь остаются основными. Их осветить мы постараемся, прибегая в основном к данным источников XVIII – начала XIX в.

Наиболее ранние сведения от изучаемого периода о табасаранцах оставил посланец Петра I в Иран А. Лопухин. Он писал в 1718 г. о том, что недалеко от Дербента «есть провин-

¹ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 194.

² Там же. С. 194-199; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала. 1964. С. 150-158; Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968. С. 203; История Дагестана. М. 1967. Т. 1. С. 325-326; Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала. 1994. С. 168-231; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 131-165.

ция», жители которой считаются шаховыми подданными. И тут же он подчеркивал, что они «только мало его слушают, управителя имеют у себя из своего тутошнева народу, называется кадимаксим, и живут смирно, ни с кем не бранятся, их никто не смеет тронуть, потому что люд все военной и многонародной и деревни их в местах крепких...»¹. Можно сказать, что буквально одной фразой А.И. Лопухин сумел передать довольно интересную и объемистую информацию о Табасаране в целом, о его положении, воинственности, многочисленности народа и т.д.

Не менее лаконичное, но даже более информативно богатое сообщение о Табасаране содержит и «Описание...» И.-Г. Гербера. Он писал: «Табасаран, уезд. Зачинается близ города Дербента, простирается к северу до хайдаков и карахайдаков, которых оной разделяет река Дарбах, к северу (западу – авт.) до Зурхаева (Казикумухского – авт.) владения; которого разделяет река Агула, к югу (югу – авт.) до Куролей (до Кюри – авт.), от которых оной острыми (островерхими – авт.) горами отделен».

Он подчеркнул, что у табасаранцев «свой особенный язык, которой ни с каким другим сходства не имеет», что они «магуметане, сунны», имеют «своего магзума, или владельца, нынешним именем Магумед, да одного кады, нынешним именем Рустан-бек, которым табасаранцы подлежат, только мало послушны бывают; а максум и кады подчинены бывали султану дербентскому, а ныне наипу (наибу – авт.) и российскому коменданту в Дербенте»². Далее он акцентировал внимание на том, что табасаранцы раньше находились под властью Персии, с 1725 г. находятся под скипетром Российской империи³.

Характеризовал он табасаранцев не очень лестно: «Питаются пашнями и скотиною; народ непостоянной и воровской; те, которые близ Дербента живут, люди обходительные и мало-вежливые, а те, далее к горам живущие, люди дикие и непо- требные»⁴. И.-Г. Гербер не раз обращал внимание на существ-

венное различие занятий и образа жизни табасаранцев равнинной и горной частей Табасарана. По его словам «половина Табасарани, к Дербенту лежащие, имеет хорошие поля и хлебородную землю, а другие, к горам живущие, питаются только одною скотиною и не имеют пашен для хлеба». Объяснялось это тем, что горы, на которых они жили, «летом и зимою снегами покрыты» и лишь в июле эти снега растаивали. Поэтому горцы жили беднее. Хотя их порой привлекали к воинской службе за плату, но из-за их дикости на них нельзя было положиться. Да вооружение у них было неважное – «одни луки со стрелами», тогда как жившие близ Дербента табасаранцы были «добро оружены»¹.

По сведениям И.-Г. Гербера, табасаранцы никаких податей государю не платили, доходы, поступавшие от них майсуму и кадию, состояли «в хлебе и другой пище», а также в штрафных деньгах, которые платились при разбирательстве разных ссор. Кроме того, майсум получал «от государя 200 руб. на год». Власть майсума была наследственной внутри одной фамилии, переходила от отца к старшему сыну майсума.

Интересно то, что при этом дербентский султан должен был утвердить такой переход власти майсума².

Более полные сведения о Табасаране собрал и составил автор конца XVIII в. Ф.Ф. Симонович в своем «Описании Южного Дагестана. 1796 г.». Он писал: «Табасаран простирается от горы Кахма-даг между реками Большой Дарбах и Гургели по четырем верхним полосам (речь идет о климатических полосах, которые этот автор описал в Дагестане – авт.)³. К северу граничит с узийскими народами, терекемей, кайдаками и каракайдаками, к востоку с Дербентским владением, к полдню (югу – авт.) с провинцией Кура, а к западу с казыкумыками»⁴.

Через Табасаран протекали реки: Большой и Малый Дарбах. Рубас, Недрех и Гургели. Первые две реки текли в Северный, а последние три – в Южный Дагестан.

¹ Лопухин А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 55.

² Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 104.

³ Там же.

⁴ Там же.

¹ Там же.

² Там же. С. 104-105.

³ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 138-139.

⁴ Там же. С. 152.

Если И.-Г. Гербер по географическому принципу делил Табасаран на горную и равнинную части, Ф.Ф. Симонович делил его на три главные владения: на майсумство, кадийство и на Девек Елеми (горная часть – авт.)¹.

Главным селом (резиденцией) майсумства было с. Чеграх на острой и крутой горе, вышедшей из Карасирта, при ручье, впадающем в Рубас. Село Керчаг было местопребыванием Мустафы-бека; село Чулат – «местопребывание шамхалово», Хорик – местопребывание Али Гули масума. Всего деревень в Майсумстве было до 70, а число душ мужского пола до 21 000 душ².

По сведениям Ф.Ф. Симоновича некоторые табасаранские горные селения приносили майсуму доход в 3000 руб. ханскими деньгами. Всем нужным для своего содержания он обеспечивался преподношениями ему в роде подарков от его подвластных при посещении их им или «по призыве к себе через разные их приласкания». В Дрич Табасаран входящие горные узденские селения по Карасирту управлялись «независимыми узденями, служащими майсуму»³.

Майсумство в 1796 г. подразделялось на владения майсума, Мустафа-бека, шамхала, Али. Гули масума, Дрич Табасарана. Иначе говоря, майсумство не было уже единым и цельным владением.

В Табасаранское кадийство входило 20 деревень, с которых кадии получали доходы в качестве подарков – преподношений от подвластных, как и майсумы. Кадий получал также доходы на 5 тыс. руб. ханскими деньгами с жителей деревень, пожалованных ему дербентским Фатали-ханом⁴.

Затронул Ф.Ф. Симонович и историю образования кадийства Табасаранского. По его версии дело обстояло так: «Народ сей жидовского поколения, и по смещению с персидскими поселенцами принял он магометанский закон секты сунниской. По расположению шаха Абу-муслима, состоял он при двух кадиях под владением майсумовых предков, сделавшихся после независимыми; от сих же кадиев происшедшей кадий табаса-

ранский, пользуясь выгодными местами своими и соединясь родством, хотя побочной линии, с уцмием каракайдатским, составил себе особое, от майсума не зависящее, владение. Майсум же получил сие имя по предку своему Майсуму»¹.

Кадийство тоже не было цельным. Оно состояло к концу XVIII в. «из частных временных владений» Махмут-бека, Магомет бека и Мурза бека. Село Ерсид служило местом пребывания кадия; с. Хаменди было резиденцией Махмуд бека; с. Пенчи – место пребывания Магомет-бека; Маграча – село Мурза-бека². Из этого видно, что процесс феодального дробления довольно глубоко зашел в кадийстве Табасаранском к концу XVIII в.

Кадий и майсум имели определенное влияние и на Девек Елеми (Горный Табасаран), простиравшийся от владения «кадия к Дрич Табасарану, казикумыкам и каракайдакам» и управлявшийся народом под разными узденями или «наследными начальниками», служившими большей частью кадию табасаранскому. Эта часть Табасарана включала в себя 15 деревень с общим числом душ мужского пола 5000 человек. Главными селами этой части Табасарана были Ягдик, Пилек и Хурук³.

* * *

Вопрос экономического развития Табасарана слабо отразился в сочинении Ф.Ф. Симоновича. Он отметил только, что «Табасаран достаточно скотоводством и есть способен, выключая некоторые горские деревни и другие, лежащие по южной стороне хребта, к производству всех плодов, изобилует при пчеловодстве и разными плодами древесными и огородными, особливо же славится яблоками, грушами и орехами»⁴. В другой же статье этот же автор писал, что у табасаранцев «главный их промысел есть хлебопашество, состоящее в сорочинском пшене, пшенице и ячмене. Они напоением полей посредством проведенных из речек и ручьев канав весьма в хлебопашестве успевают. Разведены также у них и плодовые

¹ Там же. С. 154.

² Там же. С. 153; Он же. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С. 199.

³ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 154.

⁴ Там же. С. 154, 199.

¹ Там же.

² Там же. С. 153.

³ Там же.

⁴ Там же.

деревья разных родов»¹. Это замечание Ф.Ф. Симоновича свидетельствует о богатстве табасаранской природы, экономическом благополучии жителей Табасарана.

Более лучше этот вопрос освещен П.Ф. Колоколовым, писавшим, что в Верхнем Табасаране «почва земли не весьма плодородна, слой оной, состоящий из илу, неглубокий, и хлебопашество не весьма удобно, но сенокосы очень хорошие. Посев в оной преимущественно: пшеница и ячмень, в небольшом количестве просо, конопля и кукуруза. Из плодородных деревьев большею частью ореховые, кои растут по долинам. В некоторых магалах есть в небольшом количестве фруктовые и виноградные сады». По сведениям этого же автора в Нижнем Табасаране почва была «плодороднее, и хлебопашество удобнее, и сенокосы удобнее», сеяли, кроме пшеницы, ячменя и конопли, «хлопчатую бумагу, а в некоторых местах табак и марйону. Из плодородных деревьев ореховые в изобилии, равно как фруктовые и виноградные сады, а в некоторых селениях занимаются и шелководством»².

Это позволяет говорить об определенных традиционных сельскохозяйственных культурах, разводившихся в Табасаране в течение всего исследуемого периода и многоотраслевом характере хозяйства табасаранцев, часть доходов которых шла на содержание феодальной верхушки общества – майсумов, беков, духовных лиц.

* * *

Безусловно интересен вопрос о доходах феодальных владельцев Табасарана. Здесь очень важны данные П.Г. Буткова. Он писал, что «каждый табасаранский никаких положенных доходов не имеет, кроме от жалованных дербентским ханом деревень тысяч на пять рублей ханскими деньгами получает, и всем нужным на содержание свое довольствуется от подвластных ему в народе подарков по приезду к ним или по призыве к себе чрез разных их приласканий, каковыми пользуется доходами и маасум максютотский». Майсум имел только оброка с горских деревень тысячи на три рублей ханскими деньгами»³.

¹ Там же. С. 199.

² Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 314.

³ Там же.

Важно отметить, что могущество феодала обычно определялось величиной его земельных площадей, числом принадлежавших ему овец, а также подвластных, с которых он мог собрать подати. В этом плане табасаранским владельцам тоже было грех жаловаться, так как Табасаран всегда был густо населен и число населения в нем всегда было относительно велико. У майсума табасаранского, по сведениям П.Г. Буткова в 1798 г., в подвластных ему до 40 деревнях число подвластных достигло до 24000 душ. У кадия же в 18 деревнях число подвластных достигло до 6000 душ¹. Так или иначе подданные и майсума и кадия табасаранского платили подати своим правителям в форме оброка или преподношений².

По данным П.Ф. Колоколова от 1831 г. жители Табасарана в прежние времена платили подать майсумам, но впоследствии, когда оно подпало (так в тексте – авт.) управление различных лиц, а часть оной сделалась независимой, то и подати несут только ныне магала, коими управляют наследник майсумов Ибрагим карчагский, беки из фамилии Муртазаали кадия и Аслан хан казыкумыцкий и кюринский, состоящие под покровительством России. Подать сия собирается различно, смотря по богатству и числу семейства, от одного до восьми рублей серебром в год. Кроме сего, управители магалами взыскивают штрафы по обычаю и правам майсумов...»³. Так что майсумы и кадии были хорошо обеспечены.

Вообще же народонаселение в Верхнем и Нижнем Табасаране доходило до 5379 семейств. В магалах, считавших себя независимыми, составляло 2332 семейства, а в магалах, подвластных Аслан-хану казыкумухскому и кюринскому – 555 семейств⁴.

С количеством населения тесно связан вопрос о воинских силах, которых мог выставить феодальный владелец. Имею-

¹ Там же. С. 210.

² Подробно см.: Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 154-156; Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Состав. Х.-М. Хашаев. М., 1969. С. 147-148, 110-117; Гаджиев В.Г. «Сочинение И.-Г. Гербера...». С. 207-209.

³ Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 316.

⁴ Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 312.

щиеся данные свидетельствуют о том, что табасаранские майсум и кадий каждый в отдельность мог выставить достаточно большое количество войск при необходимости. По сведениям П.Г. Буткова от 1798 г. кадий табасаранский вместе с помагавшими ему тавлинцами (горцами – авт.) мог выставить до 2500 вооруженных лиц. Майсум же мог собрать до 4000 человек¹. Это значило, что власть майсума была более значительной, чем власть кадия.

Интерес представляют и сведения П.Ф. Колоколова от 1831 г. о военных силах Табасарана. Он писал, что «в магалах Вольной Табасарани по случаю обороны может собраться войска до 3000, из сего числа конных не может быть более как 300»². Кстати, табасаранцы, по его словам, никогда не собирались партиями для хищнических набегов на соседние народы, но храбро защищаются против неприятелей и в сем отношении почитаются храбрейшими от соседних народов»³.

По сведениям С. Броневского «при общем соединении всех табасаранцев, военную силу их полагать можно до 10 тысяч вооруженных людей», из которых три тысячи приходилось на часть кадия, а 7 тысяч человек на часть Маасума Максютковского»⁴. Из этого он делал вывод, что у табасаранцев было до 10000 дворов»⁵.

Это дало основание М.Р. Гасанову, много времени и сил отдавшему для изучения истории Табасарана, придти к выводу о том, что население Табасарана в XVIII в. доходило до 40 тыс. человек. И в то же время оно было этнически пестрым, состояло из табасаранцев, лезгин, азербайджанцев, агулов, татов, даргинцев-кайтагцев⁶ и др. В. Г. Гаджиев считал, что численность населения Табасарана в первой половине XVIII в. могла достичь 25-35 тыс. чел.⁷

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 210.

² Колоколов П.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 310.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 347-348.

⁶ Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. С. 167.

⁷ Гаджиев В.Г. Сочинение И.-Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся...». М.: Наука. 1979. С. 204.

Нами выдвигалась идея большей близости к истине данных Ф.Ф. Симоновича от 1796 г. о численности населения Майсумства в 32-42 тыс. человек¹. Поскольку же статистики тогда еще не было в Дагестане, на точность цифровых данных о численности населения не только Табасарана, но и других феодальных владений Дагестана не приходится рассчитывать. Надо иметь в виду, что приводятся больше кажущиеся точными цифры чем на самом деле они были или могли быть.

* * *

Интересен, на наш взгляд, и вопрос о формах власти в майсумстве и кадийстве. Первым на этот вопрос обратил внимание И.-Г. Гербер, писавший в 1728 г., что табасаранцы «имеют своего магзума или владельца, нынешним именем Магумед, да одного кады, нынешним именем Рустан-бек, которым табасаранцы подлежат, только мало послушны бывают»². Он обратил внимание на то, что «махсум и кады подчинены бывали султану дербентскому, а ныне (т.е. в 20-х гг. XVIII в. – авт.) и российскому коменданту»³. Это, на наш взгляд, свидетельство политической зависимости табасаранских правителей от внедагестанских сил, поскольку султаны или ханы Дербента сами были зависимы от Ирана или Турции, а с конца XVIII в. и от России.

Согласно данным И.-Г. Гербера, когда «махсум умирал, то старший его сын махсумом назначен и поставлен был, только от султана дербентского, а не от шаха». Видимо, в Табасаране сильны были еще общинно-демократические порядки и их соблюдали даже в таком серьезном для феодального сословия вопросе, как выбор высшего представителя власти – майсума. Хотя власть по обычаю переходила по прямому наследству от отца (майсума) к старшему его сыну, «однако ж в том согласие всего табасаранского народа потребно было»⁴. Иначе его могли и не признать, так как табасаранцы, особенно горной части Табасарана, продолжали себя «вольными людьми» считать.

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 150.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 104.

³ Там же. С. 104-105.

⁴ Там же. С. 105.

Практически майсуму ни в чем не уступал и кадий. Он «производил суд, расправу, собирал народ на войну, предводительствовал им, был полновластным хозяином» в Табасаране, пользовался «неограниченной властью». Кадий имел право приговорить к смерти человека, которого убивали по его приказу и за это убийцы не подвергались кровной мести, со стороны родственников убитого¹.

Майсум и кадий Табасарана считались полновластными правителями в своих владениях. Каждый из них был самостоятелен, имел свою резиденцию (кадий – в Хучнях, майсум – в Джерахе), свои отряды вооруженных нукеров. Они решали все вопросы внутривластного и внешнеполитического характера. На подвластной каждому из них территории нельзя было вести торговые дела без их согласия на то. Они практиковали сбор пошлин с проезжавших через их территорию торговцев².

Согласно наблюдениям М.Р. Гасанова, порядок избрания кадия и майсума был один и тот же, поскольку власть кадия также переходила по наследству к старшему в роду³. Кадия избирали на поляне Харба-Куран у с. Хучни, где старший из известного тухума села Хурик надевал на избранного кадия старую папаху, а его папаху брал себе. Без такого обмена папахами, сопровождавшегося и угощением вновь избранным кадием собравшихся, кадий не мог быть признан всеми. И здесь необходимо отметить весьма существенную деталь: избранный кадий не обязан был знать шариат, который, как правило, должны были знать все духовные лица; объяснялось это тем, что достоинство кадия и его власть переходили к старшему в кадиевском роду, который мог и не знать норм шариата. Поэтому безграмотный кадий «шариатских дел не решал»⁴.

Особо сложной системы управления в майсумстве и кадийстве не сложилось. Все сложные вопросы жизни кадий и майсум обсуждали со своими приближенными и на таком сове-

те принимали решения по ним¹. Исследователями давно отмечено, что кадий и майсум свою власть на местах осуществляли через беков, которые, как правило, имели с ними родственные связи и беспрекословно их слушались². Беки в своих уделах или магалах имели полноту власти, в своих действиях опирались на отряды вооруженных нукеров. В отдельных селах беки свою волю проводили в жизнь через сельских старшин (кавха, кевха)³.

Безусловно, заслуживают внимания сведения П.Ф. Колоколова о разделении Табасарана Верхнего на 9 магалов, из которых 7 считали себя независимыми, а два подчинялись Асланхану казикумухскому и кюринскому, а Нижний Табасаран распадался на 7 магалов (один из них починался Аслан-хану, два принадлежали наследнику майсумов Ибрагиму карчагскому, а 4 магала считались принадлежащими бекам из рода Муртазаликадия). Он же свидетельствует о том, что магалы Верхнего Табасарана Когрын, Гуркул, Хираг, Харай-Шилли, Суак, Нитриг и Дыре считались ни от кого не зависимыми⁴.

Рискнем привести одну цитату по этому важному вопросу истории Табасарана из «Описания Табасарана» от 1831 г. П.Ф. Колоколова, сохранив все грамматические особенности ее: «В прежние времена Табасарань находилась под управлением майсумов, но около 1780 года, когда по смерти Муртазали майсума, за малолетностью сына его Ниврус бека, оно подпало под управление матери его Карахан-кызы=ханум, Муртазали кадий, живший в то время и имеющий влияние на народ, увидя слабость в правлении, воспользовался случаем и завладел магалом Ярей. Впоследствии же времени сын его Рустем кадий завладел магалами Хучни и Тат (?), жители же магалов Гуркул и Хараг признали себя независимыми. С сего времени наследники майсумов управляли только магалами Хараг-Шилли, Агмергу, Агул-дере и Этех»⁵. И их управление этими магалами продолжалось до 1814 г., когда магалы Ахмергу и Агул-дере попали

¹ Памятники обычного права Дагестана XVIII-XIX вв. М. Наука. 1965.

С. 50.

² Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки... С. 155-156.

³ Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана... С. 201.

⁴ Там же.

¹ Там же. С. 202.

² Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки... С. 156.

³ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 152.

⁴ Колоколов П.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 314.

⁵ Колоколов П.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 315.

под власть Сурхай-хана казикумухского и кюринского. С. 1820 г. и Кашан-дере попало под его же власть.

В 1826 году же во время смутных обстоятельств магалы Хараг-Шилли, Когрын, Суак, Дыре и Нитриг провозгласили свою независимость и «соединились с магалами Гуркул и Хираг»¹.

К 30-м годам XIX в. ситуация в Табасаране была такова: под покровительством правительства российского Аслан-хан казикумухский и кюринский управлял тремя магалами; два магала находились под управлением наследника майсумов Ибрагима карчагского; тремя магалами управляли беки из фамилии Муртазали кадия; семь магалов Вольного Табасарана имели «особенное правление»².

Это «правление» выражалось в том, что «каждый год два или три раза весною бывает джагань или дыгорь. В нем участвует весь народ, так что из каждого семейства обязан быть на оном один человек непременно, в противном случае небывающие подвергаются штрафу, который образуется в пользу общества. Собрание сие бывает по предмету независимости всеобщего согласия и управления. Все дела и советы решаются в оном с общего согласия, каждый имеет право делать предложения, заключения и опровергать оные. Виновники наказываются почти теми же обычаями, как и при майсумах»³.

И здесь важно отметить наблюдение П.Ф. Колоколова, что на этих собраниях «сильные фамилии имеют преимущество перед слабыми»⁴. Это необходимо подчеркнуть, хотя бы потому, что и ныне встречаются люди, утверждающие о преимуществах введения в Дагестане самоуправления, которое, якобы характеризует соблюдение всеобщего равенства и равноправия. Забывая при этом, что «сильные фамилии» или тухумы практически всегда господствовали во всех союзах сельских обществ, навязывая угодные им решения джамаату – сходу.

И во времена П.Ф. Колоколова, в каждом табасаранском горном селе имелся кауха или старшина, который пользовался уважением сельчан и нередко решал по справедливости все

спорные вопросы. Они (кауха) пользовались приоритетом в решении вопросов и на сельских сходах, собиравшихся постоянно на одних и тех же местах: «на месте, называемом Харба-Куран, верстах в двух от сел. Каярых, или на горе Нитер-герве, верстах в двух от сел. Яргиль, или на месте, называемом Тыхдам, при р. Рубас, верстах в трех ниже села Хучни»¹.

Если сравнить сведения по хозяйственно-экономической деятельности табасаранцев, приведенные в сочинении И.-Г. Гербера, со сведениями П.Ф. Колоколова, обнаружится их основное сходство и лишь некоторое различие в деталях. Естественно, данные последнего автора значительно шире и полнее. Мне кажется, что некоторые выдержки из сочинения П.Ф. Колоколова сделают данную работу более содержательной и цельной, поскольку его сведения отражают состояние Табасарана к концу изучаемого нами здесь периода.

Интересны его сведения о разделении Табасарана на Верхний и Нижний, о его величине (90 верст от востока к западу, 50 верст с севера на юг – 4500 квадратных верст в площади), о границах («к северу с владением народов каракайдах и провинцией Терекеме, к востоку с городом Дербентом и с магалом Улус, принадлежащим шамхалу тарковскому, к югу с Кюринским и Казыкумухским владением, а к западу с владением вольных народов Сюргай»), сообщения о горах и реках², климате, о пчеловодстве (незначительном), скотоводстве («довольное количество рогатого скота, преимущественно же баранов и коз, кои пасутся летом по хребтам Верхней Табасарани, а зимою по долинам Нижней»)³, о вере табасаранцев («принадлежат к секте Сунна»)⁴, о дорогах, связывающих разные части Табасарана и его целиком с соседними народами Дагестана⁵.

* * *

Социальные отношения в Табасаране носили в целом феодальный характер. В майсумстве социальная иерархия выглядела следующим образом: майсум-беки – чанка-беки – узде-

¹ Там же. С. 316.

² Там же. С. 313.

³ Там же. С. 314.

⁴ Там же. С. 315.

⁵ Там же. С. 316-317.

¹ Там же.

² Там же. С. 314-315.

³ Колоколов П.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 315.

⁴ Там же. С. 316.

ни-раяты – кулы (рабы). В кадийстве структура мало чем отличалась: кадий – беки – чанки – уздени – раяты – кулы. Особо эксплуатировались беками раяты, выплачивавшие многочисленные подати и отбывавшие целый ряд повинностей¹. Имущественная и социальная дифференциация особенно ярко выражалась в терекемейских селах, где крестьянство по сути дела было закрепощено, прикреплено к земле, не имело права перехода от одного феодала к другому под угрозой потери особенно недвижимого имущества (сад, дом, хозяйственные постройки). В беспорядочном положении находились и кулы (рабы), источником пополнения рядов которых были военнопленные. Их (рабов) не допускали даже в роли свидетелей при разборе разных уголовных дел (поранения, драка, убийство и т.д.).

* * *

Для полноты характеристики Табасарана XVIII – начала XIX в. необходимо остановиться и на основных политических событиях, в которые был вовлечен Табасаран тогда. Особо не увлекаясь их детализацией, отметим основные из них.

На табасаранцев, как и на другие народы приморской части Дагестана, значительное влияние оказал «персидский» или «каспийский» поход Петра I, в 1722 г. захватившего Дербент без единого выстрела. При этом заложившего крепость на 600 человек гарнизона на р. Рубас. Табасаранский владетель Рустам-кади добивался от Петра I помощи в борьбе его с уцмием кайтагским. Петр I благосклонно откликнулся на эту просьбу Рустам-кадия. В 1723-1728 гг. писарь табасаранского майсума не раз получал деньги от царских военачальников за оказанные им услуги. В 1728 г. деньги (400 руб. серебром) получили владетели Майсум-бек и Кадыр-Рустам-бек тоже за их услуги².

Табасаран играл важную роль в борьбе народов Дагестана за независимость от иранского Надир-шаха, в 30-40-х гг. XVIII в. организовавшего целый ряд походов в Дагестан, в том числе в Табасаран с целью утверждения над ним своей власти. Seriously затронут был Табасаран во втором походе шахских

¹ Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Сост. Хашаев Х.-М.М. 1969. С. 110-117, 147-148.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 159.

войск в Дагестан в 1735 г. В этом году, Надир, «вступив в Кайтаг, принудил уцмий покориться и заставил табасаранцев и докузпаринцев выдать заложников»¹. Согласно имеющимся данным, Надир по Алты-Агачской дороге совершил «поход в маггалы Етег и Хиналарик с целью наказания восставших жителей», отнял продовольствие у жителей магала Дере².

В октябре 1741 г. Надир-шах послал сильный отряд войск в Табасаран и Кайтаг. Однако табасаранцы и кайтагцы разбили его. В 1742 году Надир-шах с 30-тысячным отрядом войск трижды вторгся в Табасаран. Трижды он был разбит и отступал с большими потерями³. В 1743 г. в начавшееся антинадировское восстание во главе с Сам-Мирзой, выдававшим себя за сына шаха Гусейна Сефевида и поддержанным в этой роли сыном казикумухского Сурхай-хана Магомед-ханом, были вовлечены и табасаранцы⁴.

В целом же табасаранцы оказали достойное сопротивление войскам «Грозы Вселенной», не покорились Надир-шаху, о чем хорошо сказано в исторической литературе⁵.

Табасаран и во второй половине XVIII в. оставался участником политических событий, происходивших в регионе. Он оказался вовлеченным в события, связанные с присоединением Фатали-ханом кубинским к своим владениям в 1765 г. Дербента, воспользовавшись недовольством дербентцев злым и жадным ханом. Фатали-хан привлек себе на помощь тарковского шамхала и уцмий кайтагского. Это вызвало недовольство казикумухского Магомед-хана, кайтагского уцмий Амир Гамзы, табасаранского майсума и табасаранского кадия и аварского хана, собравших в 1774 г. свои войска у Самура, чтобы напасть на резиденцию Фатали-хана с Кубу. Между ними и войсками Фатали-хана в местности Гавдушан произошло сражение. Фатали-

¹ История Дагестана. Т. 1. С. 360.

² Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки... С. 179.

³ История Дагестана. Т. 1. С. 368.

⁴ Там же. С. 371-372.

⁵ Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С. 147-149; Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. С. 234-241; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки... С. 181; Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. С. 149; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 161-162.

хан был разбит и бежал в Сальяны, а Кубой овладел Магомед-хан казикумухский¹.

Фатали-хан сумел настойчивыми просьбами добиться помощи от российской императрицы Екатерины II, отправившей в 1775 г. в Дагестан отряд войск во главе с ген.-майором де Медемом. Официально де Медему было поручено наказать уцмю Амир Гамзу за задержку в плену российского академика Гмелина, скончавшегося в Кайтаге пока шли переговоры об его освобождении. Фатали-хан хорошо использовал приход войск де Медема, разбил с их помощью в Кюре Магомед-хана казикумухского, после чего двинул войска в Табасаран.

Де Медем превысил свои функции, обратил оружие не только против уцмю, но и на «владельцев табасаранских, хотя они противниками России не являлись», как на это указывал еще П.Г. Бутков².

Часть российских войск во главе с Криднером и Фатали-ханом углубилась «в крепкие места гор» Табасарана, потеряла в стычках с табасаранцами «штандарт, знамя и барабан», за которые потом де Медем уплатил 170 руб. Русские войска ушли в Кизляр, потерпев неудачу в горах Табасарана, а Фатали-хан примирился со своими соперниками. Более того, воспользовавшись междоусобицами в майсумстве, он добился возведения в ранг майсума Магомед-Гусейн-бека, которому наследовали его братья Сограб, Шамхал и сын последнего Кирхляр-Кули³.

К концу XVIII в. произошло сближение табасаранских майсума и кадия с Россией. Они помогли царским войскам разбить отряды Сурхай-хана II казикумухского на берегу Самура. В 1797 г. из Петербурга вернулся посланец табасаранского Рустам-кади с покровительственной грамотой Павла I⁴. Представители табасаранских правителей в 1801 г. приняли участие в коронации Александра I. В 1802 г. они участвовали в совещании пророссийски настроенных владетелей и правителей северокавказских народов в г. Георгиевске⁵. Эту верность царские

власти отметили возведением Рустам-кади табасаранского в чин четвертого класса с жалованьем в 1500 руб. в год, а Махмуд-бек и Сограб-бек табасаранские получили в подарок от царской казны 20 аршин парчи, 10 аршин сукна, 5 аршин атласа. Магомед-кади был возведен в чин полковника царских войск, а Махмуд-бек и Мустафа-бек стали получать денежное вознаграждение¹.

Табасаранские владетели отказали в поддержке Шихали-хану дербентскому, пытавшемуся оказать сопротивление царским войскам во время их похода в Дербент² и т.д. В 1801 г. табасаранский владетель Абдулла-бек обращался к командовавшему царскими войсками на восточном Кавказе Цицианову с сообщением о смерти своего отца – табасаранского кадия и с выражением своей готовности служить царю³.

За это царь Александр I поддержал инициативу гр. Воронцова о признании кадием Табасарана упомянутого Абдулла-бека и назначении ему царского жалованья⁴. Однако позднее Абдулла-бек изменил своей присяге и в конечном итоге в 1819 г. он был разбит царскими войсками, был тяжело ранен и «прогнан с семейством в Акуша»⁵.

После этого табасаранцы были приведены в покорность ген.-майором кн. Мадатовым, управление ими было поручено зятю шамхала тарковского Абдур-Реззак-беку, который был назначен кадием у табасаранцев, и со всех старшин, кетхудов, улемов, жителей майсумства и кадийства, а также подвластных кадию магалов Харали-ар, Чокдул, Кухрук, Хараг, Чуркул и Кераг было взято клятвенное обязательство служить царю и быть ему верными⁶.

* * *

Сказанное выше свидетельствует в пользу того, что Табасаран переживал процесс углубления и развития в нем фео-

¹ Там же.

² Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. Наука. 1965. С. 186.

³ АКАК. Тифлис. 1866. Т. I. С. 777-778.

⁴ Там же. С. 779.

⁵ АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 72.

⁶ Там же. С. 73-74.

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 161-162.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 20-21.

³ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки... С. 185-186.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Там же. С. 187.

дальных отношений, социальной градации, разных форм земельной собственности (феодальной, частнокрестьянской, общинной или джамаатской, вакуфной или мечетской). Система управления, сложившаяся в разных частях Табасарана в XVIII – нач. XIX в., была направлена в первую очередь на защиту интересов феодального класса, феодальной верхушки в лице кади, майсума и беков.

Таково было общее социально-экономическое и политическое положение, на фоне которого у табасаранских майсумов и кадиев складывались разного характера отношения с другими феодальными владетелями Дагестана.

в) Кюринское ханство в XVIII – нач. XIX в.

Позже всех других феодальных владений на территории Южного Дагестана образовалось Кюринское ханство. Р.М. Магомедов относил его возникновение ко второй половине XVIII в. По его наблюдениям образованию этого ханства способствовало то, что уже в начале XVIII в. в Курахе, Каке, Целегюне, Гапцах утвердились после походов Сурхай-хана лакские феодальные фамилии. Раньше всех поработенными оказались жители селений Луткун и Ялах. Род здешних лакских беков при Чолак Сурхае почитался даже в ханском значении. Однако в Кюре и на других землях Южного Дагестана до второй половины XVIII века господство казикумукского хана было не совсем устойчивым. Здесь одновременно господствовали не только ханы Казикумуха, но и Дербента и Кубы. Местные феодалы, т.е. шихи, ведущие свое происхождение от арабских завоевателей, тоже сохранили свои прежние привилегии. Они жили в селениях Магарамкенте, Верхнем, Среднем и Нижнем Стале и Гиляре»¹.

Как он писал еще в 1961 г., дальнейшее развитие феодальных отношений в лезгинских районах было связано с казикумукским Магомед-ханом². Конкретно образование Кюринского ханства по мнению Р.М. Магомедова и А.Р. Магомедова выглядело следующим образом: Фатали-хан кубинский после

¹ Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до начала XIX века. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1961. С. 218.

² Там же.

овладения Дербентом стал встречать все более упорное противодействие своей политике со стороны казикумукского Сурхай-хана II. В этих условиях Фатали-хан стал способствовать «возникновению Кюринского ханства, как политического противовеса Кумуху. Для этого он использовал вражду в казикумукском ханском доме. У Магомед-хана был сын от первой жены Шахмардан, ненавидевший сына от второй жены – Сурхая. Фатали-хан предложил Шахмардану покровительство и смежные земли Кюры, входившие прежде в Дербентское и Кюринское ханства. К ним Шахмардану удалось добавить в 1788 г. и Курахский магал – так оформилась территория Кюринского ханства»¹.

Привлекает здесь внимание момент, в котором говорится о том, что Фатали-хан предложил Шахмардану, в частности «смежные земли Кюры, входившие прежде в Дербентское и Кюринское ханства». Получается, что «Кюринское ханство» было и до этого. Видимо уважаемые авторы «Истории Дагестана» не обратили на это внимание, вместо «Кюринской провинции» употребили термин «Кюринское ханство».

Однако доведем вопрос возникновения Кюринского ханства в их интерпретации до конца, приведем еще одну цитату из труда А.Р. и Р.М. Магомедовых, в котором сказано: «В 1789 г. умер Магомед-хан Кадикумукский (явно «казикумукский» – авт.), на место его был избран сын его Сурхай II, получивший прозвище Кун-Буттай – «большой отец». В долине Самура Сурхай II к своему владению присоединил селения Яраг, (явно должно быть село Ялах, так как с. Яраг расположено в Табасаране – авт.), Кака, Луткун, ранее принадлежавшие обществу Рутульскому. В Каке он поселил своих братьев Шуайб-бека и Иса-бека, затем были присоединены несколько сел в Ихрекском ущелье и агульское селение Бурқихан, которое «он отдал в управление брату своему Саид-беку»².

В состав Кюринского ханства входило свыше 140 населенных пунктов. Основную часть жителей ханства составляли лезгины. Но проживали в ханстве и еврей-переселенцы из таба-

¹ Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала: Даг. кн. изд-во. 1994. С. 235.

² Там же. С. 235-236.

саранского села Карчаг¹, агулы (буркиханцы), а также лакцы — земляки и родственники переселившихся в Кюру лакских беков, их помощники и т.д. Положение кюринцев, превратившихся в райятов лакских ханов, было очень тяжелым, бесправным, что хорошо отразилось в лезгинском фольклоре, в частности, в творчестве Саида Кочхюрского, проклявшего правившего в Курахе в XVIII в. хана (Мурсал-хана) за то, что хан ослепил его². Отметим, что себя по происхождению считали узденями жители 37 сел: Бушак, Арсух, Нудых, Якекех, Фите, Дурштул, Гуэ, Дулдуг, Нудгуль, Мисси, Типиг, Рича, Виттих, Харадж, Ук, Усух, Гвардал, Мельхан, Хипиг, Шемихур, Урсунч, Хпеч, Ашар, Коказ, Харахур, Курах, Кимихур, Тител, Комок, Штул, Кутул, Икра, Бурши, Ахари-мака, Ашага-мака, Ругун³.

По словам Р.М. Магомедова, лучшая часть орошаемых земель ханства находилась между Кубинским ханством, рекой Самур и южным Табасараном. В горной части основным занятием населения было скотоводство. ...На протяжении всего XVIII века в Кюре и Самурской долине происходило обращение общинников в феодально-зависимых крестьян... В особенно тяжелом положении находились райяты — крепостные крестьяне, с которых взимались многочисленные поборы и натурою, и личным трудом. Жители (раяты) сел. Луткун и Ялах давали бекам от каждого общества 45 рубэ пшеницы и столько же ячменя, обрабатывали бекские земли, убирали хлеб бека, косили и доставляли в указанное им беками место сено, возили зерно на мельницы и дрова из леса. Кроме того, райяты содержали бекский скот в своих селениях⁴.

Р.М. Магомедовым отмечено и то, что «когда в 1788 г. Шахмардан умер, управление ханством перешло к его сыну Аслан-беку, а год спустя после смерти Фатали-хана ханом кубинским стал его сын Ахмед, от его Кубинского ханства отделились Шемаха и Баку, что ослабило это ханство. В 1791 г. по-

сле Ахмед-хана стал ханом его брат Ших-Али-хан, под властью которого остались лишь Куба и Дербент.

Воспользовавшись ослаблением Кубинского ханства, Сурхай-хан II овладел Кюрою и присоединил его к Казикумуху и объединенное ханство стало называться Кюра-Казикумухским. Засилье лакских феодалов стало тяжелым бременем для населения многих «рутульских, самурских, курахских, агульских и табасаранских сел», жители которых не раз выступали против этого гнета¹.

Источники XVIII-XIX вв. также содержат сведения о Кюринском ханстве и его образовании. Так, главноначальствующий с 1812 по 1816 г. на Кавказе Р.Н. Ртищев в 1813 г. писал, что «Кюринское владение с крепостью Кураг, покоренное в исходе 1811 г., по выгнанию из оногo вероломного Сурхай-хана казыкумышского. В нем по забратым сведениям числятся примерно до 500 дворов; о числе душ ни сам нынешний владелец, ни правительство здешнее не имеют сведений. Владение сие поручено наследственно племяннику Сурхай-хана, преданнейшему России, полковнику Аслан-хану, который обязан вносить в казну е.и.в. с нынешнего 1813 года ежегодно червонцев 3000, хлеба четвертей: пшеницы —2500, ячменя 500, провиант сей поступает на довольствие гарнизона, в крепости Кураге расположенного»².

Число жителей ханства было неизвестно, хотя в нем считалось «более 5000 дворов»³. В целом же ханство было довольно густо заселено, насчитывало более 130 сел⁴, которые до ханов управлялись старшинами (по-лезгински — кевха), «обязанности которых заключались в наблюдении за порядком и в разборе споров и жалоб в своем селении» вместе с аксакалами⁵.

По сведениям от 1869 г. А. Цветкова в Кюринское ханство входили села Курах, Гельхан, Ашар, Цнал, Хутарг, Архит, Захит, Цмур, Кабир, Бутхент, Картас, Испик, Касумкент, Мага-

¹ Там же. С. 219.

² Ртищев Ф.Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 247.

³ АКАК. Тифлис. 1873. Т. V. С. 135.

⁴ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 191-193.

⁵ Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. М., 1965. С. 42-43.

¹ Памятники обычного права Дагестана. XVII-XIX вв. М., 1965. С. 43.

² Магомедов Р.М. История Дагестана. 1961. С. 219.

³ Феодальные отношения в Дагестане. XIX — нач. XX в. С. 164.

⁴ Магомедов Р.М. История Дагестана. 1961. С. 218-219.

рамкент, Средний, Верхний и Нижний Стал, Гильяр¹. По другим сведениям в Кюринское ханство входило 135 селений². По сведениям же, собранным в 1892 г., в ханство входило 12 сел: Заграб-кент, Буткент, Хтун, Магарамкент, Койсун, Целянг, Бар-Бар-кент, Бюль-Бюль-кент, Аликент, Махмуд-кент, Испик³.

Интересно, что среди них не указана даже крепость Кюра, которая была специально построена в довольно живописной и укрепленной местности.

Крепость Кюра, гда располагалось российское начальство, лежала «между гор в узком проходе, ведущем в Казикумухскую провинцию при р. Курах-чай, начиная от сей реки к северной и южной сторонам в виде амфитетатра возвышаются крутые, высокие и местами каменистые горы, кои, продолжаясь таковым образом на расстоянии одной с половиной версты от реки, имеют высоту более 150 саж; на одном хребте сих гор по нижней отлогости между двумя речками, протекающими с северной стороны гор, при впадении их в Кюрах-чай, заложен город, примкнутый одною стороною к яру реки, а прочие окружены местами каменною стеною с башнями, складенною из плит на глине, высотой от 6-ти до 14-ти фут, толщиной в 2 фута, и местами служит обывательское строение с бойницами; в середине находится небольшое укрепление, - род замка, в коем расположено одно ханское укрепление»⁴. К тому же крепость была укреплена 3 башнями на ближних к ней высотах. Башни были трехэтажными, имели амбразуры. Как отмечается в источнике, «вокруг крепости было много мельниц, нив, плиты, а лес по горам в 7 верстах от оной»⁵.

Официально Кюринское ханство было провозглашено и присоединено к России в январе 1812 г., а управление им было поручено Аслан-беку, провозглашенному кюринским ханом и произведенному в генерал-майоры царской армии. Сам же он принял обязательства перед царем располагать на постой в ханстве российские войска, а также содержать постоянно 160 че-

¹ Кюринский округ. // Памятники обычного права Дагестана... С. 41-42.

² Феодалные отношения в Дагестане. XIX – нач. XX в. С. 166.

³ Там же. С. 167.

⁴ АКАК. Т. V. С. 155.

⁵ Там же.

ловек конницы, разбирать по закону и обычаям лакцев все дела, кроме уголовных, а также вносить ежегодно на их содержание в казну по 3 тысячи червонцев и 3 тыс. четвертей зерна в год¹.

В 1820 г. оно было вновь объединено с Казикумухским ханством, но уже во главе с Аслан-ханом, официально провозглашенным и казикумухским ханом вместо бежавшего в Персию из Казикумуха Сурхай-хана II. В следующем году Аслан-хан получил не только чин генерал-майора, но и знамя с российским гербом, саблю, украшенную драгоценными камнями, инвестиционную грамоту на право управления Кюринским ханством², которым он правил до смерти Сурхай-хана II в 1827 г. После этого Аслан-хан стал полноправным казикумухским ханом и переехал на жительство в Казикумух, поручив управлению Кюринским ханством своему племяннику Гарун-беку, беспрекословно исполнявшему все его указания³. Скончался Аслан-хан 17 апреля 1836 г. в Казикумухе. Он оставался сторонником России до самого конца, хотя и у него были определенные колебания в этом вопросе⁴.

* * *

Относительно поверхности территории Кюринского ханства можно много писать, так как она была по дагестанским масштабам довольно велика и охватывала почти все климатические зоны. В «Описании Кюринской провинции, крепости Кюри и дороги, ведущей от оной до Кубы», составленном 25 января 1812 г., сказано, что «Кюринская провинция лежит в Южном Дагестане, граничит с владениями Дербентским, Табасаранским, Казикумухским, Рутульским и Кубинским, от коего разделяется р. Самуром; содержит в себе до 2000 кв. верст. В ней главные реки: Гурмени, Кюрах-чай, вышедшие из хребтов гор, называемых Кохмадаг, и протекающие по оной в близком

¹ Там же. Т. VI. Ч. II. С. 41, 45; Казикумухские и кюринские ханы. // ССКГ. Тифлис. 1869. Т. 2. Отд. IV. С. 19-20; Феодалные отношения в Дагестане. XIX – нач. XX в. Архивные материалы. Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969. С. 163-164; История Дагестана. Т. II. С. 25; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 187.

² ССКГ. Вып. 2. Отд. IV. С. 27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 188.

расстоянии друг от друга, и, продолжив таковым образом течение свое около 80 верст, соединяются и вместе воды свои изливают в Каспийское море»¹.

Далее источник сообщает о том, что «провинция изобилует довольным количеством разного леса, но к строению годного находится весьма мало, доставляется же таковой из ближних владений»².

По сведениям еще И.-Г. Гербера кюринцы («куралинцы») проживали в 20-ти с лишним деревнях, которые располагались недалеко от р. Самур. По его словам они не отличались особым развитым хозяйством, не занимались «пашнями и скотоплодием». «Один их промысел и пропитание состоит в воровстве и грабеже». - писал о них И.-Г. Гербер, не скрывая свое к ним негативное отношение³.

По сведениям Ф.Ф. Симоновича от 1796 г. «провинция Кура или Кюре» простиралась «от Кавказского снегового хребта по четырем верхним полосам между реками Гургели и Самуром», к северу граничила с Табасараном, к востоку с Дербентским владением, к югу с Кубинским, Ахгынским и Рутульским владениями, а к западу граничила с Кавказскими горами. Эта территория, на которой проживало до 12 тыс. мужского населения в почти 100 селениях, была уступлена Фатали-ханом кубинским «Хамутаю казыкумыцкому в наследственное и независимое владение»⁴.

Ф.Ф. Симонович более объективно, чем И.-Г. Гербер, писал о жизнедеятельности кюринцев: «Впрочем Кура достаточно скотоводством и есть вообще способна к производству всех плодов. Она составляет произведениями своими большую часть богатства Хамутаева, с которой оный по Кубинскому положению подати собирает»⁵.

Источник начала XIX в. свидетельствует о том, что в Кюринском ханстве «хлебопашество ... по низким горам и отлогостям и долинам производится с великим успехом: на полях

сеют пшеницу, ячмень и в малом количестве сарачинское пшено – первые два по причине плодородной земли, урожаясь в великом изобилии, составляют главное упражнение (занятие – авт.) и прибыток жителей»¹.

Далее в этом источнике говорится, что «сверх сего находятся в великом изобилии и другие жизненные потребности, также содержится довольное количество рогатого скота и лошадей. Жители же гористых населенных мест, менее для хлебопашества удобных, живут скотоводством и занимаются почти одним им»².

Занимались кюринцы и садоводством. Разводили они яблоки, груши, персики, сливы, вишню, черешню, абрикосы и другие плодовые деревья. В равнинной части ханства разводили виноград, шелковицу (тутовник), марену. В горах больше разводили овец, хотя и крупный рогатый скот (коровы, быки) тоже разводился в необходимых количествах. На плоскости крупный рогатый скот (коровы, быки, буйволы) занимал значительное место в поголовье скота, так как он использовался и в качестве тягловой силы при пахоте земли и перевозке тяжестей. Овцеводство носило отгонный характер.

Кюринцы были тесно связаны экономически с Дербентом, Кубой, Табасараном, с Лакией³. Особенное значение для жителей ханства имела дорога, связывавшая его с Кубой. Она шла от Кубы через деревни Худад и Имангули – кенд до Зиахура. Ее пересекали мелкие речки, местами она шла через небольшие возвышенности. Далее она шла к известному броду через р. Самур между Магарамкентом и Таиром, потом около 8-ми верст шла к северо-западу, а далее поворачивала на запад и шла по небольшому ущелью около 4-х верст. Далее путь шел до деревни Кабир. Оттуда до Кюры шел «ровный путь по р. Кюрах-чай между гор», подошвы которых отстояли «друг от друга на ружейный выстрел»⁴.

Кюринцы в торговый оборот пускали не только мясомолочные продукты, но и изделия распространенных у них домашних промыслов: сукна, ковры, джурабки, платки, веревки и

¹ АКАК. 1873. Т. V. С. 135.

² Там же.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 105.

⁴ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 151.

⁵ Там же. С. 151-152.

¹ АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 135.

² Там же.

³ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 191.

⁴ АКАК. Т. V. С. 155.

т.д. Этими промыслами у кюринцев занимались исключительно только женщины, девушки.

* * *

Касаясь сложившихся социальных отношений в Кюринском ханстве, нужно отметить особенность социальной верхушки общества: правящая ханско-бекская верхушка или фамилия ханства была иноэтнической. Иначе говоря, ханы и беки кюринские являлись по происхождению лакцами, выходцами из дома казикумухских правителей, разными путями установившими свою власть над Кюрой. Подвластное население ханства составляли лезгины или кюринцы, как их называли в XIX веке.

Ханы кюринские управляли сельскими обществами при посредстве «поставляемых ими назырей, а впоследствии набобов», становившихся исполнителями их воли¹.

Согласно имеющимся сведениям жители подвластных кюринским ханам сел отбывали повинности бекам. Эти повинности складывались из натуральных сборов «пшеницею и ячменем со всякого двора, имеющего состояние или посева, или пару рабочего скота, - от 2 до 9 руб». Кроме того, за пользование ханскими землями с посевов пшеницы, ячменя, чалтыка и прочих злаков – в селениях Зуграб-кент, Газыр-кент, Аликент, Махмуд-кент и Испик посевщики давали по 3 руба зерна.

Существовала также и аробная повинность во всех деревнях «до трех ароб со двора и по одной арбе дров со двора»². Кроме того, каждый крестьянский двор работал по четыре дня в году на своего бека. Во время жатвы бек-хозяин обязан был щедро угостить работавших на него. В целом положение кюринцев не было ни чуть лучше положения крестьян других феодальных владений Дагестана, хотя бекскими подданными они стали с 60-70-х годов XVIII в. Казикумухские беки, каким бы путем они не оказались хозяевами кюринских сел, выступали в прямой роли эксплуататоров, несли кюринцам феодально-крепостнические отношения, что достаточно хорошо отражено в документе № 39. (Доклад члена сословно-поземельной комиссии Андронникова о поземельном устройстве местного на-

¹ Памятники обычного права Дагестана... С. 43.

² Феодальные отношения в Дагестане. XIX – нач. XX в. М., 1965. С.

селения Кайтаго-Табасаранского, Кюринского и Самурского округов Дагестана)¹.

На основании всех этих фактов можно сделать вывод о том, что лезгины бывшего Кюринского ханства, а впоследствии Кюринского округа находились под тяжелым гнетом ханов, бекков, богатой узденской верхушки и духовенства; общественный строй у них уже был феодальным, основанным на феодальной земельной собственности и внеэкономическом принуждении, как это отметил еще Х.-М.О. Хашаев², приведший для подтверждения этого тезиса убедительные фактические данные³.

г) Цахурское (Элисуйское) султанство в XVIII – нач. XIX в.

Образование Цахурского султанства относится к XVI-XVII вв. Оно охватывало земли по верховью р. Самур. В XVIII-XIX вв. оно было известно как Элисуйское (или Елисуйское) султанство. Название это происходит от названия села Элису (или Елису), ставшего резиденцией бывших цахурских султанов, которым пришлось обосноваться за пределами Цахура.

Не станем здесь подробно останавливаться на истории образования Цахурского султанства и перемещения цахурских султанов в Элису, так как этот вопрос хронологически далек от изучаемого нами периода и, кажется, достаточно освещен в исторической литературе⁴.

Здесь же ограничимся характеристикой его в XVIII – начале XIX в. Согласно имеющимся сведениям в состав Цахурского султанства входили четыре цахурских общинных союза:

¹ Там же. С. 163-170.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 194.

³ Там же. С. 191-194.

⁴ Линевиц И. Бывшее Елисуйское султанство. // ССКГ. Тифлис. 1873. Вып. VII. С. 1-54; Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М. 1890. Т. 1. С. 225; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки... С. 107; Петрушевский И.П. Джаро-Белокавказские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала. 1993; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала. 1973. С. 18-19, 33-34; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 165-184.

Цахурский, Сувагильский, Карадулакский и Элисуийский – всего 26 селений¹.

Основное население их составляли собственно цахуры. Проживали в Цахурском султанстве и ингилойцы, мугалы (омусульманившиеся грузины и т.д.). Дело дошло до того, что цахуры считались привилегированной группой населения в султанстве и являлись опорой султанов. Нецахурское население находилось «в полном подчинении властного феодала»².

В то же время Цахурское султанство в течение XVII в. находилось под влиянием и вниманием иранских шахов. Шах Гусейн (1694-1722 гг.) писал Али-Султану цахурскому: «ныне отправляем к вам грамоту и кафтан на владетельское звание»³. Это значило, что в самом начале XVIII в. Цахурское султанство продолжало находиться под влиянием иранских шахов.

По мнению Т.М. Айтберова владение цахуров или «княжество это, после переноса резиденции его правителей в старинное аварское село Елису и перемещения его жизненных токов в Закавказье, превратилось фактически в аварское национальное государство, известное историкам как султанство Элисуийское. Что же касается аварского населения Закавказья и Белоканского районов, чья военно-политическая организация, вероятно, уже носила наименование «Союз [заключенный] в Голода» (Гьолода эл), то оно контролировало в то время, в полной независимости от Кахетии, горную и предгорную части названных районов – поселения на горе Мататур и на возвышенности Пипан, Джарское, Катехское и Мухахское ущелья с прилегающей равниной, а также предположительно сел. Белоканы, которое после кызылбашских погромов постепенно, как говорится, без шума взято было под контроль голодинцами»⁴.

Весьма сложно комментировать это утверждение, которое, на наш взгляд, не совсем четко и убедительно раскрывает вопрос аваризации местного цахурского населения. Автор, кажется, слишком поспешил с выводом об образовании в изучаемой зоне «аварского национального государства» в XVII в.

¹ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 76.

² Там же.

³ АКАК. Т. II. С. 1088.

⁴ Айтберов Т.М. Закавказские аварцы: этнос, государственность, законы (VIII – начало XVIII вв.). Махачкала. 2000. Ч. 1.

Однако трудно и отрицать существование в изучаемом регионе авароязычного населения. Известно, что цахуры и поныне существуют, живут на этой же территории, где они жили в XVIII – XIX вв. Вряд ли цахуры примут точку зрения Т.М. Айтберова в таком ее несколько тенденциозном, мягко говоря, обосновании.

И здесь же нужно отметить, что азербайджанские историки относят Элисуийское (Илисуийское) султанство к азербайджанским феодальным государствам¹.

А.-К. Бакиханов, лучший знаток кавказской истории, автор XIX в., не выдвигал подобных идей. Он писал о совместном выступлении в начале XIX в. цахуров и джарцев против сефевидов, находившихся и господствовавших в Северном Азербайджане (Ширване). Он писал, что «в это время (речь о 1710 г. – авт.) джарцы (Джарское общество), соединившись с цахурцами (верхняя часть Элисуийского владения), совершили набег на Ширван. Гасан-Али-хан, тогдашний правитель Ширвана выступил против них, но был убит в Шекинском магале. Мятежники разграбили его лагерь, ворвались в Шемаху и, опустошив ее, возвратились домой»². В целом же Цахурское (Элисуийское) султанство располагалось в горной части Дагестана (северная часть) и Северного Азербайджана (южная часть), если исходить из современного административного разграничения между Российской Федерацией и Азербайджаном.

Иначе говоря, цахуры заселяли северный и южный склоны Кавказского хребта. Они составляли Цахурское «вольные общества», оказавшееся под властью элисуийского султана³. Они не владели зависимыми или кешкельными крестьянами, а имели лишь «право групповой сеньерии по отношению к мугальским и ингилойским селениям». Хотя они и составляли значительную часть населения султанства, но особо заметной роли в его жизни не играли⁴.

Чтобы была понятна этническая ситуация, сложившаяся в Элисуийском султанстве, отметим, что в султанстве проживали три основные этнические группы. Одна из них состояла из

¹ История Азербайджана. Баку. Элм. 1958. Т. I. С. 334.

² Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку. Элм. 1991. С. 124.

³ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 74.

⁴ Там же.

цахуров (калтахов) – свободных крестьян, сидевших на своей земле и не обложенных никакими феодальными повинностями. Вторую группу составляли игилой – омусульманившиеся грузины, а третью – мугалы (тюрки). Это были прикрепленные к кому-нибудь крестьяне¹.

По наблюдениям И.П. Петрушевского этнические группы в султанстве совпадали с производственными, а «султаны и беки частью цахурского, частью тюрко-азербайджанского происхождения, считались стоящими как бы вне этнических групп, и в камеральных описаниях перечислялись отдельно»².

И.П. Петрушевский, уделивший много времени и сил изучению истории закавказских народов, в том числе и джаробелоканцев, не считал цахуров выходцами из Дагестана, захватившими часть Кахетинского царства в XVII в., как это утверждали И. Линевиц и С. Эсадзе. Не поддерживал он и версии о вторжении аваров большими группами в восточную Кахетию и ставшими жить там крупными родовыми общинами, обязанными местным грузинским моуравам военной службой³.

Падение власти грузинских феодалов в изучаемом районе, по его мнению, было связано не с «хищническим вторжением» цахуров, а с укреплением в Восточном Закавказье власти Персии и, в связи с этим, со сменой состава части феодальной верхушки здесь»⁴.

* * *

Весьма интересным представляется вопрос о системе административного управления и характере власти елисуйских султанов. Согласно наблюдениям И.П. Петрушевского «султаны выбирались на джамаатах непременно из числа членов султанской фамилии. Порядок выборов был установлен адатом»⁵. Иначе говоря, султана избирали, не только по наследственному принципу, что было следствием своего рода «компромисса между султаном и цахурскими джамаатами»⁶. С XVIII в. елисуй-

¹ Там же. С. 73.

² Там же. С. 73-74.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 179.

⁵ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 76.

⁶ Там же.

ский джамаат обычно избирал султаном лишь того претендента, кого одобрял джарский джамаат, который диктовал свою волю остальным джамаатам¹.

Второе место после султанов в социальной иерархии и системе управления занимали многочисленные беки, которые делились на три типа по своему происхождению и знатности. Главными беками считались все члены султанской фамилии, рожденные от «законных» жен бекского происхождения. Сыновья от наложниц и женщин «низкого» происхождения не получали бекских прав и звания бека.

Другой тип беков составляли наследственные беки из фамилий цахурских и тюркских, обязанных службой султану в войске и при дворе. Эти две группы беков получали от султана во владение кешкельные селения или их части, закреплявшиеся за ними наследственно.

Были еще и служилые беки, которые не имели кешкельных прав, не имели права передачи своего владения по наследству. Их благополучие зависело от отношения к ним султана, агентами которого они считались².

Были беки, владевшие целыми селениями. Так, с. Фистихло (40 дымов) в первой трети XIX в. принадлежало беку Хаджи-ага, а селения Аманло и Кайсарло (31 дым) – бекской фамилии Али-Султан-Ушаги. Были беки, владевшие немногими кешкелями. Например, село Ибахло (27 дымов) принадлежало 15 бекам, селение Казмаляр (40 дымов) – 17 бекам³.

Собственно в зависимости от беков находились и платили им подати жители селений Абахло, Кичик-Котукло, Узун-Тала, Кара-Тала, Аманло, Кайсарло, Кипчак, Казмаляр, Дехма-Дагельды, Шахляр, Аламло, Байдарло, Онджалю и Тахтанум (14 сел на юге султанства)⁴.

Селения, освобожденные от феодальных повинностей, как и лица такого состояния, назывались маафами. Они имелись и в ингилойских и мугальских селениях и считались одинаково с цахурами свободными⁵.

¹ Там же.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ Там же. С. 78.

Кешкельные (зависимые) крестьяне назывались и райатами, состояли из ингилов и мугалов. Они платили обычно султану и бекам подать зерном $4/7 - 1/10$ часть собранного урожая пшеницы, чалтыка (риса) и проса по 1 тагару с каждого кешкеля. Кроме того, султану приносили «добровольно» к празднику тутовую водку, орехи, уксус. Платили они еще и налог даргалик на содержание управителя – даруга»¹.

Отметим, что ни султаны, ни беки не вели своего отдельного хозяйства. Поэтому в султанстве нигде уже не было барщины или отработочной ренты. Усадьба султана в Елису «состояла из двух каменных и одного деревянного домов, тутового сада, виноградника и огорода»².

И.П. Петрушевский пришел в свое время к выводу о том, что в социальном строе Елисуйского султанства наблюдалось «сочетание явно феодальных черт с пережитками тухумного строя»³, беки цахурского происхождения просто обособились от своих общин, попавших в зависимость к султану⁴.

Как и в других феодальных владениях, в Цахурском (Елисуйском) султанстве, в каждом селе было свое управление: сельский кевха, кевхи тухумов и имам мечети составляли суд, решавший по адату и шариату все возникавшие исковые и др. дела⁵.

Главное управление джамаата ведало всеми вопросами взаимоотношений с соседними союзами сельских обществ и феодальными владениями Дагестана и Закавказья – вопросами войны и мира, внутренней жизни, охраны границ, горных пастбищ, сбора повинностей, распределения земли между тухумами, созыва схода. Оно являлось высшей инстанцией при решении самых сложных вопросов. Иногда созывались сходы расширенные – с участием в заседании старшин и представителей всех незаинтересованных в разбиравшемся деле тухумов. Джамаат обыкновенно имел аппарат попечителей, заботившихся о неимущих, разорившихся, стариках, сиротах, подкидышах и т.д.

В султанстве, надо отметить, сильно сказывалось влияние аварских «вольных» обществ, их диктат. В то же время адатные нормы их играли главную роль при решении многих вопросов жизни, пока против адатов не начал активно бороться имам Гамзат-бек¹.

В целом же в Цахурском (Елисуйском) султанстве сформировалась система управления, соответствовавшая сложившимся в нем общественно-экономическим отношениям.

В XIX в. в нем социальное расслоение общества зашло довольно далеко. XIX в. для елисуйских султанов был довольно сложным, поскольку султан Ахмед-хан добивался от российских властей содействия в прекращении набегов джарцев на его владения². Известный елисуйский султан Даниель-бек 9 марта 1832 г. жаловался на свою бедность, на отсутствие у него доходов на приличествующее его сану содержание, на непослушание джарцев³ и т.д.

* * *

Хозяйственная деятельность жителей Елисуйского султанства была соответствующей климатическим особенностям их территории. Основным занятием у них было овцеводство, поскольку их территория была богата отличными альпийскими пастбищами. Зимой овец гоняли в Алазанскую долину. Разводили они и крупный рогатый скот, который использовался не только как источник мясомолочных продуктов, но и как тягловая сила для обработки (пахоты) земли, а так же для перевозки тяжестей, грузов.

Земледелием они тоже занимались. Разводили ячмень, рожь, овес, бобовые культуры. Знали они и пар, и перелог, двухпольный севооборот, удобрение, орошение и др. технические приемы обработки земли⁴. Тем не менее цахурам своего хлеба не хватало. Его они приобретали обычно в Азербайджане в об-

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 174.

² Там же.

³ Там же. С. 81.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же. С. 51.

¹ Там же. С. 176; Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 54-55.

² АКАК. Тифлис. 1873. Т. V. С. 573-574.

³ Там же. Т. VIII. С. 498-499.

⁴ Османов М.-З. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. Махачкала, 1996. С. 148.

мен на продукты животноводства и изделия своих домашних промыслов (вязаные платки, джурабки, сукна, ковры)¹.

Пахотные земли к концу XVIII – началу XIX в. фактически уже были в частной собственности. Лишь зимние и летние пастбища оставались в общинном пользовании².

* * *

Торгово-экономические связи цахуров были обширны. Они с торговыми целями посещали базары Ахтов, Кумуха, Хучни, Кубы, Дербента и т.д. Они имели, к тому же, выход и на трассу, шедшую вдоль р. Самура до его верховий, а оттуда в Кумух – Чох³ и т.д.

В целом внешняя политика елисуйских правителей с начала XIX в. до 1830 г. была сориентирована на установление экономических связей с Россией, хотя и в этот период имели место столкновения цахуров и джарцев с российскими властями и попытки заключения мира (в январе 1807 г., например, елисуйский султан Ахмед-хан сам с 13-летним сыном прибыл в Тифлис для выражения покорности царю, а также для устройства на учебу своего сына в Благородное училище)⁴.

Все это вместе взятое свидетельствует о постепенном возрастании политической роли Елисуйского султанства в Южном Дагестане и на Кавказе в целом в конце XVIII – начале XIX в.

* * *

Такова в целом краткая характеристика феодальных владений, функционировавших в Дагестане в XVIII – начале XIX века.

instituteofhistory.ru

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 178.

² Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 73.

³ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки... С. 118-119.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 182-184.

ЧАСТЬ II

Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII- начале XIX в. (экономический аспект)

§ 1. Взаимоотношения феодальных владений Северного и Среднего Дагестана в XVIII- начале XIX в.

а) Экономические связи кумыкских феодальных владений с феодальными владениями и обществами Нагорного Дагестана.

Территория, населенная кумыками в изучаемый период, состояла как бы из двух частей. Северная часть ее была известна как Засулакская Кумыкия. Остальную часть Кумыкии охватывало Тарковское шамхальство.

Как сказано в первой части данной работы, в Засулакской Кумыкии или Засулакии располагались три феодальных владения – Эндирейское, Аксайское и Костековское. Последние два владения отпочковались от Эндирейского княжества еще в XVII в., стали фактически самостоятельными. Тем не менее, они не порывали ни политических, ни экономических связей с Эндирейским княжеством, продолжавшим лидерствовать в этом регионе Дагестана, оказывать заметное влияние на ход всех политических и экономических взаимосвязей между Аксаевским и Костековским владениями.

Лидерство Эндирейского княжества заметно проявлялось и в торгово-экономических контактах с феодальными владениями Дагестана.

Поэтому здесь акцентируется внимание в первую очередь на показе его экономических контактов с феодальными владениями Нагорного Дагестана – с Аварским и Мехтулинским ханствами.

Переходя к характеристике собственно этих отношений, необходимо отметить, что жители Эндирейского владения имели возможность выставлять в торговый обмен с горскими обществами продукты сельского хозяйства и предметы вооружения, а также изделия домашних промыслов. В подтверждение этого можно сослаться на сведения И.-Г.Гербера от 1728 г., о том, что жители Эндирейского владения «имеют пашен и ско-

тину, а притом всегда воровством питались, токмо оное ныне им запрещено и принуждены своими домашними промыслами жить. Употребляют оружие огненное и луков, и у всех добрые сабли»¹. Это же оружие они могли выставить при необходимости на продажу. Выставляли они еще и лошадей, которых разводили в большом количестве, а иногда угоняли у соседних народов.²

О широте торгово-экономических связей Эндирейского владения писал в 1804 г. бывший комендант Кизляра А.И.Ахвердов, что «деревня сия есть всему кавказскому народу воротами, ведущими на плоскость, в которую из всех мест лезгинцы, в Кавказе внутри живущие, чеченцы и прочие народы достатых ими в плен разных родов людей приводят на продажу, которых большею частью покупают у горцев и чеченцев сами андреевские жители, продают в Кизляр с хорошими выгодами для употребления в садах виноградных...». По его же словам «настоящая же прибыль андреевцев» состояла в хлебопашестве, скотоводстве и возке на продажу в Кизляр дров, кольев для садов виноградных, строевого лесу».³

Согласно имеющимся данным в Эндирее функционировала ярмарка, главная «в сей стране», куда свозили, помимо прочих товаров, захваченных в крае пленных на продажу.⁴

Экономически достаточно прочным было положение и Аксая, где климатические условия были хорошими, вызревал виноград в садах, а в окружающих лесах было множество фруктовых деревьев, разводилось аксаевцами и сорочинское пшено (рис. – авт.); у них имелись и тучные пастбища.

Такое же явление имело место и в Костеке. Именно это обстоятельство позволило С.Броневскому писать, что «андреевские кумыки, равно как и прочих округов жители (имеются в виду костековские и аксайские жители – авт.), не меньшую по-

лучали прибыль от сельского хозяйства и от продажи своих произведений в Кизляре».¹

Большим подспорьем для жителей Костека, по словам С.Броневского, служило рыболовство на р. Койсу, протекавшей недалеко от Костека. Этот автор отмечал, что «река Койса изобилует рыбою; в оной ловятся осетры, севрюги, лососи, карпы, шерех и прочие, в том числе попадают шамая или кизлярская сельдь. Несмотря на то, что устье сей реки, принадлежащее шамхалу тарковскому, запирается учугами от рыбопромышленников, платящих за них откуп, андреевские и костековские владельцы равномерно отдают рыбные ловли свои, по выше на сей же реке лежащие, армянам и российским промышленникам на откуп и по временам получают от, того изрядный доход. Рыбу, назначаемую в прок, распластав на двое, солят и правяливают на солнце, потом употребляют оную в продажу или для собственного продовольствия».²

Экономические связи засулакских кумыкских владельцев приносили им значительную прибыль, в первую очередь, от сдачи в аренду горским жителям Дагестана зимних пастбищ. С.Броневский отметил и эту сторону вопроса: «доходы князей состоят в продаже пленников, в небольших податях, получаемых от оседлых крестьян деньгами и съестными припасами; в пошлинах, платимых за паству (пастьбу – авт.) скота как подвластными им ногайцами, так и соседственными им лезгинами (речь идет здесь, видимо, о дагестанцах – горцах – авт.), которые сгоняют свои овечьи стада на равнины в зимние месяцы, пока горы не обнажатся от снега».³

Этот же автор писал, что в Аксаевском владении «долины представлены для паствы скота» селений, расположенных в горах, что «пастбищных мест в сем владении весьма достаточно, равно как и земель, удобных к хлебопашеству».⁴

Здесь же необходимо отметить справедливые выводы Е.И.Иноземцевой о том, что «в изучаемое время (речь идет о XVIII в. – авт.) Аксай и Аксайское владение приобретают все большее экономическое значение в русско-дагестанских отно-

¹ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. // ИГЭД. С. 69

² Там же. С. 70

³ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 213.

⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М.: Типография С.Селивановского. 1823. С. 186.

¹ Там же. С. 200.

² Там же. С. 202.

³ Там же. С. 203.

⁴ Там же. С. 189-190.

шениях, становясь одним из узловых пунктов этих взаимоотношений». ¹ Этот вывод можно отнести и к характеристике роли Аксая и Аксайского владения во взаимоотношениях с горскими обществами, а также с феодальными владениями нагорной части Дагестана в XVIII-нач. XIX в.

По ее же исследованию «в Костековском владении разводили хлопок, рис, разводили и добывали марену, достаточно много выращивали хлеба и все это поставлялось на рынок крепости Святого Креста, позже – в Кизляр. Закупали же там металлы, русские и европейские ткани, чай, сахар и т.п. Через Костек проходила дорога из Кизляра в Тарки. Естественно, Костек в торговом отношении уступал Эндирею и Аксаю, но, судя по архивным документам, играл немаловажную роль в осуществлении русско-дагестанских торгово-экономических контактов. Здесь также имелись лавки кизлярских армян, комиссионеры крупных российских предпринимателей скупали марену, хлопок, поставляли «потребные вещи в Костек».²

Значение Тарков, Эндирея и Аксая в торгово-экономических отношениях заключалось в том, что Нагорный Дагестан вступал в торговые отношения с Россией по сравнению с низменной частью в меньшей степени и через посредство их. Эти торгово-экономические центры в первой половине XVIII в. оказывали огромное влияние на развитие внутренней и внешней торговли Дагестана.³

В 1961 г. С.Ш.Гаджиева, характеризуя политическую ситуацию в равнинном Дагестане в XVIII в., писала, что «самым значительным феодальным образованием во всем Дагестане продолжало оставаться Тарковское шамхальство. Тарковский шамхал считался по-прежнему старшим среди кумыкских князей, «общим правителем их». Он избирался на собраниях «лучших людей» из числа членов шамхальского дома».¹ По сообщению же участника персидской экспедиции российских войск 1796 г. Д.И.Тихонова коронация нового правителя происходила на четырехугольном камне, а по окончании этой

процедуры, шамхал одаривал ее участников по своему усмотрению и только после этого он считался избранным шамхалом «от всех народов».¹ При этом Д.И.Тихонов подчеркнул главную роль акушинцев в коронации шамхала. Он писал, что «во время избрания или провозглашения нового преемника шамхальского достоинства акушинцы посылают несколько чиновников в Тарки, и по приезде их сажают его на камень четырехугольный, и по окончании сей церемонии шамхал, вставши, дарит их по его рассмотрению, и в то время уже признан будет от всех народов шамхалом».²

Это являлось свидетельством существования еще до XVIII в. политических и экономических контактов между горскими обществами акушинцев и цудахарцев, нужда которых состояла всегда в том, что в силу расположения их жилищ в горах, «где в зимнее время свои стада со скотом продержат никак не могут по причине малости подножного корму, а еще и стужи, а потому необходимо принуждены нанимать на зимнее время завсегда в шамхаловом владении лежащие на плоскости кутаны, и по той самой причине его уважают».³ Союз с акушинцами был выгоден и самому шамхалу, так как они приносили ему еще солидную прибыль в качестве арендной платы за пользование зимними пастбищами, находившимися на подвластной ему территории плоскостного Дагестана.

По мнению С.Ш.Гаджиевой, значительное место в доходах феодальных владетелей занимали пошлины (гюмрюк) с провозимых через их территорию товаров. Так, при провозе товара с Кумыкской плоскости в Дербент или в нагорную часть Дагестана его трижды или четырежды облагали пошлиной, которая составляла значительную часть доходов и феодальных владетелей. Именно за счет податей с подвластных, царского жалованья и пошлинных сборов ежегодные доходы тарковского шамхала достигали в конце XVIII в. до 80000 рублей.⁴

Кумыкские князья сдавали свои зимние пастбища для пастбы овец гумбетовцам, койсубулинцам и даже акушинцам за

¹ Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2001. С. 99

² Там же. С. 99-100; ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1146. Л. 1,2

³ Там же. С. 102

⁴ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М.: Изд-во АН СССР. 1961. С. 51.

¹ Там же.

² Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 131.

³ Там же.

⁴ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М.: Наука, 1961. С. 51-52.

высокую арендную плату; им принадлежали также и пастбищные горы, которые тоже сдавались в аренду; за каждую такую гору владелец получал не менее 50 баранов и 12 кусков сыра весом в 12 фунтов каждый.¹

Шамхал тарковский в начале XIX в. получал торговые пошлины: с каждой повозки, нагруженной товарами, по 2 руб. 60 коп., с одной повозки фруктов – по 1 руб. 30 коп., с 1 пуда краски марены – по 2 руб. 50 коп., с пуда канцелярного семени – по 5 руб., с лошади – по 50 коп., с 10 голов овец или рогатого скота – по одной голове, с 10 рыб – одну, с каждого всадника или пешего – 1 руб.

Шамхалы до ликвидации в Дагестане ханств имели политическую власть, военную силу в виде дружин нукеров и право суда. Они могли силой заставить зависимых крестьян и отбывать натуральные и денежные повинности.²

Не исключено, что это акушинско-цудахарские экономические контакты с плоскостной частью шамхальства возникли еще в XV-XVII вв., когда Акуша-Дарго составляло как бы автономную часть Казикумухского шамхальства, в которую входили и лакцы, и кумыки, и верхнедаргинцы, как обычно в исторической литературе называют жителей Акуша-Дарго. В XVIII веке это была уже традиция и выборы (коронация) нового шамхала как бы подтверждали общность экономических (и не только экономических) интересов шамхалов и верхнедаргинских союзов сельских обществ, вносящих свою значительную лепту в ежегодные доходы шамхала, достигавшие 80000 рублей.³

Кумыки, проживавшие в приморском Дагестане, занимались не только земледелием, но и животноводством, которое было отгонным. Как отмечено С.Ш.Гаджиевой, «кумыки засулакские и шамхальства Тарковского занимались животноводством, которое у них было отгонным. Перегон скота в известной мере влиял на общность экономических интересов дагестанцев, на их культурно-исторические связи. Жители нагорной части Дагестана: аварцы, даргинцы, лакцы и др. арендовали у кумы-

ков зимние пастбища на равнине. Кумыки же пользовались богатейшими летними пастбищами в горах на тех же арендных условиях. В отличие от своих соседей, кумыки в основном перегоняли в горы мелкий рогатый скот и лошадей, а крупный оставляли на равнине ... Начало перегона торжественно отмечалось богатым угощением».¹

Кумыки имели тесные связи и с сельскими обществами горного Дагестана. По сведениям А.М. Буцковского, кумыки, не исключая и засулакских кумыков, «с вольными лезгинскими обществами Андии и Ботлух (цитируемый автор, видимо, не знал, что андийцы и ботлихцы составляли не «лезгинские», а аваро-язычные группы населения – авт.) на северной стороне Кавказа в снежных горах обитающими, в добром сношении и торг» имели.²

Наиболее тесные связи с засулакскими кумыками в изучаемый период имели жители Салатавии. А.М.Буцковский оставил ценные сведения и по этому вопросу. Он салатавцев назвал, как и других дагестанцев, «лезгинами», отметил, что они были расселены по левому берегу Койсу в горах до высокого гранитового кряжа оных». По его словам, «они до прибытия кумыков в настоящую Кумыкскую область уже на сих местах сидели, но пытаясь большею частью овечьими стадами, кои зимою в горах не находят пастбы, и будучи кумыками как заперты, сии причины уповательно принудили их по завоевании кумыками понизовьев покориться сим последним, так что ныне андреевские (эндиреевские – авт.) и костюковские (костековские – авт.) князья, коим они подвластны, и земли их своими почитают».³ Далее он отметил, что салатавцы «сим (кумыкским – авт.) князьям платят дань баранами и хлебом и обязаны по вызову сопровождать оных в воинственных походах и всегдашней быть готовности к посылкам, платя сверх того за земли малую часть деньгами... Главное их имущество состоит в овечьих стадах, кои на зиму отгоняют в понизовья кумыков, и в садах, производящих отменный род винограда и фруктов».⁴

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 71.

² Буцковский А.М. Выдержки из «Описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г.». // ИГЭД. С. 240.

³ Там же. С. 243.

⁴ Там же.

¹ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 201.

² Там же. С. 208-210.

³ Тихонов Д.И. Указ соч. // ИГЭД. С. 135.

Далее А.М.Буцковский подчеркнул, что «по недостатку способных к тому земель сеют малою частью только ячмень и пшеницы, покупая в случае недостатка хлеб у кумыков». Еще более ценно для раскрытия темы данного исследования сообщение А.М.Буцковского: «Конские табуны имеют также разных пород, косяками только». ¹ Это является свидетельством многоотраслевости хозяйства и развитости коневодства у салатавцев, которые «рогатого скота в сравнении с прочими мало имели, а «тягости все» возили «на ишаках, коих у них великое множество». Они же занимались выделыванием бурок, ковров, которые и возили на «Андреевский базар». ²

В экономических связях с засулакскими кумыками активное участие принимали и кочевавшие в затеречных землях и в приморской части северо-восточного Дагестана ногайцы. Их было более 500 кибиток, подчинявшихся аксаевским владетелям, и до 600 кибиток, подчинявшихся аксаевским и костековским правителям. Они разводили овечьи стада и конские табуны. Более зажиточными были ногайцы, кочевавшие на землях эндирейских князей у устьев рек Аксай, Ямансу и Казьма. ³

По сведениям А.М.Буцковского, «почва земли владения Кумыцкого» относилась «к плодороднейшим на северном скате Кавказа, а климат теплее прочих областей». У них, в отличие от других частей этой географической зоны, созревали виноград и другие фрукты. Зерна тоже у них было достаточно. Они сеяли пшеницу, просо, которые орошались – поливались посредством малых канавок. Сеяли эндирейские жители и ячмень, хотя не в таком количестве, как пшеницу. ⁴

«Волость Костюковская» - Костековское владение отличалось тем, что его жители «с великим успехом» разводили и «сарачинское пшено», т.е. рис.

Жители Засулакской Кумыкии разводили и сады, которые, по словам А.М.Буцковского, «дохода никакого» не давали. Это значило, что садоводство у них было рассчитано на личное потребление, а не на продажу фруктов». Цитируемый автор подчеркнул, что «всякого рода скотом кумыки богаты и богаче

чеченцев», что конских табунов у них было шесть и в каждом табуне насчитывалось до 600 лошадей. Лучшие из них принадлежали князю Чепалову и аксайскому «князю Гаспулату». ¹

Коневодство и торговля конями были хорошо развиты в этой зоне Дагестана. Такой вывод вытекает из сообщения того же А.М.Буцковского о том, что «собственно для себя кумыки достаточно имеют лошадей, но для подвластных им народов пригоняются из Кабарды. Прежде всего продавали они не малое число лошадей русским».

Что же касается связей засулакских кумыков с горной частью Дагестана, наличие их в конце XVIII-начале XIX в. подтверждается сообщением А.М.Буцковского о том, что они «овечьи стада свои отгоняют на лето в горы». ²

По словам этого же автора, кумыки, любившие «праздность и воинственные занятия», не занимались торговлей, которая вся находилась в руках армян. Женщины же кумычки производили с успехом весьма хорошие ковры, бурметы, одноцветные хлопчатобумажные материи. Однако «шелк и «бумага хлопчатая в малом количестве» привозились у них всегда.

Имели засулакские кумыки тесные экономические связи не только с горскими обществами Дагестана, но и с жителями Тарковского шамхальства. В частности, из шамхальства они получали соль – «из шамхальского владения соленого озера Турали, меняя оную на просо и хлеб». ³

Несомненно среди кумыкских владений одну из главных ролей торгово-экономического центра играл аул Тарки. В нем проживало «до 10000 душ». Жители Тарков занимались хлебопашеством и скотоводством, сеяли просо, ячмень, пшеницу и «сарачинское пшено» (рис. – авт.). Они вели и обширную «торговлю с Кизляром, Дербентом, Засулакскими кумыками и соседними горцами, а многие» занимались производством оружейных изделий. ⁴

По словам источника начала XIX в. доход шамхалу приносили обширные пастбищные места, отдаваемые им» на откуп

¹ Там же. С. 243.

² Там же.

³ Буцковский А.М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 244.

⁴ Там же.

¹ Там же.

² Там же. С. 245.

³ Там же.

⁴ Ковалевский М.К. и Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 307.

разным горцам, также поголовный сбор подати и платы за провоз товаров.¹ Эти сведения позволяют говорить о широких экономических связях Тарковского шамхальства с обществами Нагорного Дагестана.

Источники конца XVIII в. свидетельствуют по этому поводу, что «доходу годового» шамхал тарковский имел, кроме жалованья, высочайше ему положенного, от пошлин, скотских кутанов, владения и с провозимых чрез оное товаров и прочего, равно с деревень, ему в Шемахинской, Кубинской и Бакинской провинциях подаренных, на 30000 рублей серебром российской монетою».²

б) Торговые пути из Засулакки в горную часть Дагестана.

Традиционные экономические связи засулакские кумыки имели и с Аварским ханством, с Салатавией. Эти связи поддерживались по известной еще в эпоху раннего феодализма торговой трассе, имевшей большое экономическое значение для горцев, сведения о которой собраны были в 1828 г. прапорщиком царской армии Хрисанфом, командированным царскими властями в Аварию. Хрисанф начал свой путь из Эндирея. Он писал, что «из города Андреева отправились мы на верховых лошадях, по неимению дорог для поездок, августа 7 числа пополудни во 2 часу и ночевали, отъехав верст 20, на равнине Салатовской горы, принадлежащей кумыкскому князю поруч. Чапану». По словам Хрисанфа, «по выезде из Андреева приметно возвышалось местоположение, и верстах в 15 от оно-го показался сосновый лес. На другой день, то есть 8 числа через салатавские деревни Хубар, расположенную на равнине, и Кертмели, на скате горы, прибыли мы в гор. Чиркей, от ночлега в 30 вер...».³ Далее интересно его утверждение о том, что «через речку Аксу, протекающую Чиркей, имеется каменный мост об одном своде».⁴ Явно речь должна вестись здесь о реке Койсу

(Сулак), на берегу которого и расположен аул Чиркей. Аксу же – эта, видимо, река Акташ или ближе по звучанию – Аксай.

Чтобы не повторяться, доведем описание этого торгового пути (трассы) до конца. 10 августа Хрисанф с провожатыми «из Чиркая» и такового ж города Тзубута (Зубутли – авт.) отправились вверх по речке Койсу в город Джиркат (Чирката – авт.), отстоящий от Чиркея верстах в 30. По выезде из Чиркея дорога оказалась трудной для лошадей, так как была покрыта мелко изломленными осколками «плитного камня». Такое явление имело место где-то на расстоянии 3 верст. Пришлось Хрисанфу и его спутникам через верст 20 преодолеть и крутой спуск, который после прошедшего до их подхода к нему, проливного дождя, превратился в опасную и скользкую поверхность, - и по словам Хрисанфа, «спускаться было опасно».¹

Далее следовал еще один заметный спуск, но менее опасный, чем предыдущий. После этого спуска спутники «вошли в тесные две параллельные скалы», вершины которых были горизонтальны вершин последнего спуска и не более 2-х саж. в промежутке». Такой отрезок пути тянулся «в длину около версты». Чирката, по словам Хрисанфа, напоминал ему своим расположением амфитеатр.²

Далее Хрисанф со своими спутниками и присланными в Чиркату из Хунзаха ханом для их встречи провожатым «Магомет-беком с 10-ю конновооруженными аварцами» переправились через р. Койсу по деревянному мосту, проехали с версту по реке и «поднялись на гору, подобную Джиркальскому спуску», прошли «через деревню, весьма богатую садами» и подведомственную тарковскому шамхалу, как «и вышесказанный гор. Джиркат».

11 августа путники прибыли в дер. Бетлитль, верст около 30, изобилующую хлебом, бобами и скотоводством, а более баранами. 12 августа Хрисанф и его спутники прибыли «в землю Аварскую и чрез дер. Цартаных в 4 часу по полудни прибыли в главный город Хумзак» (Хунзах – авт.).³

По оценке Хрисанфа, дорога, по которой они добирались до Хунзаха, была самой трудной. Но была еще и более удобная

¹ Там же. С. 307-308.

² Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210-211.

³ Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 265.

⁴ Там же.

¹ Там же. С. 266.

² Там же.

³ Там же. С. 267.

дорога через «салатавскую деревню Буртуна, гор. Аргуна (Аргвани – авт.) и Ихали», не доезжая до которого, через Койсу имелся «деревянный мост, утвержденный к двум скалам».¹

Хрисанф же свидетельствует о том, что существовала еще удобнее дорога через «гор. Джангутай, дер. Аймеки (Аймаки – авт.), Хергевиль (Гергебиль – авт.) и Овотль». Эта дорога была до Аймаки трудной, а далее в Аварию гораздо лучше, только с той разницей, что чрез Койсу должно три раза переправляться», а мосты через «оние реки при наводнениях сносит».

Все это говорит о том, что Засулакская Кумыкия, на которой располагались Эндирейское, Аксайское и Костиковское владения, имела пути, связывавшие ее с внутренним горным Дагестаном, не говоря уже с соседней Салатавией.

Что касается связей Засулакской Кумыкии с Салатавским союзом сельских обществ, Хрисанф отметил, что: «Гостеприимство есть первая добродетель у салатавцев. Управляемы стариками своими, тяжбы решаются кадиями, и жестоко наказываются прелюбодеяние и воровство... При изобильном хлебопашестве они имеют скотоводство, и преимущественно большие стада овец, которых они в зимнее время отгоняют в Кумыкские степи; платят со 100 от 4 до 5 овец, такову ж плату получают они с тех, кои в летнее время у них имеют своих баранов. Возле города имеют фруктовые сады, а на горах, где имеют они в летнее время свои стада, растёт чрезвычайно хорошая трава».³

Из этих сведений, приведенных из работы Хрисанфа, следует, что салатавцы и засулакские кумыки были тесно связаны экономически и эти их взаимосвязи были взаимовыгодны: салатавцы арендовали в Засулакии зимние пастбища, а засулакские жители арендовали у салатавцев летние пастбища.

И здесь интересно наблюдение Х.-М.Хашаева и Ш.М.Мансурова о том, что овцеводство у салатавцев было отгонным, что весной и летом они скот пасли на альпийских пастбищах Салатавских гор, а осенью его перегоняли на зимние

пастбища Терско-Сулакской низменности».¹ Отдельные салатавские села, как например Чиркей, пасли свои отары овец во владении шамхала Тарковского.²

При этом, как отмечено Ш.М.Мансуровым, арендовавшие зимние пастбища на случай холодной зимы, салатавцы вынуждены бывали создавать запас кормов на случай сильных морозов, строить кошары и т.д. это было связано с большими затратами. Поэтому мелкие скотоводы объединяли своих овец в «кош», т.е. в одну отару и распределяли все расходы пропорционально количеству овец. Владельцы же зимних пастбищ получали довольно большие доходы.³

Засулакские кумыки имели торгово-экономические связи и с Аварским ханством. И здесь необходимо отметить противоречивые сведения Хрисанфа утверждения командира Моздокского донского казачьего войска Ф.И.Скалона, который в свое время был командирован начальством для проверки достоверности сведений Хрисанфа об Аварии. Ф.И.Скалон писал, что в Аварии грунт земли вообще каменистый, требуется много труда для обрабатывания земли к посеву хлеба, коего недостает на прокормление самих жителей, не только на продажу».⁴ По его же словам, «при следовании в Аварию и обратно «они встречали навьюченных ослов» с покупным хлебом из Мехтулинского владения и земли, подвластной шамхалу», также и с солью, «коей вовсе нет в Аварии..., садов фруктовых и виноградников почти нет или очень мало. Рогатого скота едва ли у двадцатого есть по одному быку или корове, овец у первого богача не более 5-ти – 10-ти, лошади очень редки».⁵

Ф.П.Скалон такими утверждениями явно принижал экономические возможности Аварского ханства, чтобы показать

¹ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР. 1961. С. 89; Мансуров Ш.М. Салатавия (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII-первой половине XIX в.). Махачкала, 1995. С. 51.

² Мансуров Ш.М. Указ. соч. С. 51.

³ Рассказ кумыка о кумыках // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 215. Л. 30.

⁴ Скалон Ф.И. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. С. 277.

⁵ Там же.

¹ Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 269.

² Там же.

³ Там же. С. 265.

бесперспективность для других областей Дагестана всяких контактов с Аварией.

Местные владетели и народы Дагестана намного лучше, чем Ф.П.Скалон, знали экономические возможности Аварского ханства, которое обладало значительным количеством летних горных пастбищ, сдача в аренду которых жителям плоскостных сел Дагестана приносила хану большие доходы.

Имеются сведения XIX в., отражающие традиционно сложившиеся торгово-экономические связи между шамхальством Тарковским и Аварским ханством.

Анонимный автор 20-30-х годов XIX в. писал о шамхале тарковском, что «его доходы заключаются в рыбных промыслах, в пошлинах с товаров, вывозимых из его владений, в продаже озерной соли и в пастбищах, которые нанимают у него соседственные горцы». ¹ Обратим внимание на слова этого автора о том, что «последние две статьи, обогащая шамхала, доставляют ему власть и влияние над аварцами, кумыками и другими беспокойными народами». ² Эти сведения позволяют говорить о том, что Авария имела экономические контакты как с Засулакской, так и с Тарковским шамхальством.

Это же подкрепляется и сообщением от 1830 г. барона Р.Ф.Розена - начальника 21-й пехотной дивизии и левого фланга Кавказской линии с 1830 г., а с 1831 г. - начальника Джаро-Белоканского округа. Он писал, в частности, что у аварцев было «хлебопашество весьма скудно и недостаточное для прокормления своего», что «Мехтулинская провинция и акушинцы снабжают их малою частью такового». ³

Но в плане данного исследования важнее указание барона Р.Ф.Розена на то, что у тех же аварцев «овцеводство изрядное», хотя и «хуже окружающих народов», поскольку аварцы зимою были «принуждены содержать» овец «в отдаленности от своих домов на землях шамхала тарковского или же у других владельцев, не имея пастбищных у себя мест». ⁴

¹ Неизвестный автор. Описание Дагестана. Конец 20-х или начало 80-х годов // ИГЭД. С. 279.

² Там же.

³ Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 291.

⁴ Там же.

Еще в 1967 г. в «Истории Дагестана» было отмечено, что «Население Северного и Центрального Дагестана на зиму перегоняло скот на пастбища Засулакской Кумыкии, шамхальства и в равнинную часть уцмийства Кайтагского». ¹

Значительно пополняют наши сведения об экономических связях засулакских кумыков с горной частью Дагестана, в частности с гумбетовцами, ботлихцами, калалалцами, андийцами и Аварским ханством данные из указанного труда Р.Ф.Розена. ² Особенно это можно отнести к его сведениям о дорогах - путях в Аварию из Засулакской Кумыкии и из Тарковского шамхальства.

Р.Ф.Розен писал, что известны «пути в Аварию: 1) от Андрея (от Эндери - авт.) чрез ауховскую деревню Акташ-аул, ичкеринские: Асанбекет, Зандак и Старый Зандак; до места сего дорога удобна для артиллерии и легкого обоза; от Старого Зандака до Гердегель и от сей деревни до Баяна чрез андийские деревни Реконе - Зелию, Муны - Ортополь, Тлох; между сими последними мост чрез реку Койсу; путь по скалам удобен в иных местах и для артиллерии, но более совершенно непроходим, кроме пешему. От Тлоха до Санок чрезвычайно путь дурен и с трудом проходим пешему, далее дорога делается удобнее чрез деревни Ахальчи, Обода и до Хунзаха; 2) от Андрея (Эндирея - авт.) чрез салатавские деревни Дылым и Буртуна, гумбетовские Данух, Аргуна, аварские: Игали, Танус до Хунзаха; дорога сия, хотя тоже возможна только пешему и с трудом для верхового, предпочитается лучшею и ближайшею жителями; у деревни Игали чрез Койсу мост». ³

По сведениям Р.Ф.Розена, в Аварию дорога шла и через «Кергеваль» (Гергевиль - авт.). И она была труднопроходимой и невозможной «для тяжестей». По его же словам, имелась в Аварию дорога «от Акуша чрез Цудахар». Но жители якобы скрывали ее существование от царских чиновников, поскольку она была, по их словам, «одна из удобнейших» и по ней могли следовать артиллерия с обозом. ⁴

¹ История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 311.

² Розен Р.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 290-291.

³ Там же. С. 292.

⁴ Там же.

в) Роль Мехтулинского ханства в экономических связях плоскостных сел с горскими обществами Дагестана

Интересные в плане нашего исследования сведения, в частности по вопросу связи аварских обществ с плоскостной частью Дагестана – Тарковским шамхальством – содержит небольшая работа А.П.Щербачева, относящаяся к 1830 г. В ней дано описание Мехтулинского ханства, состоявшего «из 12 главных деревень»: Большой и Малый Дженгутай, Дургели, Шура, Апчих, Охли, Аймаки, Джооли, Урма, Кулецмо, Ахкент и Дуранга». По сообщению А.П.Щербачева жители этого ханства имели «торг с соседственными горцами хлебом и солью, которую получали в Тарковском шамхальстве. Сами же они табак и фрукты для продажи вывозили в Эндирей и даже на р.Терек, т.е. в Кизляр. Табак у них рос в изобилии».¹

Мехтулинцы имели тесные связи как с жителями Аварского ханства, так и с жителями Тарковского шамхальства. По словам А.П.Щербачева мехтулинцы по торговым вопросам имели «связи почти со всеми соседственными народами. Соль и зерно они получали от жителей Тарковского шамхальства и доставляли их к горцам, которым продавали с прибылью для себя. «К кумыкам и на Терек они пригоняли отары овец и возили фрукты на продажу».²

Торговые связи их осуществлялись по хорошим дорогам, шедшим из Дженгутая к Дербенту, Таркам и «Андреево» (Эндирей – авт.). В Аварское ханство от них дорога шла через Аймаки. Она представляла собою труднопроходимую тропу. Более удобной была дорога через Ахкент, Охли и Кулецма к Гергебилу. По ней могли проходить даже арбы.³

* * *

Мехтулинское ханство, располагавшееся в Среднем Дагестане играло заметную роль в экономических взаимосвязях феодальных владений рассматриваемой части Дагестана. Согласно мнению Р.М.Умаханова, мехтулинцы, помимо земледелия,

¹ Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, Койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 293-294

² Там же

³ Там же. С.295

животноводства и садоводства, занимались и домашними промыслами, часть изделий которых они продавали жителям приехавшим в Мехтулу даргинских и аварских сел. Особо важную роль в экономике мехтулинцев играла их посредническая торговля: жителей аварских сел они снабжали зерном и солью, приобретенными у кумыков. В Нижнем Дженгутае по четвергам собирался базар регионального значения. На нем горцы приобретали зерно в обмен на мясомолочные продукты и изделия своих ремесел. В Кулецма базар собирался по средам. Сами мехтулинцы ездили с зерном в Казикумух, Цудахар; за соль, которую перепродавали западным аварцам, они добывались до оз.Турали. Тесные торговые связи они имели с Карабудахкентом (покупали там строительный лес), Губденом, андийцами, балхарцами.¹

Особенно тесные связи жители Мехтулинского ханства имели с Аварским ханством, Тарковским шамхальством, Кайтагским уцмийством.²

Главные села этих феодальных владений Дагестана являлись крупными торгово-экономическими центрами, в которых еженедельно собирались базары-ярмарки. Известными торговыми центрами Дагестана являлись в исследуемый период Дербент, Тарки, Кумух, Казанише, Цудахар, Эндирей, Аксай³, с которыми мехтулинцы имели тесные торгово-экономические связи, помогавшие им решать многие экономического плана вопросы.

А.П.Щербачев в свое время обратил внимание на то, что из мехтулинского аула Аймаки в Аварию вела тропинка по скалам, трудная для прохождения, что лучше была дорога через Ахкент, Охли и Кулецма к Гергебилу, по которой могли проезжать арбы.¹

¹ Умаханов Р.М. Мехтулинское ханство в XVIII- начале XIX в.: социально-экономическое развитие и политическое положение. Автореф.дисс.канд.ист.наук Махачкала, 2001. С. 12-13

² Там же. С. 21

³ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. I. С. 291-292

¹ Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, Койсубулинских владений и ханства Аварского Около 1830 г. // ИГЭД. С. 295.

Следует особо остановиться и на роли койсубулинцев, которые, по сведениям А.П.Щербачева, проживали в 36 деревнях.² У них хлеба росли в небольшом количестве, а сеяли они ячмень, овес, пшеницу, кукурузу. Фрукты у них также росли самые разные, в том числе хорошие персики.³ Поэтому они и торговали «более одними только фруктами» и виноградом, который чаще у них скупали армяне, производившие из него вино и увозившие его для продажи.⁴

«Койсубулинцы, нуждаясь вообще в хлебе и соли», как отмечено А.П.Щербачевым, выменивали их на фрукты у мехтулинских жителей, а также у кумыков Тарковского шамхальства.⁵ Имели они тесные связи и с другими соседними народами, в частности с аварцами.

Торгово-экономическим их связям с плоскостной и горной частями Дагестана способствовали и достаточно развитые пути сообщения. Дороги были не из самых легких для проезда и прохождения, но они все же связывали мехтулинцев с разными аулами Дагестана.

А.П.Щербачев указывал следующие пути, связывающие мехтулинцев с другими народами: 1) от них через аул Могох шла в Аварское ханство «излучистая по скалам тропинка. Известна была и более лучшая, хотя и с трудом проходимая арбой дорога «вверх по р.Койсу через Чалду»; 2) В Аймаки шла узкая скалистая тропинка по ущелью; 3) В Дженгутай шла «довольно изрядная арбенная дорога», обходя Аймакинское ущелье; 4) Через Акушу в Параул можно было ехать по правой стороне р. Койсу до Хаджал-махи, потом шел крутой подъем на гору и далее шла «довольно порядочная дорога до д. Урма – Джооли, оттуда через д. Урму на Кака-Шуру и в Параул; 5) В Акуша шла дорога из Леваша, а потом через Хаджал-махи вверх по р. Койсу. Эта дорога была «менее трудной арбенной».

А.П.Щербачев писал о существовании из Мехтулы в Казикумух дороги по р. Койсу, но не указал конкретно ее трассу.

Можно только полагать, что она проходила через Цудахарское ущелье.¹

Этот пробел в какой-то мере восполнил Ф.И.Гене, посетивший Дагестан в 1835/1836 гг. и отметивший, что «Казикумухской Койсу продолжает бег свой по направлению к северу, мимо селений Казикумух, Цудахар до Хаджал-махи... От Шаукралю до Гергебиля он течет по глубокому утесистому ущелью, во многих местах под нависнувшими скалами, кои до того стесняют ущелье, что жители через оное перекидывают над глубокими пропастями от 4 до 6 сажней деревянные мостики. Кроме упомянутого каменного моста (у с. Шаукралю – авт.), на сем рукаве находятся еще замечательные, с давнего времен построенные два каменных моста. Один в двух верстах ниже селения Цудахара на пяти арках, а другой у селения Хаджал-махи на одной арке. Первый из них имеет достаточно ширины для следования колесных тяжестей, а другой устроен только для одних конных».²

Есть у него описание и дороги «от селения Калусман» (Кулецма – авт.) до Леваша, игравшей важную роль в экономических контактах Лакии с плоскостной частью Дагестана. Эта дорога шла вдоль р. Койсу до Казикумуха, откуда до Цудахара 16 верст неудобной дороги, которая переходила на правый берег Койсу по худому деревянному мосту. От Цудахара до Акуша 25 верст, а в 2-х верстах от Цудахара переходила на левый берег Койсу через каменный мост на 5 арках, а потом через версту переходила до Леваша. Ф.И.Гене насчитал 20 верст, а оттуда до Темир-Хан-Шуры 34 версты «не затруднительного» пути.³

Подробности об этническом составе, основных занятиях, отбывавшихся в пользу ханов и беков повинностях, налогах социальной структуре мехтулинцев содержит и известная работа Х.-М.Хашаева.⁴

¹ Щербачев А.П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 296.

² Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане. 1835/1836 г. // ИГЭД. С. 340-341.

³ Там же. С. 349.

⁴ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 216-220.

² Там же

³ Там же. С. 296

⁴ Там же.

⁵ Там же

г) Дороги, связывавшие Аварию с Мехтулой и шамхальством Тарковским.

А.П.Щербачев обратил внимание и на связи жителей Аварского ханства с жителями сел других политических образований Нагорного Дагестана. В частности, он писал, что жители Аварского ханства «хлеб и соль, получаемые из ханства Мехтулинского, выменивают на фрукты, звериные шкурки, а иные (но весьма редкие) и на баранов».¹

По его весьма лаконичным сведениям пути сообщения, связывавшие Аварское ханство с внешним миром, были такие: «Из Хунзаха идут дороги: 1) в Тифлис через снеговые горы и белоканских лезгин (всего 5 дней езды); 2) в крепость Грозную через Андию и Чечню; 3) в Андреево (Эндери – авт.) на д. Чиркей». По его словам все эти дороги были выючные, а в Казикумух, Акушу и Дженгутай дорога шла через аул Гергебиль.²

Сведения, собранные и опубликованные Х.-М.Хашаевым, показывают существование в Дагестане XVIII-XIX вв. густой сети разной степени важности и благоустроенности дорог (троп, тропинок, трасс и т.д.). По этим дорогам шли не только горцы и плоскостные жители Дагестана, занимавшиеся торговыми делами, но и отходники, шедшие на заработки. Нередко по этим дорогам в изучаемый период и позже шли в горы и царские солдаты.

Для Северного Дагестана важна была в начале XIX в. трасса по маршруту с. Эндери – Хубар – Зубутль – Чирката – Цатаних – Хунзах; Чирката – Аргвани – Нижний Буртунай – Хасавюрт; Гимри – Верхний и Нижний Каранай в Темир-Хан-Шуру; через Леваши – Джунгутай в Темир-Хан-Шуру; через Леваши – Дешлагар, Каякент в Дербент.

Подробное описание всех ответвлений путей, соединявших Аварию с соседними горскими народами и жителями плоскостных и предгорных сел Дагестана в XVIII-XIX вв. содержит работа Х.-М.Хашаева,³ не потерявшая своего научного значения и поныне, хотя она вышла еще в 1961 г. Из указанных

им путей особенно значительны и интересны в плане данной работы дороги, соединявшие горный Дагестан с равнинным и южным Дагестаном. Такую функцию выполняли старинные дороги, связывавшие горный Дагестан с Северным Кавказом и Закавказьем. Это дороги: через Ахты, Нуха до Баку; через Казикумух в Закаталы; через Бежта в Кахетию; через Анди в Харачой, в Терскую область; через Кумух, Хосрех, в Дербент. Дербент, Ахты, Нуха; Ахты – Куба – старая Шемаха – Баку.¹

По сведениям Х.-М.Хашаева, за пределы Дагестана – в Кизляр, Астрахань, Шемаху, Тифлис – дагестанцы вывозили сушеные фрукты, орехи, сукна, бурки, ковры и холодное оружие; в частности, в Грузию вывозили «в весьма большом количестве сукно, большей частью темных цветов, на одежду всех обитателей Грузии, шерстяные бурки в таком же количестве, оружие всякого рода в серебряной оправе с позолотой и без оной, попоны шерстяные для лошадей и покрывала для выюков, шкуры куньи и лисьи, воск и шелк – сырец».²

В Дагестан из соседних областей Кавказа поступали хлеб, рис, нефть, черные и цветные металлы, хлопчатобумажные и шерстяные ткани русского производства, оружие огнестрельное, а также предметы роскоши и пряности.³ Х.-М.Хашаев писал, что «о значительном развитии дагестанской торговли в начале XIX в. свидетельствуют данные о Дербенте. Здесь было 420 лавок, принадлежащих 80 торговцам, три караван-сарая», что хождение имели голландские червонцы, русские серебряные рубли, мелкие медные деньги и ассигнации, а также ширванские и кубинские абазы».⁴

Х.-М.О.Хашаев же опубликовал интересные сведения, свидетельствующие о тесных связях феодальных владений и союзов сельских обществ нагорной и равнинной частей Дагестана в конце XVIII-начале XIX в., о роли открывавшихся по Кавказской линии, в том числе и в Дагестане царскими властями меновых дворов. В частности, Амир-хаджи-юртовская таможенная застава находилась на территории Северного Кавказа, и дагестанские товары в Кизляр проходили через нее.

¹ Там же. С. 110.

² Там же. С. 115.

³ Там же.

⁴ Там же.

¹ Щербачев А.П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 298.

² Там же.

³ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 110-111.

По сведениям Х.-М.Хашаева, 7 ноября 1810 г. исполнявший должность пакгаузного инспектора дербентской таможенной заставы сообщал о прибытии из нагорного Дагестана товара на восьми выюках, о вывозе в Баку из Дербента 6 октября 1810 г. 40 пудов меди в ломе дербентским жителем Мешади Расулом, «трех мест разного товара в Кубу губденским жителем Анзаковым, о просьбе дербентского жителя разрешить ему вывоз товара в Кизляр.¹ Он же опубликовал архивные данные из ГАРД, извлеченные из книги записей дербентской таможенной заставы за 1813 г. Это сведения о вывозе из Дагестана большого количества бурок, овчин, шафрана, паласов, тулупов и других товаров, о том, что «жители гор не стояли в стороне происходившей на плоскости Дагестана торговли. К ним проникали купцы, и сами горцы выезжали с товаром на плоскость и за пределы Дагестана».²

Как бы в подтверждение своего такого мнения Х.-М.Хашаев сослался на письмо Умма-хана аварского от конца XVIII в., в котором сказано о том, что купцы – евреи, прибывшие в Аварию с товаром, были ограблены на территории Андалальского общества. К жителям этого общества и писал Уммахан: «Вы были друзьями, но житель селения Меgeb Мирза причинил большой ущерб моему имуществу и моим гостям – евреям. Среди исламистов небывалый случай убийства еврея, ограбление. Относительно крови мы разберемся после моего возвращения из поездки. Имущества возвращено на 250 рублей меньше, чем было ограблено. Если подобный случай был бы со стороны моих людей, то я бы быстро разрешил этот вопрос. По этому поводу едет к вам Максуд-кади, примите меры к удовлетворению ограбленных».³

Из этого видно, что аварские ханы покровительствовали приезжавшим в горы купцам, основную массу которых в изучаемый период составляли евреи. Можно полагать, что аварские правители прекрасно понимали значение гарантии безопасности товара и жизни торговцев, приезжавших с товарами в пределы ханства, для поддержки связей с плоскостным Дагестаном, без которых жителям ханства было бы тяжело решать

хозяйственно-бытовые вопросы. Кстати, отметим, что Х.-М.Хашаев одним из первых среди дагестанских исследователей проанализировал и обобщил сведения из ряда томов «Актон, собранных Кавказской археографической комиссией», о торговых связях жителей Аварского ханства и союзов сельских обществ Западного Дагестана с Грузией.¹ Эта торговля для горцев Дагестана имела огромное значение, поскольку только таким путем жители обществ Западного Дагестана могли решить большинство своих хозяйственно-бытовых проблем, особенно проблему зерна, соли и т.д.

Верно отмечено было Х.-М.Хашаевым, что «какое огромное хозяйственное значение имела для горцев торговля, видно из того, что князь Орбелиани предложил, как меру борьбы с непокорными горцами», запретить им торговлю, перегон скота на плоскость и продажу им хлеба».² Этой же линии политики в общении с горцами Дагестана придерживался и назначенный наместником Кавказа в 20-х гг. XIX в. генерал А.П.Ермолов, запретивший армянам и евреям производить торг с аварцами, а аварцам и андийцам пропуск на Кумыкскую плоскость³ из-за их непослушания ему.

Отметим, что еще в 1984 г. автором этих строк была опубликована статья, обобщающая сведения источников и исторической литературы о торговых путях Дагестана XVII-XVIII вв., связывавших жителей его разных частей и игравших важную роль в их жизни.⁴

Для поддержания торгово-экономических связей между селениями плоскостного и горного Дагестана важное значение имел путь, функционировавший еще с XVII в. Согласно имеющимся данным, этот путь проходил через населенные пункты Терки – Тарки – Таркалы – Кафыркумук – Казикумук – Дультидагский перевал – Закаталы. Из Казикумуха через Турчидаг-

¹ Там же. С. 116; АКАК. Т. I. С. 660, 757; Т. III. С. 26, 29, 30, 755; Т. III. С. 370, 376; Т. IV. С. 599-601; Т. V. С. 614.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 116.

³ Там же.

⁴ Умаханов М.-С.К. Торговые пути Дагестана в XVII-XVIII вв. // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Сб. статей. Махачкала, 1984. С. 148-162.

¹ Там же. С. 114

² ГАРД. Ф. 20. Оп. 1. Д. 4. Л. 144-146.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 114-115.

ский перевал дорога шла в Согратль, Чох, Гуниб¹ и т.д. Известна была и трасса пути, шедшего из Чечни в Гумбет – далее в Аварию – Андалал – Гид и через перевал у истоков Аварского Койсу в Грузию.²

Б.Г.Алиевым описаны дороги, соединявшие жителей даргинских союзов сельских обществ (Акуша-Дарго, Каба-Дарго). В частности, им указаны дороги колесные, связывавшие селения Урахи – Мулебки, Урахи – Гамри – Утамыш – Башлы – Дербент. По этой же трассе даргинцы могли свободно попасть в Тарки, где могли приобрести не только местные товары, но и привозные из России. По сведениям Б.Г.Алиева дорога через Нижнее Мулебки – Верхнее Мулебки – Муги – Цудахар – Акуша – Кумух соединяла Каба-Дарго с Акуша – Дарго и с лакской территорией. Жители Каба-Дарго (Урахинский союз сельских обществ) имели выход к Кайтагскому ущелью по дороге через Мургук, а через Бурдеки – в Акуша.³

Здесь мы акцентируем внимание на показе дорог (если их можно было назвать так по сегодняшним меркам), соединявших приморскую часть Среднего Дагестана, в первую очередь, с феодальными владениями, а потом и с союзами сельских обществ его нагорной части. О дорогах в южном Дагестане речь пойдет далее.

Надо отметить особо важную роль в экономических связях лакцев с даргинцами, аварцами и кумыками дороги, шедшей из Кумуха через Цудахар – Хаджал-махи – Левашы – Дженгутай и т.д. на плоскость.⁴ По свидетельству Д.И.Тихонова и Ф.И.Гене эта дорога оставалась еще к концу XVIII в. только вьючной, поскольку «к вольным... цудахарцам... только с трудностью можно проехать верховой ездой» было,⁵ так как она оставалась «неудобной» еще при Ф.И.Гене.⁶

¹ Там же. С. 152; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 102.

² Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения... С. 41.

³ Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. С. 80-83.

⁴ Умаханов М.-С.К. Указ. соч. // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 154.

⁵ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 131.

⁶ Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане. 1835/1836 гг. // ИГЭД. С. 349.

По сведениям же Д.Ф.Еропкина от 1732 г. селения Губден, Карабудак, Гелли, Атлы, Дургели,¹ Дженгутай, Буглен, Верхнее Казанище, Нижнее Эрпели, Кафыркумук, Калчугай, Эндирей, Аксай² были связаны свободной для проезда «верхом и телегами» дорогой. Такой же проезд существовал между селами Костек, Чиркей, Кака-Шура.³

Многие же из перечисленных выше дорог в горной части Дагестана функционировали лишь в незимнее время и в большинстве своем были пригодны только для вьючных перевозок. В этом и был их основной недостаток в мирное время. И тем не менее, эти дороги играли, безусловно, жизненно важную для многих горных сел экономическую роль, особенно в военное время, когда царские войска контролировали все удобные для проезда и прохождения с гор на плоскость пути.

д) Торговые пути, связывавшие между собой феодальные владения равнинного Дагестана.

Если внимательно присмотреться к направлению дорог, идущих в Дагестане в разные стороны, то можно заметить, что большинство их идет с гор на плоскостную часть Дагестана, в основном населенную кумыками и частично кайтагцами.

Секрет этого явления заключается в том, что, как отметил еще в 1957 г. известный дагестанский исследователь Р.М.Магомедов, «кумыки занимали лучшую в Дагестане территорию – почти всю Прикаспийскую низменность. Это единственная в Дагестане полоса, наиболее пригодная для широкого развития земледелия. Особенно хороши были природные условия северной Кумыкии. Здесь имелись богатые пахотные места, тучные пастбища, леса, вода. Хлеб был в изобилии, в то же время в остальном Дагестане в нем испытывалась огромная нужда. Кумыкия, изобилующая сельскохозяйственными продуктами, была, естественно, житницей Дагестана».⁴

¹ Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 121.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 122-124.

⁴ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 158.

Нельзя не согласиться с мнением Р.М.Магомедова о том, что, «если исключить Южный Дагестан (снабжавшийся хлебом через Северный Азербайджан) и Западный Дагестан (снабжавшийся через Северный Кавказ), то Средний Дагестан кормился только кумыкским хлебом. Значит производство хлеба на продажу стимулировало экономическое развитие Кумыкии. Кумыки, живя на плодородных землях, получали немалую прибыль от сельского хозяйства и от продажи своих произведений в Кизляре». Они сеяли пшеницу, ячмень, рожь, овес, просо, разводили лук, чеснок, свеклу, морковь, огурцы, тыквы, дыни, арбузы и виноград, марену, на которую Россия имела большой спрос.¹

По территории Кумыкии, в частности Тарковского шамхальства пролегли, как уже указывалось, важные торговые пути, связывавшие не только Северный, Средний и Южный Дагестан, но и Европу через Россию, Северный Кавказ, Азербайджан, Иран и т.д. Этот путь был известен с раннего средневековья, его называли «шелковым путем». Он имел морскую трассу, которая проходила вдоль западного берега Каспия от Баку через Низабад (Дербентская пристань), мимо Тарков в Терский городок или в Кизляр с 1735 г. или в Астрахань прямо. Сухопутная трасса проходила через Дербент, Кайтаг, Тарковское шамхальство, Эндирейское владение, Сунженский перевоз и далее к Крыму² и т.д.

Сложились в силу многих других и этих обстоятельств и торговые центры на рассмотренных торговых трассах. Такими были Эндирей, Тарки, Чир-юрт, Аксай, Буйнак, где персидские и закавказские купцы встречались с русскими, крымскими и черкесскими купцами и обменивались товарами. Особо в этом плане отличались Тарки, Аксай и Эндирей, в которых шла торговля и пленниками, а также велась торговля с жителями Кайтагского уцмийства, кумыками, акушинцами, также с Россией пшеницей, медом и воском и др. товарами,³ и т.д.

Уровень развития торговли был высоким. У них даже сформировались группы торговцев, скупщиков, савдаров.⁴

Как отмечалось, кумыкским феодалам принадлежали на приморской равнине прекрасные зимние пастбища, без кото-

рых не могло обходиться население нагорного Дагестана. За сдачу пастбищ в аренду кумыкские феодалы имели немалый доход.

Здесь необходимо отметить, что на взаимосвязи феодальных владений горного Дагестана с феодальными владениями плоскостного или равнинного Дагестана, в частности с засушливыми княжествами и шамхальством Тарковским сильное влияние оказывала сложившаяся веками система отгонного животноводства. Этот вопрос привлекал внимание известных дагестанских исследователей – докторов исторических наук – С.Ш.Гаджиевой и М.-З.О.Османова.

С.Ш.Гаджиева подчеркнула еще в 1961 г., что «перегон скота в известной мере влиял на общность экономических интересов дагестанцев, на культурно-исторические связи», что горцы арендовали у кумыков зимние пастбища, а кумыки у горцев арендовали летние пастбища на тех же условиях.¹

Особенно много внимания этому вопросу уделено в трудах М.-З.О.Османова.² Им прослежены основные трассы перегонов овец. По его данным, овцы из центральной Аварии перегонялись по трассе: от верховий р. Тлейсерух через Гиблиб – Магар – Согратль – Чох – Керер – Гергебиль – Аркас – Темирханшура – Экибулак. При этом часть отар от Куппинского перевала шла далее через даргинские земли, Губден – Карабудахкент, к шамхальским землям. Овцы верхнедаргинцев шли от Харбучи – диркья у сел. Акуша (сборный пункт) через мекегинский перевал на южные равнинные земли до Дегала-када и к урочищу Дешлагар; к шамхальским землям шли через Шамхал-дубура и Кумхани-када на Губден и Карабудахкент... Из Лакии шли две трассы – одна из них через даргинские земли. Другая трасса шла на юг через Кули – Чирах – Рича – Тпиг – Хив – Урга – Хучни – Джавгат к низовьям у Уллу-чая или от Хива через Сыртич к низовьям Рубаса, или от Кули по водораздельному хребту до Дуакара, оттуда на Кубачи и далее на Маджалис и Дербент.³ М.-З.О.Османовым было отмечено совпадение основного грузопотока главного для горцев продукта

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 159.

⁴ Там же.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 71.

² Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX-начале XX вв. М.: Наука, 1997. 297 с.

³ Там же. С. 164.

обмена – хлеба, зерна с направлениями и местами перегона овец.¹

Жители Аварского ханства, согласно имеющимся данным, в XVIII-нач. XIX в. гоняли своих овец на зимовку на земли шамхала тарковского, уцмий кайтагского или же на земли других владетелей.²

Еще в 1994 г. автором данных строк был сделан вывод о том, что имеющиеся сведения о межэтнических взаимосвязях позволяют говорить о формировании еще в XVI-XVII вв. единой «общности экономических интересов дагестанцев», что перегоны овец с гор на плоскость и с плоскости на горные пастбища способствовали сближению народов Дагестана, укреплению между ними торгово-экономических связей.³ Это же можно сказать и относительно взаимосвязей между разноэтническими феодальными владениями Дагестана.

Особенно обширны были экономические связи тарковских шамхалов с горными обществами. В частности, немалую прибыль шамхалу приносила и торговля солью, которую брали из озера Турали.⁴

В целом же засулакские кумыкские феодальные владения (Эндирейское, Аксаевское и Костековское) и Тарковское шамхальство переживали процесс усиления отработочной ренты и рост товарно-денежных отношений в рамках феодального общества, в чем важную роль играли экономические отношения между ними и многочисленными феодальными владениями Дагестана.

е) Место Кайтагского уцмийства в экономических связях народов Дагестана

Важную роль в экономических взаимосвязях феодальных владений и союзов сельских обществ равнинного и нагорного Дагестана играло и Кайтагское уцмийство. Его равнинная часть, растянувшаяся с севера на юг от речки Инчхе до границ

Дербентского ханства, была житницей не только собственно Кайтага, но и обеспечивала хлебом также жителей многих горных обществ Дагестана, особенно жителей даргинских обществ.¹ И не случайно И.-Г.Гербер писал в 1728 г., что кайтагцы «питаются скотоплодием и имеют довольно пашен, также садов виноградных и прочих овощей. Пшеницею и ячменем удовлетворяют многих в горах живущих народов».²

И в конце XVIII в. наблюдалась аналогичная картина. Д.И.Тихонов писал, что терекемейцы и «хайдаки» выращивали хлеб, выкапывали марену, занимались пчеловодством, особенно скотоводством», разводили фрукты разных родов – груш, слив, грецких орехов, абрикос, виноград.³ О многоотраслевом характере хозяйства кайтагцев писал и автор начала XIX в. кизлярский комендант А.И.Ахвердов. Он отмечал, что жители Кайтага, «на плоскости живущие хлебопашеством, посевом сорочинского пшена и хлопчатой бумаги, шелководством, также от нефтяных колодцев», а также «иные пахари, в одну весну вырезающие марены на четыреста рублей серебром..., а почти вообще всякой не менее двухсот рублей серебром ежегодно получают».⁴

Важную роль в экономических контактах кайтагцев с другими народами играли изделия их ремесел и домашних промыслов, которые пользовались спросом как в Кайтаге, так и у соседних народов Дагестана. Упомянутый выше Д.И.Тихонов подчеркивал, что жители уцмийства из овечьей шерсти делали на продажу и для «домашнего употребления простые сукна: синие, черные, белые и разные ковры», а также белый холст, ружья, пистолеты, сабли и кинжалы с оправой серебряной, порох⁵ и т.д. Изделия жителей Кайтага, в первую очередь, кубачинцев пользовались большим успехом не только в Дагестане,

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII-нач. XIX в. Кн. I. С. 267.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83-84.

³ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 134.

⁴ Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 216.

⁵ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 134.

¹ Там же. С. 164-165.

² Розен Р.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 291; Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 130-131; Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83-84.

³ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи народов Дагестана в XVII-начале XIX в. // Исследование экономической, политической и культурной интеграции народов. Дисс. ... д.и.н. 1994. Л. 181.

⁴ Там же.

но и, как отмечал еще в 1728 г. И.-Г.Гербер, «в Персии и в турецкой земле».¹

Кубачинские женщины упражнялись «в тканье самых лучших в горах сукон и холстов. На плоскости под деревнею» имели в небольшом количестве шелковичные деревья» и делали «шелк, занимались отчасти и в купеческом ремесле».²

Известными центрами производства оружия (холодного и огнестрельного) в богатой серебряной оправе и простого были в изучаемый период аулы Кубачи, Харбук, Сулевкент, Амузги, Казаници, Цудахар, Кумух.

Жители уцмийства занимались торговлей, имели торговые связи «по большей части с соседними владениями, как-то: скотом, хлебом, медом и воском», продавали марену в Дербенте, а иногда доставляли ее в Кизляр, как и сукна разной расцветки. Сами же они приобретали «привозимые из России и Персии парчи», сукна, медь, олово, железо, а свинец и селитру от дербентцев и кубинцев». Лучшие кремни они покупали в Губдене.³

Выделялись своей активной торговой деятельностью вместе с кубачинцами и калакорейшцы. Согласно имеющимся архивным данным, введенным в научный оборот Р.С.Шихсаидовой, только за один день 30 января 1735 г. «в Дербент въехали из Калакорейша 50 человек с 50 вьюками бурок и сукон, а 16 февраля – 6 кубачинцев с двумя вьюками сукон»;⁴ башлинцы продавали пшеницу, великентцы – бурки, сукна, кожу, краски, харбуццы торговали изделиями металлообработки и холодным оружием, сулевкентцы гончарными изделиями, амузгинцы – изделиями из металла.⁵

В целом же из феодальных владений Дагестана Кайтагское уцмийство имело больше торгово-экономических контактов с соседним Табасаранским майсумством и Дербентским

ханством, вернее собственно с Дербентом, являвшимся территориально довольно близким к уцмийству крупнейшим торгово-экономическим центром, где без особых затруднений можно было продать свои товары и приобрести нужные себе товары, продукты и т.д.

Торговые связи кайтагцы и другие подвластные уцмиев кайтагских поддерживали и с жителями Тарковского шамхальства, в частности с жителями Утамышы, Карабудахкента, Тарков и т.д. Пошлины с проходивших через Кайтаг с юга на север (Тарки – Кизляр) и с севера на юг (в Дербент) торговых караванов существенно пополняли казну уцмиев Кайтага. И все это, как отмечал еще в 1718 г. Андриан Лопухин, делало уцмия одним из наиболее сильных и влиятельных правителей – феодальных владетелей Дагестана. Он писал, что уцмий Кайтага «владелец сильной, славной, ведают про то, что здесь, кроме его, никто силы такой не имеет».¹

О связях каракайтагцев с севернее их расположенными народами Дагестана имеются сведения и от начала 30-х гг. XIX в. Так, М.К.Ковалевский и И.Ф.Бларамберг подчеркивали, что жители аула Башлы, в общей сложности насчитывавшего около 500 дворов, и в котором находилось место пребывания уцмиев, производили торги с Кизляром. Эти авторы писали, что «жители сего округа занимаются хлебопашеством, скотоводством, имеют хорошие сады, ведут торговлю с Дербентом, Кизляром и соседними горцами и даже разводят шелк. Главные произведения: сарачинское пшено, просо, пшеница, ячмень и хлопчатая бумага. Они получают также немаловажную прибыль от продажи дикой марионы (крапа)», которая здесь растет в чрезвычайном изобилии; промышляют также и продажей нефти...».²

* * *

Подводя краткий итог сказанному, следует подчеркнуть, что: 1) феодальные владения Северного Дагестана, под которыми мы понимаем Эндирейское, Аксайское и Костекское (Костековское – равнозначно), происходившие из единого об-

¹ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 23.

² Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 309-310.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 75.

² Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 216-217.

³ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 134.

⁴ Шихсаидова Р.С. Материалы фонда «Кизлярский комендант» как источник для изучения дагестано-кавказских торговых взаимоотношений в XVIII-нач. XIX в. // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 101-102.

⁵ Там же. С. 101.

щего корня – из Эндирейского владения, сохранили и расширили экономические и иного плана связи между собой и развивали их в новых условиях. Практически вышедшие из эндирейского правящего дома аксайские и костековские князья, даже провозгласив и отстояв свою политическую независимость от Эндирея, не порывали с ним окончательно. Более того, они ориентировались во многих случаях на позицию владетелей (правителей) Эндирейского княжества. Это способствовало и их экономическим взаимоотношениям; 2) Эндирейские, аксаевские и костековские владетели поддерживали тесные связи с горной частью Дагестана по функционировавшим еще издавна горным путям через с. Дылым – Данух – Артлук, в конечном итоге, как видно из приведенных сведений, ведущих в столицу Аварского ханства – аул Хунзах, который играл важную для того времени роль во всем горном Дагестане. Дорога эта была довольно длинная, тяжелая, но при тогдашних средствах транспортировки грузов вполне преодолимая; 3) в то же время засулакские торговцы могли попасть в Аварское ханство и через дороги Среднего Дагестана – через Н.Дженгутай, Урма, Кутиша, Леваши, Гергебиль, Хунзах; 4) несомненно велика была роль и Тарковского шамхальства в поддержании экономического порядка связей между проскокской частью Дагестана и располагавшимися вблизи ее нагорной части феодальными владениями – Аварским, Мехтулинским и Казикумухским ханствами, которые имели тесные экономические связи и между собой.

§ 2. Экономические взаимосвязи феодальных владений Южного и Среднего Дагестана в XVIII-нач. XIX в.

Необходимо отметить, что понятия «Южный Дагестан», «Средний Дагестан» разные исследователи истории Дагестана и просто авторы XVIII-XIX вв. понимали по-разному, нередко путали их территориальный состав. К примеру, авторы первой половины XIX в. М.К.Ковалевский и И.Ф.Бларамберг в 1831 г. писали, что «Пределы Северного Дагестана простираются от правого берега реки Койсу... до левого побережья реки Самура... Он граничит к северу с кумыками, к западу с непокорными горцами разных наименований неопределенною чертою, к

полудню с ханством Кубинским, от коего и отделяется рекою Самуром... Политическое разделение Северного Дагестана включает в себе: 1. Владение шамхала тарковского; 2. Владение Мехтулинское; 3. Общество Акушинское; 4. Округ Каракайдакский; 5. Общество Кубечинское; 6. Округ Дербентский; 7. Округ Табасаранский. Сверх сего сюда же принадлежат: общество Койсубулинское и Аварское ханство».¹

Эти авторы явно шире раздвинули границы «Северного Дагестана». По этому вопросу имеется общее мнение автора этих строк и Б.Г.Алиева. Мы относим, исходя из современных реалий, к Северному Дагестану территорию между реками Терек и Койсу (Сулак).² На территории Среднего Дагестана находились шамхальство Казикумухское (затем Тарковское), Мехтулинское, Казикумухское и Аварское ханства, Кайтагское уцмийство, союзы сельских обществ даргинцев и аварцев. Это наиболее значительная часть Дагестана.

По нашему мнению территория Южного Дагестана простиралась от южных границ Кайтага, Казикумухского ханства и Антля-Ратля до южных границ Дербентского ханства, кюринских и самурских магалов, с востока от побережья Каспийского моря до западных и юго-западных границ Цахурского султанства и Джаро-Белоканского союза. На этой территории располагались Дербентское владение, майсумство и кадийство Табасарана, Цахурское султанство, Кюринские магалы, составившие Кюринское ханство в конце XVIII- нач.XIX в., союзы сельских обществ Самурской долины и Джаро-Белоканский союз.³

¹ Ковалевский М.К. и Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 306.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география... Кн. I. С. 64.

³ Там же. Подробности по этому вопросу см.: Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. I. С. 53-66.

**а) Экономические взаимосвязи феодальных владений
плоскостного Дагестана (Дербент, Кайтаг,
Тарковское шамхальство и т.д.)**

Попытаемся здесь систематизировать имеющиеся сведения, так или иначе отражающие роль и место Дербентского ханства и собственно Дербента в торгово-экономических связях жителей феодальных владений Дагестана.

О том, что Дербент являлся не только мощнейшей крепостью на западном побережье Каспия, которую невозможно было обойти или пройти без ведома местных властей, но и торгово-ремесленным центром, написано и сказано много. Нам же предстоит проанализировать сведения источников XVIII-нач. XIX в. по этому вопросу.

Наиболее ранние сведения этого периода содержит работа И.-Г.Гербера от 1728 г. В ней он подчеркнул, что в Дербенте было много хороших мечетей и караван-сараев для купечества.¹ Этот же автор писал, что «обретаются в Дербенте много купеческих людей из персиянов, армянов, грузинцов и индийцов».² Это было свидетельством того, что Дербент был не только дагестанским, но и международным торговым центром.³ Но нас интересует роль Дербента в дагестанских торгово-экономических контактах. Для выполнения такой роли у Дербента было достаточно много оснований или предпосылок. В первую очередь, его выгодное расположение на функционировавшей издревле трассе мирового «шелкового» пути, соединявшего страны Европы и Россию через Дагестан со странами Закавказья, Ираном, Афганистаном и даже Индией.

Дербент располагал достаточной для выполнения такой роли материальной базой. По данным С.М.Броневского в 1796 г. в Дербенте насчитывалось 2189 домов, один монетный двор (такого учреждения не было больше ни в одном феодальном

владении Дагестана – авт.), 450 лавок, 15 мечетей, 6 караван-сараев, 30 шелковых и 113 бумажных фабрик, 50 разных мастерских лавок, около 10 тыс. жителей.¹

С.Броневский писал, что жители Дербента занимались шелководством, разведением шафрана, упражнялись «и в купеческом промысле, как собственными своими изделиями, так и привозимыми из Персии товарами, отправляя «оныя в Астрахань, Кизляр и в Дагестан».² Необходимо обратить внимание и на его сообщение о том, что «горские соседи их (жителей Дербента – авт.) нередко нарушают их спокойствие своими набегами», что дербентцы «умеют отражать их нападения».³ На это здесь обращено внимание для того, чтобы у читателей не создалось впечатление, что в изучаемую эпоху в Дербентском ханстве все обстояло благополучно и не было никаких проблем, кроме торгово-экономических связей.

Ф.Ф.Симонович в 1796 г. писал, что «хан дербентский годового денежного дохода от пошлин с монетных и рахтарных дворов, лавок, фабрик, с привозных товаров и прочего, собирающего с города Дербента, получает серебром его деньгами на 20000 и более рублей».⁴ Все это было свидетельством больших экономических возможностей и широты экономических связей города Дербента в конце XVIII в.

Практически эти же сведения повторил и П.Г.Бутков, писавший в 1796 г. о 6 караван-сараях Дербента, 500 всяких лавках, одном монетном дворе, 30 небольших шелковых материй фабриках и о 150 персидских бумажных фабриках.⁵ Дербент мог стать и хорошим морским торговым портом. Этому существенно мешало то, что «рейд дербентский» был «опасен и грузить на нем суда трудно и медлительно». В силу этого в порту Дербента могло одновременно грузиться лишь два судна и то «в самое короткое время». И все же П.Г.Бутков признал, что

¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 338.

² Там же. С. 339.

³ Там же. С. 340.

⁴ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 144.

⁵ Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 202.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 86.

² Там же.

³ Магомедов Н.А. Экономическое развитие Дербентского ханства в XVIII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1985. С. 8-11; Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII-первой половине XIX в. Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала, 1998. С. 137-204.

«торг дербентский знатнейший в марене, которой до шести тысяч пудов отправляется морем в Астрахань на российских судах и сухопутно в Кизляр. Туда же отправляют несколько шафрану; а в Баку уголья, фрукты, пшеницу и пшено».¹ Отметим, что эти товары в Дербент доставлялись жителями близлежащих к нему дагестанских сел.

Марену же в Дербент доставляли и жители Кубинской провинции, где она хорошо росла в диком состоянии.²

Тесные торгово-экономические связи с другими феодальными владениями Дагестана приносили дербентским владельцам довольно большие доходы. По сведениям П.Г.Буткова от конца XVIII в. дербентский хан имел доход денежный «от пошлин, с монетных рахтарных дворов, лавок, фабрик, с привозимых товаров и прочего, собираемых с городов Дербента на 20, Кубы на 8, с Сальянской области от рыбных промыслов, соляных озер и другого на 50, от бакинского хана 60000 рублей серебром его деньгами; сверх того, хлебом с Кубинской провинции со всякого двора по одной рубле, полагая коих, за исключением чиновничьих, муллинских и попов армянских домов, с которых податей не берется, до 7000, по весу в каждой рубле по 5 пуд, с 600 дворов пшеницею до 3750 четвертей, а с 1000 дворов по 625 четвертей ячменем, кроме даваемого хану скотом и другими съестными припасами на содержание двора его, и доходов от деревень, им не собираемых, но отданных в пользование ханской фамилии и дагестанским владельцам, почему и как оные распоряжаются сими деревнями по своему усмотрению, и вычисления сим доходам сделать не можно».³ По его же словам на случай военных действий и непредвиденных обстоятельств дербентский хан брал «всегда с капиталистских людей и чиновников с каждого от 500 до 3000 р. и с каждого двора, как в городах, так и в уездах, от 20 до 30 рублей, равно хлеба со всех селений сколько потребно».⁴

Интересные сведения о торгово-экономических связях Дербента с другими феодальными владениями Дагестана со-

брал в свое время А.И.Ахвердов, состоявший в 1801-1804 гг. комендантом Кизлярской крепости и командиром Кизлярского гарнизонного полка. Он писал, что большая часть жителей Дербента занимается «в купеческом промысле, имеют в покупке и продаже из разных мест привозимые к ним персидские товары, с коими в небольшом количестве продают произведения и своих шелковых и бумажных фабрик, имеющих в городе».¹ Особо ценно его сообщение о том, что жители Дербента «торговлю производят с российскими пограничными городами в большем количестве морем с Астраханью и сухим путем с Кизляром и с пограничными кумыцкими деревнями: Андреевскою, Аксаевскою, Бойнакскою, старокаменскими, табасаранскими, казыкумыцкими и прочими мелкими деревнями».² Он отмечал, что дербентцы водным путем для продажи доставляли марену в Астрахань, а знатнейшие из них, имевшие большие торги», ездили с торговыми целями «в дальнейшие места в Персию и с тамошними» персиянами имеют связи торговые, привозя их товары и продавая их в Дагестане.³

Эти сведения можно дополнить данными, собранными прапорщиком Борисоглебского драгунского полка А.А. Кремским в 1806 г., подчеркивавшим, что в Дербент привозились товары из Шемахи: шелк, шелковые материи, в Шемахе сделанные (мовидрай, шемандруз, аладжи и тому подобные); из местечка Тарков и из соседних оному мест: марена, кубачинское сукно, бурки, медь, коровье масло, мерлушки, горские сушеные груши, ружья, пистолеты и сабли, в кубачинском селении сделанные; из Баку – смола, нефть и соль. До 6000 пудов марены вывозилось из Дербента в 1806 г. в Астрахань морским путем; нередко из Дербента часть марены отправлялась в Баку, чтобы оттуда отправить в Астрахань по морю.⁴

Об основных экономических занятиях дербентских жителей начала XIX в. писал и главноначальствовавший в 1812-1816 гг. на Кавказе Н.Ф.Ртищев: «Занятия их хлебопашество,

¹ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 219.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г. // ИГЭД. С. 234.

¹ Там же. С. 202-203.

² Там же. С. 204.

³ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 211.

⁴ Там же.

торговля и некоторых разное ремесло».¹ По его словам почва земли на плоских местах глиноватая, но плодородная, которой, однако, мало для населенных жителей, ибо для хлебопашества остается одна только узкая полоса, с обеих сторон Дербента до тридцати верст простирающаяся, и из оной к югу лежащая по большей части занята виноградными садами и потому удобной к хлебопашеству остается весьма ее немного.»²

Налаживанию торгово-экономических взаимосвязей между Дербентом и Тарками должно было в начале XIX в. способствовать то, что в 1806 г. Дербентская «волость... высочайше пожалована» была «во владение генерал-лейтенанту Мегди – шамхалу тарковскому».³

Ценные сведения о Дербенте и Дербентском ханстве начала XIX в. собрал С.Броневский. Он писал, что «побережье между Дарбахом и Дербентом от множества ручьев, тут разливающихся, превратилось в низины и болота, между коими однако кое-где встречаются земли, удобные к хлебопашеству. По ту сторону Дербента до реки Рубаса и даже до Самура простираются прекрасные и плодородные долины, заключающие в себе луга, пахоту, и по берегам рек прилески или рощи, большею частью из плодовых деревьев состоящие».⁴ В конечном итоге такой богатый край не мог оставаться в стороне от торгово-экономических контактов с соседними областями, феодальными владениями и т.д.

Упрочению торгово-экономических связей Дербентского ханства с Тарковским шамхальством способствовать должно было то, что Дербент был занят царскими войсками 21 июня 1806 г. Несколько позже Дербентское ханство, за исключением города Дербента, было передано во владение Мехти-шамхала Тарковского,⁵ как это отмечено и выше.

С.Броневский также подчеркивал, что жители Дербента упражнялись в шелководстве, в сеянии шафрана и в купеческом промысле, как собственными своими изделиями, так и

привозимыми из Персии товарами, отправляя «оние в Астрахань, Кизляр и Дагестан».¹

Еще в 1964 г. в работе Х.Х.Рамазанова и А.Р.Шихсаидова подчеркивалось, что в Дербенте и в таких крупных населенных пунктах, как Ахты, Кумух, Хучни, Цахур, Куба были регулярные базары, куда прибывали жители различных областей Дагестана. Жители Дербента поставляли пшеницу, рожь, ячмень, просо, марену, различные садовые и огородные культуры, изделия ремесленников; цахуры, рутульцы, аварцы, даргинцы и лакцы поставляли в основном продукты животноводства, а также ремесленные изделия.² Эти же авторы отмечали, что развитию торгово-экономических связей между Дербентом и другими частями Южного Дагестана способствовало наличие еще в XVII-XVIII вв. дорог, которые использовались более или менее регулярно. Через Ахты, Куркент, Хучни шли отдельные дороги, связывавшие внутренние районы Южного Дагестана с Дербентом.³

Много внимания развитию ремесленного производства и торговли в Дербентском ханстве и в Дербенте, в частности, уделил в своих работах Н.А.Магомедов. Он в одном из своих трудов дал подробную картину экономического развития Дербентского владения в XVIII-нач. XIX в., охарактеризовал основные занятия его населения (земледелие, животноводство, добывающие промыслы,⁴ виды ремесел,⁵ цеховые организации ремесленников Дербента,⁶ торговую деятельность жителей Дербентского ханства, показав при этом важную роль Дербента как центра региональной и международной торговли на западном побережье Каспия в XVIII в.,⁷ раскрыл «торговые связи Дербента и дербентского купечества» в первой четверти XIX в.,⁸ приведя интересные архивные данные, характеризующие их.

¹ Там же. С. 339.

² Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 118.

³ Там же. С. 119.

⁴ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в первой половине XIX в. Махачкала, 1998. С. 107-113.

⁵ Там же. С. 114-125.

⁶ Там же. С. 125-133.

⁷ Там же. С. 134-154.

⁸ Там же. С. 154-172.

¹ Ртищев Ф.Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 250.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 329-330.

⁵ Там же. С. 335.

Интересные данные в плане нашего исследования содержит и глава его работы, в которой рассматривается налогово-финансовая система, сложившаяся в Дербентском ханстве в XVIII-нач. XIX в.¹

Здесь нет надобности ни подробно характеризовать все виды ремесленной деятельности жителей Дербентского ханства, ни приводить все сведения по этому вопросу, содержащиеся в работе Н.А.Магомедова. Нам достаточно ограничиться основными выводами его работы по указанным вопросам, данными в «заключении» его интересного труда.

Он отмечает, что «земледелие и животноводство являлись основными экономическими занятиями жителей Дербентского ханства... Но в Дербенте сильно были развиты ремесла. Виноградарство, разведение шелковицы и марены, хлопководство, разведение злаковых и огородных культур были повсеместно развиты в ханстве... Продукция сельского хозяйства являлась сырьем для многих видов ремесла в городе Дербенте и в селах ханства». Добыча нефти, соли, селитры, серы и т.д. также «получила в ханстве большого развития», достигнув уровня ремесла. ... По существу в Дербенте были представлены все виды ремесла эпохи средневековья. Дербентские ремесленники изготовляли продукцию для удовлетворения всех потребностей местного рынка, а также и на вывоз в соседние страны, также в Россию».² Н.А.Магомедов обратил внимание и на важность наличия сельскохозяйственного сырья для развития ремесел, которые «базировались на обработке драгоценных металлов и камней (ювелирное дело, изготовление дорогостоящего оружия), на обработке железа и стали, кожи, шерсти, шелка, дерева, камня, глины, стекла и т.д.».³ Он пришел к выводу о том, «торговля в Дербенте была поставлена для своего времени на высоком уровне; в городе имелся большой базар, вокруг которого располагались ряды и кварталы ремесленников разных профессий», что торговля в Дербенте развивалась в трех направлениях – стационарная (торговля через лавки), развозная (по селам и городам) и разносная (предметами питания, кондитерскими изделиями).⁴

В целом же не вызывает сомнения вывод Н.А.Магомедова о том, что «Дербент являлся в XVIII-нач. XIX в. не только резиденцией дербентских правителей, городом – крепостью, ремесленным и торговым центром, но и центром международной морской и сухопутной торговли, в которую были втянуты купцы Индии, Ирана, Армении, Азербайджана и России, а также народы Дагестана».¹

К этим вопросам Н.А.Магомедов обратился и в работе, вышедшей в свет в 2000 г.² и содержащей главу, посвященную показу экономического развития Дербента и Дербентского владения в XVIII-начале XIX в.

В частности, он обратил внимание на широкое развитие в Дербенте ковроткачества и сукноделия (особенно в горских селах Дербентского ханства), продукция которых шла как на свое потребление, в дагестанский торговый оборот (или обмен), так и на вывоз за пределы Дагестана.

Не вызывает сомнений утверждение Н.А.Магомедова о том, что «в условиях XVIII-нач. XIX в. важное значение имело производство оружия, холодного и огнестрельного, особенно холодного оружия, которое было рассчитано на массового покупателя. Это кинжалы и ножи в простом исполнении. Украшенное богатым орнаментом оружие могли изготовить только мастера высокой квалификации».³ Такие мастера имелись в Дербенте в достаточном количестве.

Были в Дербенте и мастера-ювелиры, изделия которых из серебра, золота и т.д. отличались художественным вкусом и прочностью и пользовались большим спросом у местных народов.⁴ К сожалению, в этой работе мало сведений о внутридагестанских экономических контактах Дербента, о связях владельцев Дербента с феодальными владельцами Южного Дагестана.

То же самое можно сказать и о богатом по содержанию и интересном во всех отношениях труде Е.И.Иноземцевой, в котором вопросы торгово-экономических контактов практически всех феодальных владений Дагестана с Русским государством раскрыты достаточно глубоко. Имеющиеся в ее работе сведе-

¹ Там же. С. 232.

² Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во второй половине XVIII-нач. XIX в. Махачкала, 2000. С. 37-38.

³ Там же. С. 40-41.

⁴ Там же. С. 43-44.

¹ Там же. С. 205-228.

² Там же. С. 230.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 231.

ния о Дербенте, относятся именно к аспекту русско-дагестанских отношений. Они могут быть использованы лишь для опосредствованного подтверждения наличия в Дербенте экономической базы для поддержания торгово-экономических контактов не только с российскими городами и купцами, но и с дагестанскими горцами, в частности с феодалами Кайтага, Табасарана, Тарковского шамхальства и Засулакской Кумыкии.¹

О торгово-экономических связях Дербента писал в последней четверти XVIII в. и академик С.Г.Гмелин, по сообщению которого провинция Гилянская и город Шемаха снабжали жителей Дербента «разными бумажными и шелковыми материалами...», которые они меняли «лезгинам и горским татарам на один род тонкого сукна, которое ими же самими в горах готовится и называется кубеши-шал». Сам же дербентцы вывозили в Шемаху и Гилян много шафрана, которого разводили во всей округе.²

Согласно имеющимся сведениям Дербент имел тесные торговые связи с Кубой и Кизляром. В оба эти города из Дербента вели дороги по приморской равнине, которые годились для проезда экипажа в любое время года.

Дербент снабжал в начале XIX в. г. Кубу водкой.⁴ Дербентцы же вели торговлю с Кубою и горскими народами русскими и персидскими товарами. Русские ситцы, нанки и др. хлопчатобумажные изделия сбывались в Дагестане в большом количестве по выгодным ценам.⁵

В свою очередь, горские народы доставляли в Дербент сукно, известное под названием «лезгинского», бурки, овчины, меха, масло, мед, ковры, паласы – всего на 10 тыс. руб. серебром. Куба поставляла в Дербент пшеницу, ячмень, сарачинское пшено – всего на 12 тыс. рублей серебром.⁶

¹ Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII-первой половине XIX в. Махачкала, 2001. С. 169-182.

² Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. III. 1-я пол. С. 19.

³ Там же. С. 19-20.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана... Кн. II. 2001. С. 128.

⁵ Обзорение Российских владений за Кавказом. Ч. IV. С. 184.

⁶ Там же. С. 185.

По сведениям 30-х гг. XIX в. в Дербенте функционировали 3 караван-сарая, более 420 лавок, принадлежавших 80 хозяевам.

Экономическую мощь дербентских правителей или ханов подкрепляли и доходы, собиравшиеся ими с подвластных им сел Мюшкюра (Мушкура). Еще И.-Г.Гербер в 1728 г. писал, что дербентский хан «поставлял одного друга, который доходы в Мушкуре собирал и ему вручал». Обитатели Мушкура занимались животноводством, сеяли пшеницу, ячмень, пшена много, «к чему оные и пашен довольно имели». По словам И.-Г.Гербера, «сей уезд от бога и природы благословен, хлебопашен, приятен и веселой, в оном лесов, лугов и пашен довольно... В лесах... родятся дикие яблоки, груши, орехи, армуды (айва – авт.), сливы и прочие овощи... Сей уезд купно называть Шабрай, всю Ширвань, Шемаху и часть Дагестана удовольствуют пшеницею, ячменем и пшеном, которых в сих уездах очень много сеют, к чему помогают маленькие речки, которые из Кубы сюда текут, которых вода во всех пашнях, а особливо на пшено ведена, понеже пшено пока созревает, всегда в верх стоит и растет. Прежде сего много шолку здесь родилось, только шелковые фабрики от бунтовщиков разорены, а ныне обитатели начали их опять исправлять».³

В целом же Дербентское владение тяготело в своих торгово-экономических интересах к северу Дагестана – к Табасарану, Кайтагу, шамхальству Тарковскому, занимало ведущие позиции в Южном Дагестане в зарождении и развитии товарно-денежных отношений, было тесно связано с экономикой народов Дагестана, Закавказья и России, игравших важную роль в жизни и Дербентского ханства и контактировавших с ним феодальных владений Дагестана.

б) Табасаранское майсумство в торгово-экономических связях феодальных владений Южного Дагестана

Среди феодальных владений Южного Дагестана заметную роль в XVIII-нач. XIX в. играло и Табасаранское майсумство, тесно связанное экономическими и политическими узами прежде всего с Дербентским ханством и уцмийством Кайтага-

¹ Там же.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 87-88.

³ Там же. С. 88.

ским. Основные вопросы его социально-экономического развития, проблемы его исторической географии XVIII-начала XIX в. нами освещены в предыдущей главе данной работы. Поэтому на них здесь не делается особого акцента. В данном разделе основное внимание уделяется показу экономического развития и экономических проблем Табасаранского майсумства в изучаемый период, которые находили свое решение посредством взаимосвязей с соседними с ним феодальными владениями Дагестана.

При этом мы опираемся на имеющиеся по затронутому здесь вопросу источники XVIII-нач. XIX в., а также на наблюдения, выводы и обобщения, содержащиеся в опубликованных уже работах по истории Табасарана и Дагестана в целом.

В первую очередь обратимся к труду И.-Г.Гербера, характеризуя положение Табасарана в первой четверти XVIII в., писавшего, что он простирался до кайтагцев к северу, отделяясь от них р. Дарбах, к западу доходил «до Зурхаева владения» (до Казикумухского ханства – авт.), от которого отделяет его «река Агула», к югу доходил «до Куролей, от которых оной острыми горами отделен».¹

По свидетельству И.-Г.Гербера табасаранцев возглавляли майсумы («магзум» - по И.-Г.Герберу) и «кады», которые «подчинены бывали султану дербентскому», а в 1728 г. они подчинялись «наипу» и дербентскому российскому коменданту.²

Хозяйственная деятельность жителей Нижнего Табасарана, находившегося вблизи Дербента, была связана больше с земледелием, так как в этой части Табасарана имелись хорошие поля и плодородные земли. Жившие же в горной части Табасарана жители питались «только одною скотиною», не имели пашен и хлеба, который они вынуждены бывали приобретать в плоскостной части Табасарана или в Дербентском ханстве.³

Автор конца XVIII в. Ф.Ф.Симонович писал, что «Табасаран разделяется на три главные владения, как-то: на масума (майсума – авт.), на кадиево (кадия – авт.), на Девек Елеми. Первые заключают в себе и других частных временных владельцев, братьев и родственников настоящих владельцев, как-

то: масумов, Мустафы-бека, шамхала, Али Гули масума, Дрич Табасаран. Главные их места суть Чеграх, главное Табасарана селение и пребывание масума, на острой и крутой горе (пропуск в тексте – авт.), вышедшей от Карасирта, при ручье, вытекающем в Рубас...

Керчаг, пребывание Мустафы-бека, при реке Зизик, впадающей в Рубас, имеет с Чеграх сходное местоположение и защищается также со стороны гор на большом пространстве стеною и двумя башнями...

Чулат, пребывание шамхалово, при ручье, впадающем в Гургели, Хорик, пребывание Али Гули масума, на ручье, впадающем в Рубас. Дрич Табасаран включает в себя горные деревни по Карасирту; они управляются независимыми узденями, служащими масуму».¹

У майсума в подчинении было до 70 деревень, в которых проживало 21 тыс. душ мужского пола. С горских деревень майсум не имел более 3000 рублей ханскими деньгами дохода. Они не были обложены податями в пользу майсумов, довольствовавшихся преподносившимися им подарками при приезде их в то или иное село. Так же поступали и кадии табасаранские, которым подчинялось 20 деревень. Вдобавок табасаранские кадии имели до 5000 р. ханскими деньгами «от жалованных дербентским Фет Али ханом деревень».²

Девек Елеми состоял из 15 деревень, главными из которых тогда считались Ягдик, Пилек, Хурук. В этой части Табасарана насчитывалось до 5000 душ мужского пола.

И здесь необходимо подчеркнуть, что, как отмечал Ф.Ф.Симонович, Табасаран в прочем «достаточествует скотоводством и есть способен, выключая некоторые горские деревни и другие, лежащие по южной стороне хребта, к производству всех плодов, изобилует при пчеловодстве и разными плодами древесными и огородными, особливо же славится яблоками, грушами и орехами».³

¹ Там же. С. 153.

² Там же.

³ Там же. С. 154. Тут же отметим, что приведенные здесь сведения Ф.Ф.Симоновича были повторены П.Г.Бутковым в «Сведениях о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г.» // ИГЭД. С. 210-212.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 104.

² Там же. С. 104.

³ Там же.

Эта продукция и поставлялась жителями Табасарана в торговый обмен, в частности в Дербент, откуда ее вывозили в Астрахань и в другие российские города. И не случайно А.И.Ахвердов в 1804 г. писал, что жители Дербента торговали с табасаранскими, казыкумыцкими и прочими мелкими деревнями.¹

Интересные в плане нашего исследования сведения о Табасаране собрал и опубликовал в 1823 г. известный российский исследователь С.Броневский. Он описал пределы области Табасаранской, положение земли, дороги, деление Табасарана на разные части, население и военные силы, язык и земледелие табасаранцев.²

Нас. в первую очередь, интересуют сведения об экономических занятиях табасаранцев. С.Броневский писал, что «по нужде для прокормления себя табасаранцы упражняются в хлебопашестве; сеют сарачинское пшено, пшеницу и ячмень, каковые хлебы изрядно рождаются посредством напоевания полей водопроводами. Разводят также в садах плодовые деревья разных родов».³

Важную роль в торгово-экономических связях Табасарана и других близких к нему феодальных владений Дагестана играло наличие между ними целой сети различной степени важности и значения дорог.

По словам С.Броневского, главная дорога из Северного Дагестана в Табасаран шла по долине Меньшого Дарбаха, где дорога распадалась на четыре направления: 1) дорога в деревню Ерси; прочие три дороги через Табасаранский хребет к Ширвану, вели к деревне Митахи; через кадиеву деревню Дарбах; через кадиеву деревню Зиль. Дорогой через Зиль воспользовались русские войска, посланные в 1775 г. для наказания уцмий кайтагского и кадия табасаранского за задержание в плену академика Гмелина. Дорогой через Дарбах шел посланный в 1796 г. отряд царских войск под командой ген.-майора Булгакова, чтобы обойти Дербент с севера через Табасаран и выйти на южную сторону его.⁴ Это им удалось осуществить за

31 апреля – 3 мая 1796 г. Сведения, приводимые в работе С.Броневского, позволяют говорить о существовании тесных связей между уцмием каракайтагским и кадием табасаранским Абдулла-беком.¹ А это значило, что экономические и иного плана связи и их подвластных должны были быть поощряемы ими.

Для более ясного представления широты торгово-экономических связей Табасарана и Дербентского ханства изучаемого периода необходимо указать и на их связи с Кубинским ханством, к которому было в 1765 г. Фет-Али ханом присоединено Дербентское ханство. По сведениям С.Броневского торговля жителей Кубинского ханства «производилась по большей части с соседними владениями, и особливо с Шемахинским и Бакинским, скотом, хлебом, шелком-сырцом, медом и воском. Мариону отпускают в Дербент, или доставляют сами в Астрахань; из шерсти овечьей и хлопчатой бумаги делают на продажу и на домашние употребления сукна белые и черные, ковры и холст. Сами же покупают соль и нефть в Дербенте и Баку;... свинец в лезгинской деревне Куруше, лежащей в Ахтынском округе; ... селитру в Табасаране; ружья, пистолеты, сабли, кинжалы и другие вещи посредственно делаются в деревнях Ерфи и Кулых в Будугской округе, а лучшие доставляются из Персии и Турции; серебряные вещи получают из Кубачи...».²

Источник начала 30-х годов XIX в. свидетельствует о том, что округ Табасаранский «граничил к востоку с Дербентским округом, к западу с Вольною Табасаранью, к северу с Каракайдакским округом и к югу с Кюринским ханством», что главными селами табасаранцев являлись в то время Джерах, Дарвах, Дювек, Карчах, Хулюх, Ерси, Гехнах, Майрага, Хюмейди и др., что у них земли гористые, изобилуют хорошим лесом, что они сеют пшеницу, «сарачинское пшено», ячмень, разводят множество плодовых деревьев в садах. По сведениям этого источника табасаранцы прежде управлялись собственными своими беками под главным влиянием майсума и кадия, а с приходом царских

¹ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 219.

² Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 341-348.

³ Там же. С. 348.

⁴ Там же. С. 344.

¹ Там же. С. 346-347.

² Там же. С. 381.

чиновников оказались «в непосредственном распоряжении дербентского коменданта».¹

Более подробное описание Табасарана в 1831 г. оставил П.Ф.Колоколов, обративший внимание на его пространства, границы, горы, воды, климат, на его основные занятия населения, на его веру, правление, подати, военные силы, торговые пути.²

В плане нашего исследования особый интерес вызывают сведения П.Ф.Колоколова о торговле табасаранцев. Он писал, что «табасаранцы ведут торговлю большею частью с Дербентом, с вольными народами Каракайтах и Кубачи. Они сбывают нарушну (?), паласы, ковры, также баранов, масло, сыр и мед. Из Дербента получают соль и бумажные ткани. Из Каракайтага получают вещи, приобретенные хищничеством, из Кубачи – огнестрельное и холодное оружие».³

Отметим, что П.Ф.Колоколов обратил внимание на то, что торговля носила больше меновой характер («сменою»), так как собственных денег табасаранцы никогда не имели, между ними употреблялись так называемые ханские деньги, но они принимали и российскую монету, отдавая предпочтение российским серебряным рублям.⁴ Мы же отметим, что из этих серебряных монет тогда делали модные женские украшения (мониста) и т.д.

Важную работу по изучению и освещению торгово-экономических связей Табасарана и Дербентского ханства проделал известный дагестанский историк М.Р.Гасанов. В его вышедшей в свет еще в 1978 г. работе «Из истории Табасарана XVIII-нач. XIX в.» показу взаимоотношений табасаранцев с соседними народами отведен специальный параграф, где он обратил внимание на то, что табасаранцев с соседними народами Дагестана, а также Закавказья связывало «множество путей сообщения»: Хучни – Хапиль – Датиль – Ерс; Хучни – Хели-Пенжик – Марага – Дербент; Черс – Сыртыч – Дербент.⁵ Основательно прослежена им и трасса пути из Дербента в Табасаран через с. Хучни. По наблюдениям М.Р.Гасанова другая дорога

¹ Ковалевский М.К. и Бларамберг И.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 311-312.

² Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 313-318.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII-нач. XIX в. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978. С. 77.

шла через Карчаг из Дербента в Хучни по маршруту: равнина Дузлагчул – долина Марага Камым – Марага Хели – Пенжи – р. Рубас – гора Зепак Ерум – Цанак – Цухдиг – Рукит – р. Чардырчай – сел. Хучни. Другая дорога из Дербента вела в Табасаран через Карчаг: равнина Колаган – гора Поласа – долина Сюгют – Иман Кулимент – долина Эпер – Карачаг – Зизик – Варта – Черс – Куярик.¹

Все это свидетельствует о том, что народы Дагестана, в том числе табасаранцы не отгораживались друг от друга, а стремились расширить и укрепить торгово-экономические и политические взаимосвязи, что было в общих их интересах.

По этой и другим дорогам из табасаранских сел в общедагестанский экономический оборот поступали ковры, сукна, изделия из дерева.

Вопросы взаимосвязей Табасарана с другими феодальными владениями затрагивались и автором данной работы в «Исторической географии Дагестана XVII-начала XIX в.» (Махачкала, 2001. Кн. II), изданной в соавторстве с Б.Г.Алиевым. Исследуя и сравнивая имеющиеся по интересующим нас вопросам данные, мы пришли к выводу о том, что «дорожно-транспортная сеть в Табасаране в XVIII в. была все еще развита слабо, проезд через Табасаран на южную сторону Дербента, обходя дербентские ворота, был весьма сложен во всех отношениях. Тем не менее в особых случаях достичь это все же было возможно, как это сделали российские войска в 1796 г.»²

При этом необходимо подчеркнуть, что дороги через Табасаран были весьма труднопроходимыми и ими пользовались в особо критических условиях, чтобы обойти Дербент, о чем достаточно уже сказано.

По мнению М.Р.Гасанова в XVIII-нач. XIX в. наблюдался процесс распространения изделий табасаранских кустарей по Дагестану, Северному Кавказу и Закавказью.³ В наиболее тесных связях табасаранцы находились с лезгинами, даргинцами, азербайджанцами, агулами, татами; табасаранцы продавали ковры, паласы, изделия из дерева, посуду; в лезгинских селениях табасаранцы покупали зерно, в агульских – шерсть, кожу и т.д.; верхнекайтагцам табасаранцы поставляли ковры, паласы, сушеные фрукты. Жителям нижнекайтагских сел табасаранцы

¹ Там же. С. 78.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 145.

³ Там же.

продавали сельхозорудия, веревки, ковры, деревянные изделия (ложки, подносы).

В то же время табасаранцы покупали у соседних народов оружие, предметы ювелирных украшений, домашнюю утварь, сыр, сушеное мясо, масло, шерсть, огнестрельное и холодное оружие у кубачинцев, харбукцев, зерно и фрукты – у лезгин. Изделия домашних промыслов (ковры, паласы) жители табасаранских аулов продавали в Дербенте, где сами приобретали обычно зерно, рис, шелк, соль, сладости.¹

Табасаран имел торговые связи и с Лакией. В Табасаране лакцы покупали зерно, а сами продавали изделия своих промыслов. Чаще всего в качестве эквивалента при торговом обмене выступали скот (овцы) и металлические изделия (медные котлы).² М.Р.Гасанов обратил внимание и на то, что Дербент в рассматриваемый период продолжал играть роль активного посредника во взаимоотношениях Табасарана с другими дагестанскими феодальными владениями.³

М.Р.Гасановым приведены сведения из источников, свидетельствующие о важной роли Дербента в развитии межэтнических торговых контактов не только в Дагестане, но и на всем Кавказе.⁴ Российский источник, на который ссылается М.Р.Гасанов, утверждает, что: «Важнейшая торговля Дербента производится с Астраханью и состоит в отправлении туда марены, кубинского и ширванского шелка, кубинских и табасаранских ковров и паласов, сарачинского пшена, грецких и миндальных орехов, кишмиша, кизила, мехов: куньих, лисьих, волчьих и других».⁵ Далее в работе М.Р.Гасанова следует утверждение, что «по данным документа, табасаранцы изделия свои доставляют отчасти в Дербент, а частью сухопутно в Баку, где взамен получают нефть, соль, российские товары».⁶

Трудно не согласиться с М.Р.Гасановым, когда он подчеркивает, что «следствием торгово-экономических и политических взаимоотношений табасаранцев с остальными дагестанскими народами являлось взаимовлияние в области материальной культуры... Наиболее четко взаимовлияние табасаранцев с

соседними народами прослеживалось по одежде, предметам украшения и домашнего обихода», в ковроделии, в архитектуре, фольклоре¹ и т.д.

Все эти затронутые в цитируемом здесь труде М.Р.Гасанова вопросы несколько шире освещены им и в «Очерках истории Табасарана», опубликованных в 1994 г., в которых тоже есть параграф, названный «Взаимоотношения с соседними народами». В нем подчеркивается, что «постоянная внешняя опасность и междоусобная борьба диктовала владельцам Табасарана объединиться и крепить взаимоотношения с правителями соседних владений... Так, например, кадий табасаранский и уцмий кайтагский объединились для борьбы против кубинского хана».²

Далее М.Р.Гасанов пишет, что большой интерес представляет «письмо уцмья Рустем-хана и Рустем-кади Табасарана к Али Султан-хану, в котором он извещается, что они ознакомились с требованием о передаче Мушкурского магала, Худата и 2 тыс. туманов Гасан-хану и в случае препятствий со стороны Шихали-хана отойдут от него вместе с шамхалом. Изъявлена готовность послать на помощь войско».³ Из этого письма, относящегося к концу XVIII-началу XIX в., вытекает, что правитель Табасарана находился в связях с шамхалом.⁴

Приведены в цитируемой работе и сведения о связях правителей Табасарана с казикумухскими ханами. В частности, интерес в этом плане представляет донесение (1798 г.) командующего войсками на Кавказской линии И.И.Маркова, в котором говорится, что «шамхал с братом своим Шебазом назад тому дней 10, собрав из владения своего подданных и пригласив с собою акушинцев, унцукульцев, араканцев, гимринцев, чиркейцев и цудахарцев, к коим присоединились кайдакцы, табасараны и казанищевцы, пошел к сообщению с дербентским Ших-Али-ханом против казикумуцкого Хомбутая и сына его

¹ Гасанов М.Р. Из истории Табасарана... С. 84-86.

² Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. С. 230.

³ Там же; Мирзамагомедов Г.М. Из эпистолярного наследия народов Дагестана // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978-1979 гг. (тезисы докладов). Махачкала, 1980. С. 49.

⁴ Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана... С. 230.

¹ Там же. С. 79.

² Там же.

³ Там же. С. 80.

⁴ Гасанов М.Р. Из истории Табасарана... С. 80.

⁵ Обзорение Российских владений за Кавказом... Ч. IV. С. 181.

⁶ АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 859.

Нохи, овладевших с войском своим гор. Кубой, принадлежащим Ших-Али-хану дербентскому».¹

Не менее интересно в этом плане и письмо Сурхай-хана казикумухского кадию Табасарана Муртазали, в котором говорится, что он хочет жить «... с правителями Табасарана в дружбе и братстве».²

В свете сказанного кажется довольно убедительным вывод, что табасаранцы в XVIII-нач. XIX в. поддерживали разносторонние связи с соседними народами Дагестана и Закавказья и эти связи были взаимовыгодными и оказывали благотворное влияние на различные сферы их экономической, политической и культурной жизни.³

Эти контакты с соседними народами давали возможность табасаранцам решать многие их хозяйственно-экономические проблемы. По сути дела они вписывали Табасаран в формировавшееся в изучаемый период единое хозяйственно-экономическое пространство Дагестана.⁴

в) Место Цахурского (Елисуйского) султанства в экономических взаимоотношениях народов и феодальных владений Дагестана в XVIII-нач. XIX в.

Осветить торгово-экономические отношения цахуров с внешним миром в рассматриваемый период довольно сложно. Трудность решения этой задачи кроется в ограниченности имеющихся в источниках сведений по этому вопросу. Тем не менее, имеющиеся, даже скудные данные источников позволили мне с Б.Г.Алиевым вместе утверждать, что «цахуры имели торгово-экономические связи с соседними народами Дагестана. Они посещали базары Ахтов, Кумуха, Хучни, Кубы, которые собирались регулярно».⁵ Но еще ранее это обстоятельство было отмечено Х.Х.Рамазановым и А.Р.Шихсаидовым, писавшими в 1964 г., что «в Дербенте и в таких крупных населенных пунк-

¹ Там же; Русско-дагестанские отношения в XVIII-нач. XIX в. М., 1988. С. 245.

² Мирзамагомедов Г.М. Указ. соч. // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978-1979 гг. Махачкала, 1980. С. 49.

³ Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана... С. 231.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 145.

⁵ Там же. С. 180.

тах, как Ахты, Кумух, Хучни, Цахур, Куба, были регулярные базары, куда прибывали жители различных областей Дагестана. Жители Дербента поставляли пшеницу, рожь, просо, марену, различные садовые и огородные культуры, изделия ремесленников; цахуры, рутульцы, аварцы, даргинцы и лакцы поставляли в основном продукты животноводства, а также ремесленные изделия».¹

Согласно имеющимся данным, цахурские, рутульские и агульские села были связаны между собой и с лакскими и аварскими селами знаменитой внутрдагестанской трассой: Самур – Кумух – Чох – через Аварию в Чечню.²

Цахурское владение, хотя оно в территориальном отношении было невелико, играло важную роль в экономической жизни своего региона и всего Южного Дагестана. Оно располагало достаточно богатой для своего времени экономической (сырьевой) базой, особенно животноводческой продукцией, которая производилась в относительно избыточном количестве, в обмен на которую жители султанства могли приобрести зерно, соль, хлопчатобумажные и шелковые ткани, нефть для освещения и др. товары. Своеобразие экономики султанства было в том, что оно охватывало южные (азербайджанские) и северные (дагестанские) склоны Кавказского хребта. Зиму их скот проводил в Азербайджане, а лето – в Дагестане. Так создавалась хозяйственно-экономическая смычка экономики не только внутри Дагестана, но и между Азербайджаном и Дагестаном.

Исследователи обычно среди известных центров (Микрах, Ахты, Пиркент, Рутул, Шиназ и т.д.) ковроткачества, сукноделия и изготовления множества необходимых для хозяйственного обихода изделий из овечьей шерсти в Южном Дагестане называют и с. Цахур³ - резиденцию цахурских правителей – султанов. Они в принципе ведением собственного хозяйства не занимались особо. И их связи в экономическом отношении не были столь обширными, например, как у шамхалов тарковских или уцмиев кайтагских. Но все же и они, вернее их подвластные, поддерживали экономические связи с Казикумухским ханством, которое было ближе других феодальных владений Дагестана расположено к Цахурскому султанству.

¹ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории... С. 118.

² Там же. С. 90, 119, 144.

³ Там же. С. 118, 142.

В Казикумухе в те времена периодически собирались торговцы из различных областей Кавказа, а также из обществ Нагорного Дагестана. Казикумух стал и был основным местом сбыта их животноводческой продукции и изделий домашних промыслов.

Казикумухский базар собирался по четвергам. На него сходились жители лакских селений, аварцы, даргинцы, агулы, цахуры. На этот базар фрукты возили из Хаджал-махи, Гергебиля, Голотля, хлеб, соль, нефть – из плоскостных сел, а сами кумухцы выносили на базар войлоки, сукна, бурки, сыр, оружие, разные мелкие изделия из серебра¹, отдельные виды продуктов.

На этот базар из Аварии доставляли строительный лес, мясо скот, масло, из предгорных сел (Н. Дженгутай, Губден) – зерно, из сел Кумыкской плоскости – арбузы, виноград, даргинцы везли выделанные кожи, сукна, урбеч; арчинцы – масло, сыр, из Закатал – рис, фундук.¹

Полевой материал, собранный как в лакских, так и в цахурских и рутульских, а также в даргинских селах, свидетельствует о важной роли казикумухского базара в частности для жителей цахурских и рутульских селений, не говоря уже о даргинских и аварских селениях, особенно же о цудахарцах, в жизни которых и свой базар, собиравшийся по пятницам, и кумухский базар играли жизненно важную роль. Кстати, эти базары играют важную торгово-экономическую роль и в нынешних условиях.

г) Кюринское ханство в системе экономических взаимосвязей феодальных владений Дагестана

Видимо было бы несправедливо обходить вопрос о роли в экономических взаимосвязях владений Южного Дагестана в XVIII- начале XIX в. и Кюринского ханства, история образования которого и приходилась к самому концу XVIII- началу XIX

¹ Воронов Н.И. Путешествие по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 38-39.

¹ Булатова А.Г. Лакцы. Махачкала, 1971. С. 78; Умаханов М.-С.К. Торговые центры Дагестана XVII-XVIII вв. и их роль в развитии товарно-денежных отношений // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 15

в.² Тем не менее, оно играло далеко не последнюю роль среди них, особенно в вопросах политического характера.

Однако вопросы образования этого ханства и т.д. достаточно полно освещены в исторической литературе.³ Поэтому в данной работе внимание акцентируется на том, что из себя представляла экономика Кюринского ханства и как она включалась в систему экономического сотрудничества феодальных владений Южного Дагестана.

Вопрос этот оказался для освещения довольно сложным. Основная трудность его – узость источниковой базы по освещаемым нами аспектам проблемы.

Естественно, что экономика и этого ханства, как и других феодальных владений Дагестана того времени, базировалась на земледелии, животноводстве и домашних промыслах его жителей.

В архивном источнике изучаемого времени об этом ханстве и занятиях его жителей подчеркивается, в частности: «хлебопашество... по низким горам и плоскостям и долинам производится с великим успехом: на полях сеют пшеницу, ячмень и в малом количестве сарачинское пшено – первые два по причине плодородной земли, урожаясь в великом изобилии, составляют главное упражнение и прибыток жителей».¹ Этот же источник подчеркивает, что часть урожая шла на продажу в Казикумух а также в феодальные владения Южного Дагестана.

Другим главным экономическим занятием кюринцев было скотоводство; разводили много овец и лошадей.²

Ремесла у кюринцев были развиты такие же, как и у жителей соседних лезгинских сел: сукноделие, ковроделие, вязание джурабок, веревок, платков, которые шли как на удовлетворение местных потребностей, так и на продажу.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 185-189; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 191-191.

³ Там же; Асланов Д.А. Социально-экономическое и политическое развитие Кюринского ханства в XIX веке. Автореф. дисс... канд.ист.наук Махачкала, 2000. – 25 с.; Манатилова З.З. Кюринское ханство и его вхождение в состав России. Автореф.дисс. ... канд.ист.наук. Махачкала, 2003. – 22 с.

¹ АКАК. Тифлис, 1873, Т. V. С. 135

² Там же.

Тесно были связаны кюринцы экономическими интересами с Дербентом, соседними табасаранцами. Политически они тяготели к Казикумуху, с которыми были связаны и экономически.¹ Как и жители других лезгинских сел, кюринцы занимались домашними промыслами, ковроткачеством, сукноделием, изготовлением вязаных шерстяных изделий. Часть их шла и на продажу в другие населенные пункты Южного Дагестана и Северного Азербайджана.

Отметим, что вывоз товаров кюринцев в разных направлениях облегчался наличием целой сети торговых путей. Особенно важную роль в экономической жизни жителей Кюринского ханства играла дорога до города Куба, с которым кюринцы были издавна связаны. От Кубы эта дорога шла через деревни Худад и Иманкули-кенд до Зиахура. Далее она шла к броду через р. Самур между Магарамкентом и Таиром. Потом она поворачивала на запад и шла по небольшому ущелью около 4-х верст. Далее путь шел через деревни Сальян, Хатаглу, Татархан, Кабир. Оттуда шел «ровный путь по р. Кюра-чай между гор», подошвы которых отстояли друг от друга на ружейный выстрел.²

И все же политические и экономические отношения между Кюринским и Казикумухским ханством очень были переплетены, оказывались неразрывно связанными. Царские власти прекрасно знали все это и успешно использовали в интересах своей колонизационной политики.

Особенно заметно все это отразилось в предписании ген. А.П.Ермолова от 14 февраля 1819 г. ген.-м. барону Вреде поддерживать вражду между Сурхай-ханом казикумухским и Аслан-ханом кюринским «скрытым образом».³ Чтобы держать казикумухцев под своим влиянием, Ермолов предписывал своему подчиненному, чтобы он разрешил им свободную торговлю с кюринскими селениями, так как «народ казикумухский не может обойтись без хлеба Кюринского ханства».⁴

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 191

² АКАК. Т. V. С. 155.

³ АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II. С. 8; Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. 2. Отд. IV. С. 24.

⁴ Там же; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. II. С. 188.

Жители Кюринского ханства были обложены с 1813 г. налогами в пользу казны в 3000 червонцев, 2500 четвертей пшеницы и 500 четвертей ячменя «на довольствие гарнизона, в крепости Курахе расположенного».¹

Приведенные сведения позволяют говорить о том, что Кюринское ханство принимало активное участие в экономических связях с соседними феодальными владениями Дагестана.

В плане нашего исследования весьма ценно указание Ф.Ф.Симоновича, что Казикумухское ханство «хлебопашеством... по суровому климату и каменистому положению не достаточествует, а скотоводством изобилует. Недостаток же хлеба... заменяет провинция Кура».² Иначе говоря, экономические взаимосвязи Кюры (Кюринского ханства) и Казикумуха (Казикумухского ханства) были продиктованы жизненной необходимостью решения основной экономической проблемы горских народов Дагестана – обеспечения каждой семьи необходимым до следующего урожая запасом зерна.

Это была довольно сложная проблема. И каждый год горцы решали ее разными способами. Основным из них было приобретение зерна в плоскостных и предгорных селах Дагестана в обмен на животноводческую продукцию и изделия домашних промыслов, распространенных практически во всех селениях Нагорного Дагестана.

Другим был путь приобретения зерна горцами у плоскостных жителей трудовым участием в уборке их урожая за определенную плату зерном.

Важно подчеркнуть, что горцы сполна отрабатывали на плоскости приобретаемый хлеб. Они никогда не были нахлебниками плоскостных жителей. Более того, их экономические связи с плоскостными жителями в тот период приобретали все более значимый – куначеский характер, становились регулярными.

Можно говорить о том, что все это вело к своеобразному разделению труда в Дагестане, когда на плоскости горцам отводилась определенная хозяйственно-трудовая роль: плоскостные землевладельцы при пахоте – посеве и уборке урожая учи-

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 191.

² Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 152.

ывали обязательно этот хозяйственный фактор, игравший важную роль при решении горцами проблемы зерна. Эти экономические контакты оказывали благотворное влияние и на политические взаимосвязи феодальных владений Дагестана в изучаемый период.

д) Зерновая проблема в торгово-экономических взаимосвязях феодальных владений Дагестана.

В последнее десятилетие много говорилось о необходимости суверенизации народов Дагестана, как об одном из главных условий их возрождения и развития и т.д. Иначе говоря, многие деятели наших «общественных национальных фронтов» так или иначе вели разговоры и политику на разъединение народов Дагестана. На мой взгляд, это неприкрытый ничем, кроме как красивыми фразами о «национальных, этнически исконных» землях, обычаях, «духовности», национализм, который ни к чему хорошему в конечном итоге не может привести.

В ходе исторического сосуществования на сравнительно небольшой территории народы Дагестана так оказались экономически, политически, культурно, а также семейно-бытовыми узами связаны, что вряд ли логично с точки зрения перспективы их дальнейшего развития поднимать вопрос об их разъединении даже во имя достижения каждым из них «суверенитета». Здесь мне не хотелось бы более глубоко ввязываться в эти политического порядка дискуссии. Мне хочется здесь остановиться лишь на самой главной связывавшей всегда народы Дагестана воедино проблеме их взаимосвязей, а именно на зерновой.

Суть ее заключалась в том, что жителям большинства горских сел ежегодно приходилось с начала уборки зерновых на плоскости и в предгорье отправляться в эту зону Дагестана и приобретать необходимое для прокорма своих семей до следующего урожая зерно или в обмен на продукцию животноводства или на изделия домашних промыслов, или покупать за деньги, или же нанимаясь на уборку за плату зерном. В целом так приходилось поступать жителям Аварии, Лакии, народам Южного Дагестана, даргинцам. Такая традиция переходила из поколения в поколение, порождая куначеские связи между народами Дагестана. Жители многих горных сел знали уже зара-

нее к кому и куда идти для приобретения зерна в предгорных и плоскостных селах.

Во избежание недоразумений, отметим, что и в горной части Дагестана были отдельные сельские общества, жители которых бывали обеспечены своим зерном и даже продавали часть его соседним обществам. Согласно полевым данным в таком положении находились жители сел Ругуджа, Салта, Тинди, Кванада, ряда дидойских сел. В урожайные годы своим урожаем бывали обеспечены и жители ряда даргинских сельских обществ союза Каба-Дарго.

В большинстве своем же жителям гор зерновую проблему приходилось решать ежегодно. Для подтверждения этого тезиса необходимо обратиться к историческим источникам, достоверность которых не вызывает сомнений. Так, И.-Г.Гербер в своем «Описании стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря» писал в 1728 г., что кайтагцы «пшеницею и ячменем удовольствуют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба... приезжают».¹

Острый недостаток в зерне ощущали аварские селения. По свидетельству автора первой трети XIX в. А.П.Щербачева, койсубулинцы выменивали соль и зерно на фрукты у жителей Мехтулинского ханства, земель шамхала и кумык.²

Хотя, по словам И.Ф.Бларамберга, «самый мизерный участок, пригодный для земледелия, превращался в пахатное поле или фруктовый сад»,³ острый недостаток зерна сказывался во всей Аварии. Ф.П.Скалон писал, что «в Аварии грунт земли вообще каменистый, требуется много труда для обрабатывания земли к посеву хлеба, но его недостает на прокормление самих жителей, не только на продажу».⁴

¹ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 83.

² Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства... // ИГЭД. С. 296.

³ Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 306-308; Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 256.

⁴ Скалон Ф.П. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. С. 277.

Положение с зерном тяжелым было и у жителей англратлинских обществ (Семиземелья), которые вынуждены бывали его приобретать в закатальских селах. Недостаток зерна ощущался в каралалских, андийских, гумбетовских и салатавских селениях. И все они вынуждены бывали приобретать его частично в плоскостном Дагестане, а частично в соседних областях Грузии или Чечни, куда отправлялись обычно целыми караванами. Но главным местом, где аварцы северо-западного Дагестана приобретали зерно, являлся эндерейский базар и другие кумыкские селения этой зоны.

Неблагополучно обстояло дело с зерном и у даргинцев. Только отдельные общества Каба-Дарго обеспечивали себя своим зерном и даже могли продавать его часть. Акушинцы приобретали его в Кайтаге, Тарковском шамхальстве, в Каба-Дарго.² Острый недостаток зерна ощущался в цудахарских селах из-за малоземелья. Им приходилось его выменивать на фрукты и на изделия ремесел у соседних народов. Кубачинцы, уркарахцы, аштынцы, кункинцы, верхнекайтагцы вынуждены бывали приобретать хлеб у жителей плоскостных сел разными способами.³ Тяжело обстояло дело с зерном и в Лакии. Как отмечено А.Г.Булатовой, «будучи малоплодородной», земля Лакии не могла прокормить население Лакии, которое в силу этого вынуждено было покупать зерно у лезгин предгорья, а также у кумыков, терекменцев.⁴ Согласно источнику XVIII в. «Казикумухская провинция... по суровому климату и каменистому положению хлебопашеством... не достаточествует», а «недостаток же хлеба в оной заменяет провинция Кура».⁵ Полевой материал также свидетельствует о том, что недостающее им зерно жители лакских сел приобретали в Нижнем Кайтаге, Табасаране, у ахтынских и кюринских лезгин или на кумухском базаре,

¹ Норденстам. Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. С. 324-327.

² Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. Махачкала. 1972. С. 55.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 75, 85; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 207.

⁴ Булатова А.Г. Лакцы. Махачкала, 1971. С. 17.

⁵ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.

куда его доставляли жители предгорных и плоскостных сел для продажи.

У верхнетабасаранцев также не хватало своего зерна, так как у них «почва земли не весьма плодородна».¹ По полевым данным, своего хлеба на год не хватало жителям сел Хурик, Хилипенджи и др. сел горного Табасарана. Они приобретали зерно в терекемейских селах (Великент, Падар, Салик и др.), а также в нижнем Табасаране, который являлся «житницей не только для агульцев, рутульцев, цахуров, но и для соседних горских народов»,² в частности кайтагцев.

Зерновую проблему приходилось решать и другим народам Южного Дагестана. И.-Г.Гербер сообщал, что жители Алтипаринского, Ахтипаринского, Докузпаринского и Рутульско-го союзов сельских обществ, кризы, хиналугцы и т.д. имели нужду «в хлебе, который они меняют скотиною в Кубе».³ Согласно полевым данным, жители высокогорных сел Борч, Хнов, Хкем, Куруш, Курах, Шимихюр, собственно Рутула приобретали частично зерно в Касумкенте, т.е. у кюринских лезгин. У них же часть зерна приобретали агулы.⁴ Жители агульских сел Рича, Тпиг, Буркихан, Дуруштул, Арсуг, Худиг, Буршаг недостающее им зерно приобретали в Табасаране, Касумкенте или в районе Дербента.

Основными зерновыми рынками во внутреннем Дагестане являлись кумухский, цудахарский, дженгутайский базары, на которые сходились представители многих этнических групп населения. Особенно славился кумухский базар традиционно созывавшийся по четвергам и собиравший, кроме лакцев, аварцев, агульцев, даргинцев и даже дженгутаевских кумыков, доставлявших в основном зерно для продажи. Аварцы, даргинцы, лакцы и кумыки сходились и на цудахарском базаре, собиравшемся по пятницам.

В предгорном Дагестане зерно продавалось в Карабудахкенте, в Губдене, Доргели, терекемейских селах, Маджалисе, Касумкенте, Каякенте, Аксае. Но самыми зерновыми считались

¹ Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 314.

² Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 139.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77-81.

⁴ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 139.

эндирейский, кизлярский, таркинский и дербентский базары. Каждый из них имел первостепенное значение для жителей ближней к ним зоны. На них в обмен на продукты животноводства, изделия домашних промыслов или за деньги жители горного Дагестана приобретали зерно, везли его домой, сушили, мололи и т.д. Для народов Южного Дагестана приоритетное значение имел рынок Дербента, где сходились представители и других народов Дагестана, Северного Азербайджана и т.д.

В Среднем Дагестане важна была роль Тарков, как торгового центра. На таркинском базаре встречались главным образом кумыки, аварцы, даргинцы, лакцы и т.д. Этнически пестрым и значимым был базар в Эндери, на который сходились со своими товарами аварцы, кумыки, ногайцы, чеченцы и т.д. Все они принимали активное участие в торговом обмене, встречались, знакомились. В поисках зерна и других товаров туда добирались и даргинцы.

Обычно, в обмен на зерно шли мед, урбеч, мясо вяленое, масло, сыры, овечьи сало и курдюки, шкуры и кожи. Если товары не удавалось реализовать путем прямого обмена, в качестве промежуточного эквивалента употреблялись овцы, медные котлы, ткани, драгоценные металлы, ювелирные украшения, дорогое оружие. Эти вещи везде пользовались спросом и их в нужный момент легко было обменять на необходимый товар, будь то зерно или что-нибудь другое.

В Дагестане во все времена функционировали два основных потока или направления товаров: с гор на плоскость шли мясо, мясные изделия, скот (овцы), масло, сыры, кожи и шкуры, овчины, шубы, папахи, войлоки, сукна, керамические изделия, ювелирные украшения, оружие и металлические изделия. С плоскости в горы шел встречный поток товаров, в первую очередь, зерно, мука, рис, соль, нефть, шелковые и прочие ткани, шафран, пряности, фрукты, ковры, сумахи, стеклянные изделия и т.д. Иначе говоря, в товарообмен были вовлечены практически жители всех зон Дагестана, все его народы. При этом следует подчеркнуть, что этот товарообмен был необходим для жителей как горной, так и плоскостной частей Дагестана, поскольку никто никому даром ничего не давал, а путем такого обмена решались проблемы зерна и соли для горцев, а также мяса, мясных изделий и т.д. для жителей плоскостных

сел. Важную роль играло и использование труда горцев в пахоте и уборке урожая в плоскостной зоне.¹

Таким образом, жители разных естественно-географических зон Дагестана в силу исторически сложившихся типов хозяйства нуждались в результатах хозяйственной деятельности друг друга и оказывались вовлеченными в торгово-обменные, а позднее и в товаро-денежные отношения. Все это, естественно, способствовало их экономическому, политическому и культурному сближению, их общей интеграции, выработке у них доброжелательного отношения друг к другу, готовности прийти на помощь в трудные периоды жизни или в минуты опасности независимости Дагестана в целом.

И все же не все горцы из-за отдаленности их от «зерновых» зон Дагестана могли приобрести зерно в Дагестане и сбыть изделия своих промыслов. Это они легче могли сделать в более близких к ним областях Азербайджана, Грузии и Чечни. Взаимовыгодность экономических контактов для всех сторон являлась основным условием функционирования этих связей в прошлом. Думается возрождение и дальнейшее развитие этих внутрیداгестанских и дагестано-грузинских, дагестано-азербайджанских и дагестано-чеченских экономических, и соответственно, культурно-политических взаимосвязей является более взаимовыгодным, перспективным делом, чем их прекращение под разными малозначительными предложениями. Торгово-экономические связи и пути самого малого значения, по которым осуществляются эти контакты, являются стимулом для сближения народов, что особенно важно в наше полное межэтнических конфликтов и противоречий время. Особенно это важно для многонационального Дагестана, судьбы народов которого переплетены столь многими узлами, что и трудно представить тяжелые последствия их разрыва, даже под самыми благовидными предложениями.

¹ Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX-нач. XX в. М., 1990. С. 41.

**е) Состояние торговых путей и их значение в развитии
торгово-экономических взаимосвязей между феодальными
владениями Среднего Дагестана**

Этот вопрос довольно сложен, ибо в известных уже источниках изучаемого периода очень мало сведений о состоянии, покрытии, поверхности торговых путей, переправ и мостов на них. Мало сведений и о способах и средствах транспортировки грузов – товаров по дорогам равнинного или плоско-стного Дагестана, по предгорным и высокогорным дорогам или трассам, не всегда проходимым даже верховым транспортом. Спасало в этой ситуации то, что товары – грузы, перевозившиеся по этим узким дорогам, а иногда и тропам, не отличались громоздкостью, как правило, бывали малогабаритными, их можно бывало увязывать во вьюки, тюки и перевозить в хурджилах на лошадях или ишаках. Можно сказать, что состояние дорог или торговых путей Дагестана XVIII в. отражало собственно уровень развития его производительных сил, в частности способов производства.

Основные направления торговых путей, проходивших с юга (Дербент) на север (Тарки, Эндирей, Кизляр) Дагестана по его прибрежной части, а также путей, связывавших в изучаемый период политические образования горного и равнинного Дагестана, нами уже выше были охарактеризованы. Поэтому здесь обратим внимание лишь на имевшиеся на этих дорогах мосты и переправы через горные реки.

В современном понимании шоссейных дорог в XVIII – нач. XIX в. на территории Дагестана не было. Естественно, в плоскостной и предгорной частях Дагестана многие союзы сельских обществ и феодальные владения были связаны целой сетью дорог разного состояния и значения. В зависимости от местных естественно-географических особенностей эти дороги бывали разной ширины, на них имелись мосты деревянные или каменные; они имели грунтовые насыпи и покрытия, но больше они проходили по склонам гор, как бы повторяя пути рек, вдоль берегов которых они проходили, многократно переходя с одного берега на другой и в конечном итоге сливаясь в единую сеть дорог, хорошо ли, плохо ли соединявших воедино все по-

литические образования, в их числе и феодальные владения Дагестана.

Этот вопрос в какой-то мере затрагивался нами еще в статье, опубликованной в 1984 г. и в которой отмечалось, что «не все торговые пути или трассы средневекового Дагестана имели одинаковое значение. У одних из них было международное, у других – общедагестанское, у третьих – чисто локальное значение. Различным было и состояние этих путей. Отдельные из них, удобные в весенне-летнее время, зимой становились труднопроходимыми или вовсе перекрывались. Торговые пути предгорного и приморского Дагестана были пригодны для колесного транспорта – ароб, телег. В горах же дороги были узкие и удобные для верховой езды и вьючной транспортировки грузов».¹

Тогда же нами писалось, что «для поддержания торгово-экономических связей между народами, населявшими плоско-стную часть Дагестана, а также для общения народов Северного Кавказа и Дагестана издревле важное значение имела сухопутная трасса волжско-каспийского торгового пути, по которой в XVII в. шла интенсивная торговля между европейскими странами, Россией и странами Закавказья, с Ираном. Этим же путем пользовались русские и иранские дипломатические посольства в XVII-XVIII вв.»² Этот путь был описан еще в 1623 г. русским купцом Федотом Котовым, писавшим о том, что «от Астрахани до Терка, и от Терка до Астрахани сухой путь есть же». Далее он сообщал, что «ходят степью в станицах, а от Терка до Быстрой реки день ходу на вьюках... А от Быстрой реки день ходу до реки Сунши, а через реку Суншу брод. От Сунши ходу день до Меньшого Аксяя... От Меньшого Аксяя до Большого Аксяя полдни ходу. От Большого Аксяя до Койсу реки ход день или полтора... От Койсу день ходу до Тарков... От Тарков три дни ходу до Дербеня».³

¹ Умаханов М.-С.К. Торговые пути Дагестана в XVII-XVIII вв. // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане // Сб. статей. Махачкала, 1984. С. 149.

² Там же.

³ Котов Ф. Хождение купца Федота Котова в Персию. М.: Изд-во вост. лит-ры. 1958. С. 34.

По его сведениям, «через реку Суншу брод и перевоз стругами» имелись. Броды были и на реках Сунжа и Аксай. Но реку Койсу вброд невозможно было перейти. И у устья реки функционировал «перевоз в стругах и в паромах», а далее шла дорога «берегом возле моря и на телегах». От Тарков в Дербент дорога шла через Буйнак, владения уцмия кайтагского «на выюках промеж гор и моря ровным местом».¹

Этим путем пользовались и дагестанские торговые люди для транспортировки своих товаров с юга на север, в частности из Дербента в Тарки, Эндирей и обратно.² Феодалы Дагестана очень внимательно следили за тем, что происходило на трассе этого международного пути, который из Терков через Тарки проходил до Дербента за 8 дней езды. С открытием этого пути в торговый обмен России с Востоком активно включились и феодальные владетели Дагестана. Кроме того, феодальные владетели Дагестана еще в XVII в. брали с проезжающих через их владения восточных и русских купцов пошлины, обычно натурой, например «со выюка по киндяку да по бязи лошеной» или «со выюка по 3 киндяка», благодаря чему в их руках скапливались восточные товары.³ Эти правила действовали и в XVIII-нач. XIX в. Поэтому феодальные правители плоскогорной части Дагестана, через земли которых проходили торговые караваны или посольства, сопровождали их сами или давали охрану проезжавшим караванам или послам для сопровождения их до границ следующего феодального владения. В этом легко убедиться, ознакомившись со сведениями А. Лопухина, проезжавшего в 1718 г. через Дагестан, начиная с Дербента и до р. Терек на севере.⁴

В 1728 г. И.-Г. Гербер дал последовательное описание народов и мест, встречавшихся на этом пути при движении с севера (от Терки) на юг (в частности до Дербента).⁵

¹ Там же. С. 34, 70.

² Умаханов М.-С.К. Указ. соч. // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане... С. 150.

³ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 297, 303-304.

⁴ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 7-33.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 60-87.

Нередко с караванами иноземных купцов по этому пути шли и дагестанские торговые люди. И здесь отметим, что нет никаких сведений об оплате дагестанскими торговыми людьми пошлин за свой проезд через феодальные владения плоскогорного Дагестана.¹ Видимо, с местных торговцев пошлин не брали.

Издавна функционировал и другой торговый путь, но уже общедагестанского значения. Он проходил по внутреннему Дагестану с самого юга до степей Северного Кавказа.

Он был впервые описан Б. Маллачихановым,² отмечавшим, что «трасса этого «чрезвычайно важного стратегического пути с юга на Северный Кавказ в обход Дербента и всей приморской узкой полосы» шла по долине реки Самур через Курах с выходом на Хосрех, оттуда на Кумух, далее трасса продолжалась к Чоху, откуда она шла в Гидатль. От Гидатля мимо селений, расположенных на берегу Андийского Койсу, дорога вела в Чечню. Этим путем в свое время воспользовались войска Надир-шаха, которые через Кумух подошли к Чоху, а Чулак Сурхай от Надир-шаха бежал в Гидатль к Ибрагим-хаджи урадинскому.³ В начале XIX в. по этой трассе из Азербайджана и Дербента в горные селения Дагестана верблюжьими караванами и на лошадях доставлялись нефть и другие товары.

Х.-М.О. Хашаевым описаны были пути сообщения в Дагестане в XIX в. Это дороги через Ахты, Нуха до Баку; через Кумух в Закаталы; через Бежта в Кахетию; через Анди в Харачой (Чечня); в Терскую область; через Чирката, Аргвани, Буртунай в Хасавюрт; через Гимры, Верхний и Нижний Каранай в Темир-Хан-Шуру; через Аракани в Дженгутай; через Левашы, Дженгутай в Темир-Хан-Шуру; через Левашы, Дешлагар, Каякент в Дербент; через Кумух, Хосрех, Касумкент в Дербент; через Уркарах, Маджалис в Дербент; Дербент – Ахты – Нуха; Ахты – Куба – Старая Шемаха – Баку.⁴

¹ Умаханов М.-С.К. Указ. соч. // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане... С. 150-151.

² Маллачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане... // Уч. зап. Ин-та ИЯЛ ДФ АН СССР. Серия историческая. Махачкала, 1965. Т. 14. С. 187.

³ Умаханов М.-С.К. Указ. соч. // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане... С. 151-152.

⁴ Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 110.

О проходимости внутридагестанских дорог и препятствиях, встречавшихся на них, источники XVIII в. содержат не очень богатые сведения. Так, автор конца XVIII в. Д.И.Тихонов писал, что «к вольным цудахарцам... только с трудностью можно проехать верховой ездой», а «с повозками не было никакой возможности».¹ Позднее Ф.И.Гене назвал дорогу между Цудахаром и Кумухом довольно неудобной.²

Источник XVIII в. свидетельствует, что к селу Гимры («Кимра») был «проезд трудной, телегами ездить никак нельзя» было, «верхами ехать несвободно ж точно пешему в один человек, а лошадь за собою вести».³ Таким же был в то время путь и к Унцукулю.⁴

Сложен, опасен и труднопроходим был объездной путь с севера через Табасаран на южную сторону Дербента, по которому в 1796 г. царские войска во главе с генерал-поручиком Булгаковым прошли, чтобы обложить Дербент с южной стороны.⁵ Труднопроходимой даже для лошадей и страшной для «путешественников» была дорога, пройденная в 1828 г. Хрисанфом из Эндирея через салатавские селения Хубар, Гертма, Чиркей, Зубутли, Чирката, Цатаних в резиденцию аварских ханов Хунзах.⁶

Сведения о дорогах, соединявших плоскостные и горные селения Дагестана в начале XIX в., оставили и российские чиновники Р.Ф.Розен⁷ и А.П.Щербачев.⁸ На любой горной дороге можно было тогда встретить как удобные для проезда верхом, так и трудные спуски и подъемы, края пропасти и т.д. Всех невозможно охарактеризовать. Все зависело от характера рельефа местности, через которые проходили пути.

Источники XVIII-начала XIX в. свидетельствуют о том, что имелись в Дагестане и хорошие дороги. «Свободный про-

¹ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД.

² Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане. 1835/1836 гг. // ИГЭД.

³ Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 123.

⁴ Там же.

⁵ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 154; Он же. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С. 198.

⁶ Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 265

⁷ Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 290

⁸ Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 297-298.

езд и большая дорога» имелись возле деревни Буйнак.¹ Селения Губден, Карабудахкент, Гелли, Дургели, Дженгутай, Буглен, Верхнее Казанище, Нижнее и Верхнее Эрпели, Кафыркумук, Капчугай, Эндирей, Аксай располагали хорошими дорогами, к ним можно было проехать «верхом и телегами».² Такой же проезд был к Костеку, Чиркею, Какашуре.³ Колесные дороги соединяли селения Урахи и Мулебки, Урахи и Гамри, а колесная дорога через Гамри вела в Утамыш, Башлы, Дербент и далее.⁴

Практически ни одно феодальное владение Дагестана в XVIII-начале XIX вв. не было изолировано от остальных феодальных владений, каждое из них имело по хорошим или плохим путям связи с остальными народами Дагестана.⁵

Очень важную роль в поддержании дорог в хорошем эксплуатационном состоянии играло наличие на них мостов через горные реки, которые в период дождей превращались в непреодолимые потоки воды, камней и грязи. В горах Дагестана знали цену хорошим дорогам и каждое сельское общество придавало большое значение возведению мостов, которые бывали самых разных размеров и конструкций (каменные и деревянные, одноарочные и многоарочные) в зависимости от важности торгового пути, ширины и глубины рек, через которые они прокладывались.⁶

Нередко же жители сел, возводившие мосты, сами их и разбирали, чтобы не дать неприятелям подобраться к их селу. Так, в частности, поступали жители села Бедюх (Бедух), по сообщению И.-Г.Гербера.⁷

Особенно важное значение имели мосты через реки Самур, Койсу, Сулак, которые без мостов практически были непроходимы почти в течение целого года из-за бурного течения и глубины, отсутствия удобных бродов и переправ.

¹ Еропкин Д.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 121.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 122-124.

⁴ Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. С. 82-83.

⁵ См.: Умаханов М.-С.К. Указ. соч. // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане... С. 151-157.

⁶ Там же. С. 157.

⁷ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 80.

О существовании мостов в горном Дагестане через реки, в частности на р. Койсу источники XVIII-начала XIX в. сохранили немало сведений. Так, упоминавшийся ранее Хрисанф, описавший совершенный им и его спутниками путь из Эндирея до Хунзаха, через салатавские селения, отмечал, что, не доезжая до с. Ихали, «через реку Койсу имеется деревянный мост».¹ Д.Ф.Еропкин в 1732 г. писал о мостах через р. Койсу у села Чиркей.² О возведении каменного моста через реку Чирах-чай на дороге между Тпигом и селением Рича еще в 1612 г. сохранились достоверные сведения.³

Ранее нами были опубликованы сведения о существовавших в XVIII-нач. XIX в. мостах через ряд рек Дагестана. Так, если говорить о дороге по приморскому Дагестану, то при переходе через реку Манас имелся «исправной мост шириной в 6 сажен, называемый Аджикурен».⁴ Мосты имелись на трассе Дербент - Кизляр через реки Большой и Малый Буам у их впадения в море.⁵

Крепкий мост был сооружен у с. Ахты на реке Самур.⁶ Трехарочный мост имелся на р. Рубас.⁷ На Казикумухском Койсу был известен каменный мост у с. Кумух. На том же Койсу имелись «еще замечательные, с давнего времени построенные два каменных моста». Один из них был в двух верстах ниже старого Цудахара на пяти арках. Другой из них был возведен у села Хаджлмахи на одной арке. Имелся мост через Койсу и у его выхода из Лакии к даргинцам (между Цудахаром и Кумухом). На этом же Койсу у с. Шаукралю имелся прочный мост из тесаного камня на одной арке, удобный для следования колесных тяжестей.

На этой же реке до с. Гергебиля был сооружен целый ряд деревянных мостов от 4 до 6 саженей длиной.⁸

¹ Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 268.

² Еропкин Д.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 124.

³ Рамазанов Х.Х., Шихсайдов А.Р. Очерки... С. 91.

⁴ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 127.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ Гене Ф.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 343.

⁷ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 141.

⁸ Умаханов М.-С.К. Указ. соч. // Древние промыслы... С. 158-159.

Через Андийское Койсу имелся мост у селения Ботлих. Были мосты у Чиркея, у Чиркаты.¹ Практически каждое село имело 1-2 моста через протекавшие по их территории реки и речки, имевшие локальное значение.

На больших реках у оживленных переправ существовали перевозы. В частности, А.Лопухин в 1718 г. писал, что он и его спутники «переезжали» реку Сулак «от моря верстах в двух в лодках».²

Для полноты картины развития средств транспортировки товаров в изучаемый период из Южного Дагестана в Северный и наоборот необходимо отметить, что часть товаров из Южного Дагестана (Дербента) в Северный Дагестан (Тарки) перевозилась также морским путем на лодках, стругах, бусах и полубусах, как тогда называли торговые суда, обслуживавшие морскую трассу Астрахань – Терки – Дербент.³ По сведениям А.Лопухина у Тарков имелась «пристань к берегам с моря нужная», куда приставали «суда тутошних торговых жителей».⁴ Однако особого развития в изучаемый период морская торговля в Дагестане не получила, так как Каспийское море очень бурное и корабли той эпохи часто тонули во время штормов на море или их выбрасывало на берег, где они подвергались грабежу и т.д.

В целом же экономические связи феодальных владений Дагестана в XVIII-нач. XIX вв. были многосторонними, полезными и выгодными для всех сторон. Они помогали жителям феодальных владений Дагестана решать ежегодно главные жизненные проблемы – проблемы сбыта продукции их хозяйства и приобретения нужных им товаров (зерна, соли, нефти, оружия, украшений, одежды и т.д.).

¹ Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 265-266.

² Лопухин А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 58.

³ Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения... С. 99.

⁴ Лопухин А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 57.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя краткие итоги написанному выше, необходимо отметить, что в данной работе поднят очень сложный вопрос истории феодального Дагестана; в ней автору пришлось охарактеризовать в общей сложности более десяти отличавшихся друг от друга по численности и этническому составу населения, по размерам и другим географическим параметрам феодальных владений Дагестана. Именно краткой историко-географической и экономической характеристике функционировавших в XVIII - нач. XIX в. феодальных владений Дагестана с использованием имеющихся в распоряжении исследователей источниковых данных, а также в ряде случаев и историко-этнографического материала и посвящена первая часть данной работы.

Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что не все феодальные владения Дагестана играли одинаковую роль в экономической жизни Дагестана, в политических событиях, происходивших в регионе в изучаемый период. Многим из них приходилось испытывать политическое влияние соседних феодальных владений, а нередко и чужеземных государств, стремившихся к утверждению своего политического присутствия и влияния на Кавказе, в частности в Дагестане. Речь идет о наиболее активных участниках международных политических событий в Прикаспии, в которые так или иначе оказывались втянутыми феодальные владения Дагестана в результате таковой активной и даже агрессивной политики правителей России, Ирана и Турции.

В данной работе раскрыты состояние и роль экономических взаимосвязей между феодальными владениями всех трех частей Дагестана (Северного, Среднего и Южного). Такая разбивка оказалась необходимой, чтобы полнее показать как саму суть экономических взаимосвязей феодальных владений, так и место и роль каждого из них в общедагестанском и региональном плане в экономических отношениях жителей разных географических зон Дагестана, в конечном итоге намечавших формирование своего рода единого общедагестанского экономического пространства.

Приведенный во второй части данного исследования фактический материал позволяет утверждать о том, что в XVIII-

начале XIX в. шло складывание общедагестанского рынка даже на основе в целом меновой торговли, в которой довольно широко использовались и иностранного происхождения деньги-монеты из драгоценных металлов (золото, серебро, медь и т.д.) – российского, иранского, турецкого, европейского и т.д. производства. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в Дербенте еще со средневекового периода существовала традиция чеканки своей монеты, функционировал монетный двор. Однако в Дагестане ни ранее, ни в исследуемый период не сложилась единая денежная система, которая обычно стимулирует формирование единого для всех частей страны рынка.

И здесь можно сказать, что политическая раздробленность Дагестана на более, чем десять феодальных владений и на более 60-70 союзов сельских обществ при этом играла далеко не последнюю роль. Она тормозила развитие товарно-денежных отношений, хотя торговый обмен практически охватывал все феодальные владения горного, предгорного и равнинного Дагестана.

Необходимо также подчеркнуть, что формирование единого общедагестанского торгового рынка нельзя смешивать с формированием единого общедагестанского экономического пространства, так как экономические отношения между феодальными владениями или государственно-территориальными структурами разных зон Дагестана состояли не только из торгового обмена, в который каждая из них выставляла результаты труда своих жителей в области земледелия, животноводства, домашних промыслов и ремесел.

Экономические отношения были более шире, глубже и жизненно значительнее, охватывали как торговую, так и производственную сферы. Здесь имеется в виду то, что жители гор ежегодно вынуждены бывали перегонять свои многочисленные отары овец на равнинные зимние пастбища, в свою очередь, давая жителям равнинных и предгорных сел в обмен на это возможность перегонять их овец на альпийские летние пастбища, располагавшиеся в горной части Дагестана.

В своего рода экономических производственных отношениях жители феодальных владений горного Дагестана вступали с жителями феодальных владений равнинного и предгорного Дагестана при решении жизненно важной для них зерновой проблемы: жители множества горских селений Дагестана при-

нимали непосредственное участие в пахоте, посеве и уборке (особенно в уборке зерновых) урожая жителей равнинных сел Дагестана, получая за свой труд натуральную плату зерном.

Этот своего рода сельскохозяйственный отход своими корнями уходил и в более отдаленные от изучаемого нами периода истории времена и играл огромную роль в жизни жителей как горной, так и равнинной частей Дагестана. Он был жизненно важен жителям этих зон, облегчал решение основных экономических проблем хозяйств контактировавших сторон. В конечном итоге эти связи оказывали благотворное влияние на процесс и политической интеграции народов Дагестана.

Кроме того, имел место в Дагестане также строительный и ремесленный отход. Жители горских сел в поисках средств существования уходили на строительные работы, возводили дома и общественные здания (мечети, в частности) в равнинных селах, организовывали в них временные мастерские по производству керамических изделий и изделий других промыслов. В историко-этнографической литературе можно встретить много фактов такого характера, относящихся и к изучаемому нами периоду.

Основное направление таких экономических контактов учитывало сложившуюся в Дагестане издавна хозяйственную специализацию жителей разных естественно-географических зон Дагестана на производстве продукции животноводства (горная зона) и земледелия (предгорье и равнина). Иначе говоря, с гор в плоскостные села (равно в феодальные владения равнинной зоны Дагестана) поступали мясо-молочные продукты, скот (овцы – в основном), изделия домашних промыслов, а из равнинных сел в горные села везли в обмен на все это зерно, соль, изделия мастеров равнинных сел (одежда, ковры).

Приведенный в работе материал убеждает в жизненной необходимости и важности указанных экономических контактов для жителей всех феодальных владений Дагестана. Трудно указать какое-либо феодальное владение Дагестана, которое бы существовало особняком, не поддерживая экономические контакты хотя бы с одним-двумя соседними феодальными владениями Дагестана.

Здесь можно указать только на Цахурское (Элисейское) султанство, жители которого были экономически более связаны с жителями Северного Азербайджана, где обычно проходи-

ла зимовка их скота (овец) на арендовавшихся за натуральную плату зимних пастбищах. Но и жители Цахурского султанства поддерживали торговые контакты с казикумухским, ахтынским и т.д. базарами.

Безусловно, некоторые из феодальных владений Дагестана занимали своего рода важную стратегическую позицию и играли более заметную роль в хозяйственно-экономических контактах.

В Среднем Дагестане в экономических контактах жителей феодальных владений этой зоны приоритетную роль играл казикумухский базар, собиравшийся еженедельно и где сходились с торговыми целями жители не только Казикумухского ханства, но и из Аварского и Мехтулинского ханств.

В Засулакии, безусловно, лидером в торгово-экономических контактах жителей феодальных владений этой зоны выступало Эндирейское княжество, в резиденции которого с древних времен собирались базары и ярмарки, а в XVIII-нач. XIX в. даже существовали торговые ряды, стационарные торговые лавки армян, евреев и т.д.

В снабжении зерном и солью жителей Аварии, согласно данным источников, весьма важную роль играли жители Мехтулинского ханства, которые занимались посреднической торговлей.

Естественно, нужно указать и на Тарки, являвшиеся одним из известных и важных торговых центров приморской части Среднего Дагестана. Тарковское шамхальство обладало огромным количеством зимних пастбищ, приносивших шамхам высокие доходы при их сдаче в аренду горским обществам Дагестана.

Лидерство в торгово-экономических контактах жителей Среднего и Южного Дагестана равнинной зоны принадлежало Дербентскому ханству, центр правителей которого, Дербент, притягивал торговцев, ремесленников и предпринимателей не только Дагестана, но и даже России, Индии, Ирана, Азербайджана. Для жителей Табасаранского майсумства и Кайтагского уцмийства дербентский рынок являлся основным местом, где они решали свои торгово-экономического характера проблемы.

В целом же разнообразные торгово-экономические контакты жителей феодальных владений Дагестана в XVIII- начале XIX в. играли большую роль в решении их жизненно важных

экономических проблем. В то же время они способствовали укреплению дружественных отношений между ними в опасные для их политической независимости от иноземных завоевателей периоды.

Необходимо отметить, что в источниках по истории Дагестана освещаемого здесь периода не удалось обнаружить какой-либо документ или акт, подписанный кем-либо из феодальных правителей Дагестана о запрете или об особом поощрении ими торгово-экономических отношений их подвластных с подвластными других феодальных владений.

Это значило, что феодальные владетели Дагестана никому не препятствовали заниматься торговлей, не вводили ограничений в этом вопросе. Более того, они были сами заинтересованы в расширении торгово-экономических контактов своих подвластных, особенно в их связях с российскими военно-административными и торговыми центрами на Северном Кавказе, куда они посылали и своих собственных торговцев и т.д.

Развитию торгово-экономических взаимосвязей жителей феодальных владений Дагестана больше препятствовало отсутствие хороших, удобных для проезда колесного транспорта дорог, разная система мер и весов, отсутствие своей общедагестанской денежной системы. Но жизненная необходимость решения насущных хозяйственных проблем заставляла дагестанцев преодолевать все эти препятствия. Ничто не могло полностью прекратить сложившиеся издавна торгово-экономические контакты жителей разных зон и государственно-политических структур Дагестана ни в XVIII- начале XIX в. ни позже.

И все же необходимо отметить, что отдельные части Дагестана экономически более тесно были связаны с соседними народами Азербайджана (Элисуйское султанство), Грузии (жители Аварии), Чечни (Аварское ханство), где в обмен на свою продукцию животноводства и изделия домашних промыслов они приобретали зерно и другие необходимые товары. На взаимовыгодной основе контактирующими сторонами решалась и проблема выпаса скота на зимних закавказских пастбищах (Азербайджана и Грузии), а также на летних альпийских пастбищах Северо-Западного Дагестана.

Именно такова была традиционная система решения насущных экономических проблем жителями феодальных владений равнинного и горного Дагестана в XVIII- начале XIX в.

Библиография

А. Опубликованные документы и материалы:

Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис. Изд-во Кавк.горск.управ. 1873. Вып. 7 С. 1-128.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис. Тип. глав.упр. наместн. Кавказа. 1866-1904. Т. 1-12.

Бугков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб. Тип. императ. АН. 1869. Ч.1-3

Всепопданнейший рапорт ген.Ермолову от 7 июля 1820г. // АКАК. Тифлис. 1875. Т. VI. Ч. II.

Высочайшее повеление ген.Ермолову от 22 июля 1820г. // АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II.

Генеология Елисуйских султанов // АКАК. Тифлис. 1869, Т. III.

Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728г. // ИГЭД. М. 1958. С. 60-124.

Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. Сост., введ., вступит.статья к текстам и примеч. проф. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1992

Дагестанская область: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья /Издание Закавказ.статистич.комитета. Тифлис. Тип. И.Марторисианца, 1890.

Докладная записка Елисуйского султана кап. Даниель-бека барону Розену от 9 марта 1832г. // АКАК. Тифлис. 1881. Т. VIII.

Документы о ханстве Кюринском. // АКАК. Тифлис, 1873, Т. V; Из истории права народов Дагестана. Матер. и документы. Сост. А.С.Омаров. Махачкала: Тип. Даг.ФАН СССР, 1968.

История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Арх.мат. /Под ред. М.О.Косвена и Х.- М.Хашаева. М. 1958; Материалы по истории Дагестана и Чечни. Под ред. С.Бушуева и Р.Магомедова. Махачкала: Даггос. издат. 1940 Т. III. Ч. I. 1801-1839гг.

Описание Кюринской провинции от 1812г. // АКАК, Тифлис. 1873. Т. V.

Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. /Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант» ЦГАРД. Махачкала. 2002.-482 с.

Отрывок из географического описания Дербента ботаника Ландеса // АКАК. Тифлис. 1868. Т. II. Ч. I.

Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX в. Арх.материалы. //Тифлис, 1868, Т. II. Ч. I.

Письмо ген. Ртищева к Джарскому обществу от 26-го сент. 1813г. //АКАК. Тифлис 1873. Т.V.

Письмо джарских обществ к ген.-л. Кноррингу //АКАК. Тифлис. 1866. Т.1.

Письмо кн. Цицианова к Мамед-Хасан-хану от 21 марта 1803г. //АКАК. Т.П. Ч.П.

Рапорт ген.-м. Пестеля ген. Ермолову от 14 июня 1818г. //АКАК. Т.VI. Ч.П.

Рапорт кн. Цицианова царю от 17 апреля 1803г. //АКАК. Тифлис. 1868. Т.П. Ч.1.

Рапорт ген.-м. Хатунцова ген. Ртищеву от 25 июля 1815г. //АКАК. Тифлис. 1875. Т.V

Русско-дагестанские отношения в XVIII-начале XIX в. Сб. док-тов. Сост. В.Г.Гаджиев, Д.-М.С.Габиев, Н.А.Магомедов, Ф.З.Феодаева, Р.С.Шихсаидова, М.Наука. 1988.

Русско-дагестанские отношения XVII- первой четверти XVIII в. Док. и матер. Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

Феодальные отношения в Дагестане в XIX- начале XX в. Архив.матер. (Сост., предисл. и примеч. Х.-М.Хашаева. М.: Глав.ред. вост.лит-ры, 1969г.)

Эпиграфические памятники Северного Кавказа. На араб., персид., турец. языках /Изд.-е текстов, пер., коммент., вступит.статья и прилож. Л.И.Лаврова. М.: Наука. 1968. Ч.2. Надписи XVIII-XX вв. Литература

Б. Монографии, книги:

Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX- нач. XX вв. М.: Наука, 1978.

Аглавов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII-начале XIX в. /Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса/. М.: Наука, 1988.

Агулы. Махачкала: Тип. Дф АН СССР. 1975.

Айтберов Т.М. Закавказские аварцы (VIII- начало XVIII вв.) Махачкала, 2000. Ч.1.

Акбиев А.С. Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв. Махачкала. 2006. С. 110.

Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структуры власти). Махачкала, 1999. – 338с.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала. 1999. Кн.1. 370 с.; Махачкала. 2001. – Кн. II.-324 с. (историческая география Южного Дагестана).

Алимова Б.М. Табасаранцы XIX- нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992.

Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала: Юпитер. 1994; Махачкала, 1929.

Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань: Университет. тип. 1850. Ч.1-3.

Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип: С.Селивановского. 1823. Ч.1-2.

Викторов А.В., Гиммельрейх В.А., Львов П.Л., Микулин И.Н., Эльдаров М.М. Дагестанская АССР. Физико-географический и экономико-географический обзор. Махачкала. 1958.

Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука. 1965.

Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера “Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся” как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука. 1979.

Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1997.

Гаджиев В.Г., Шигабудинов М.Ш. История Дагестана. Махачкала, 1997.

Гасанов М.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XVIII века. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1994.

Гасанов М.Р. Загадки этнонимов Дагестана. Махачкала: тип. Промстройинвест. 1997.

Гиммельрейх В.А. География Дагестанской АССР. Учебное пособие для VIII классов. Махачкала. 1963

Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб. Изданием импер.-й АН. 1785. Ч.III

Гюльденштедт И.А. Историческое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на Академика И.А.Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб. Тип.импер. АН. 1809

Гюль К.К., Власова С.В., Кисин И.М., Тертеров А.А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала: Дагкнигиздат. 1969.

Гюль К.К., Кисин И.М., Тертеров А.А. Природа Дагестана. Очерки. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1959.

Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. /Сост., введ., вступит.ст. к текстам и примеч.проф. В.Г.Гаджиева. Махачкала: Дагкнигиздат, 1992.

Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М.: Университет. тип. 1846.

Добрынин Б.Ф. География Дагестанской ССР. Буйнакс: Даггосиздат. 1926.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. Департамента уделов. 1871. Т. I. Кн. I.

Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М.: Наука. 1980.

Зевакин Г. Азербайджан в начале XVIII. Баку, 1929.

Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб.: тип. К.Винтера. 1835. Ч.3.

Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. М.: Наука, 1978

Ибрагимов Г.Х. Цахурский язык. М.: Наука, 1990.

Историческая география Азербайджана /Глав.ред.акад. АН Азерб.ССР Буниятов З.М. Баку: Элм, 1978

Историческая география России XII-XX вв. М.: Наука. 1975

История Азербайджана /Под ред.акад. АН Азерб.ССР Гусейнова И.А., Сумбатзаде А.С. и др. Баку: Изд. АН Азерб.ССР. 1958. Т.1.

История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т.1; Т. 2. 1968.

История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.Наука. 2004. – 627 с.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917г.) М.: Наука, 1988.

Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы: этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахуров, агулов. Махачкала: тип. Даг. ФАН СССР. 1967

Калоев Б.А. «М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа.» М. Наука, 1979

Каспари А.А. Покоренный Кавказ. СПб.: Родина, 1904

Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М.: Всесоюз.коопер.изд-во. 1959

Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М.: тип. Мамонтова и К. 1890. Т.1-2.

Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура. «Русская тип» В.М.Сорокина, 1902, Вып.1

Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. 1906

Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура: «Русская тип» В.М.Сорокина, 1895

Котов Ф. Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1963

Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л.: Наука, 1982

Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой пол. XIX вв. Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала. 1998

Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1957

Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз. 1994

Мусаев Г.М. Рутулы (XIX- начало XX вв.) Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Юпитер, 1997

Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула: Тип. и литогр. Е.И.Дружинина, 1895

Народы Дагестана. М. Изд.-во АН СССР. 1955

Народы Кавказа М.: Изд-во АН СССР, 1960

Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб.: Тип. воен.учеб.заведений. 1848

Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб.: Тип.воен.учеб.завед. 1847

Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношениях. /Под ред. В.С.Легкобитова. СПб.: Тип.мин.внеш.торговли. 1836. Ч. I, IV

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А.С.Суворова, 1906

Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства Дагестана в XIX- начале XX в. М.: Наука. Глав.ред.вост.лит-ры, 1990.

Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX века) Махачкала, 1996

Петрушевский И.П. Джаро-Белооканские вольные общества в первой половине XIX в. /Ред., вступит.статья, коммент. и примеч. проф. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1993

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. 2-е изд. СПб.: Из книж.склада В.А.Березовского. 1882. Вып. 1. Т.1; Т.2. Вып. 1, 2, 4.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1964

Сказкин Е.В. Литература о Дагестане на западно-европейских языках. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1964

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб. 1901. Кн. IV. Т.XVI-XX.

Тарланов З.К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994.

Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала: Тип. ДФ АН ССР. 1973

Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – нач. XIX вв. (Политический аспект). Махачкала: Тип. АЛЕФ. 2007. – 328 с.

Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала: Тип ДФ АН СССР, 1954

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР. 1961

Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1935

Шиллинг Е.М. Агулы //Панек Л.Б., Шиллинг Е.М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996

Эльдаров М.М. География Дагестанской АССР. Махачкала: Дагучпедгиз, 1980

В. Статьи

Агларов М.А. Территория сельских обществ и их союзов Горного Дагестана в XV-XIX вв. //Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII- нач. XIX в. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1980

Анреп И.Р. Сведения о населении Джаро-Белоканской области и обществ Анцухского и Капучинского. 1839/41 гг. // ИГЭД. М.: Изд.вост.литер. 1958.

Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. //ИГЭД.

Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе //КК на 1858 г. Тифлис, 1857.

Берже А. Прикаспийский край //КК на 1857 г. Тифлис, 1856

Брюханов П.А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти

XIX в. //Сб. трудов Пятигорского госпединститута. Ставрополь: Крайкнигоиздат, 1947. Вып. 1.

Бутинов Н.А. Проблема «Природа и культура» в этнографической науке //Роль географического фактора в истории докапиталистического общества. Л.: Наука, Лен-е отдел-е., 1984.

Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд.вост.лит-ры, 1958.

Венедиктов М. Взгляд на Кавказских горцев //Сын отечества. СПб., 1885 г. Ч. 188.

Ган К.Ф. Опыт объяснений Кавказских географических названий // СМОМПК. Тифлис, 1909, Вып. 40.

Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Гумилев Л.Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // НАА, М., 1970. № 1.

Десимон А.Ф. Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост.лит-ры, 1958.

Дирр А.М. Современные названия Кавказских племен // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40

Дренякин И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост.лит-ры, 1958.

З.Л. Поездка Г.Беккера по Южному Дагестану //ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. Отд. IV. С. 30-51.

Иванов И. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией //Исторический журнал, 1940. № 2.

Казикумухские и кюринские ханы. //ССКГ. Тифлис, 1868 г. Вып. 2.

Калоев Б.А. Агулы (Историко-этнографический очерк) // КЭС. М., 1962. Вып. 3.

Калоев Б.А. Агулы //Народы Дагестана. М.: Изд. АН СССР, 1955.

Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. //ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Козлова А.Н. «Наме-йн Алмара-йн Надири» Мухамеда Казвини о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран //Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1986.

Козлова А.Н. Страницы освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1976. Вып. XVIII.

Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873, Кн. 8.

Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области // СССК. Тифлис, 1869. Т. 1.

Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Краббе К.К. Замечания о Докуспаре, Ахтах и Рутуле. До 1835 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806. // ИГЭД. М.: Изд. вост. лит-ры, 1958.

Лавров Л.И. Рутулы в прошлом и настоящем // КЭС. М.: Л. 1962. Вып. III.

Лавров Л.И. Рутульцы // Народы Дагестана: Сб. статей. М.: Изд. АН СССР, 1955.

Ленин В.И. О государстве: Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Пол. собр. соч. Т. 39. С. 64-84.

Лерх Я. Продолжение известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию, с 1745 по 1747 года // Новые ежемесячные сочинения. СПб., месяц август 1791. Ч. LXII.

Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7.

Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. литер., 1958 г.

Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1965, Т. 14.

Маретина С.А. Роль географического фактора в общественном развитии горных народов Индии // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л.: Наука, Лен-е отд-е, 1984 г.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I.

Мусаев Г. Из прошлого рутулов // ВИЭД. Махачкала. 1976. Вып. VII.

Неизвестный автор. Описание Дагестана. Конец 20-х или начало 30-х годов XIX в. // ИГЭД. М.: Изд. вост. литер., 1958.

Никольская З.А. Цахуры // Народы Дагестана. М.: Изд. АН СССР. 1955.

Османов М.-З.О. Формы скотоводства даргинцев в XIX-XX вв. (в связи с регионами видового содержания скота и хозяйственно-культурными типами // Хоз-во, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1977.

Петрушевский И.П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне Российского завоевания // Исторический сборник Л., 1934.

Петухов П. Очерк К.-Табасаранского округа (в Южном Дагестане) // Кавказ, 1867. № 7, 8, 12, 13, 15, 17.

Ртищев Ф.Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. литер., 1958.

Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. литер., 1958.

Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. литер., 1958.

Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796. // ИГЭД. М.: 1958.

Сулейманов Н.Д. Агулы // Советский Дагестан. Махачкала, 1974.

Тормасов А.П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД.

Фон-Плотто А.И. Природа и люди Закатальского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4.

Шиллинг Е. Цахуры // Панек Л.Б., Шиллинг Е.М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996.

Шнитников Ф.А. Описание Кубинской провинции, 1832 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. литер., 1958.

Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // Уч. зап. Свердловского госпединститута (Исторический). Свердловск, 1938. Вып. 1.

Яишников Т.Н. Описание владения илисуйского султана. 1831 г. // ИГЭД. М.: Изд. вост. литер., 1958.

Г. Диссертация

Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX вв. (Исследование социально-экономического развития и структуры административно-политического управления): Дисс.. д-ра ист. наук. Махачкала, 1990.

Асланов Д.А. Социально-экономическое и политическое развитие Кюринского ханства в XIX веке: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2000

Брюханов П.А. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период завоевания Россией и походы А.П.Ермолова в горы: Дисс... канд.ист.наук. М., 1941.

Джамалова Х.М. Рутулы: социально-экономическое и политическое развитие в XVII – первой половине XIX вв. Дисс... канд.ист.наук., Махачкала, 2000.

Закарияев З.Ш. Социально-политическое развитие союзов сельских обществ Самурской долины в XV-XVIII вв. Дисс... канд.ист.наук. Махачкала, 2000.

Рагимова Б.Р. Сельская община у самурских лезгин в конце XVIII- нач. XIX в. Дисс... канд.ист.наук. Махачкала, 1987.

Саидова М.В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. Дисс... канд.ист.наук. М. 1947.

Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения народов Дагестана в XVII- начале XIX в. (Исследование экономической, политической и культурной интеграции народов). Дисс... докт.истор.наук. Махачкала, 1994.

Умаханов Р.М. Мехтулинское ханство в XVIII – нач. XIX в.: социально-экономическое развитие и политическое положение. – Дисс... канд.истор.наук. Махачкала. 2001.

Д. Авторефераты

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XV-нач. XIX в. /Исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса/ Автореф. дисс... д-ра ист.наук. М. 1968.

Карпов Ю.Ю. “Вольные” общества Северного Кавказа в XVIII- первой половине XIX веков: к вопросу о роли патриархально-родовых и общинных институтов в процессе формирования раннеклассовых отношений. Автореф. дисс... канд.ист.наук. Л., 1984.

Магомедов Н.А. Экономическое развитие Дербентского ханства в XVIII в. (Ремесло, торговля, налогово-финансовая система). Автореф. дисс... канд.ист.наук. Нальчик, 1984.

Умаханов Р.М. Мехтулинское ханство в XVIII – нач. XIX в.: социально-экономическое развитие и политическое положение. Автореф. дисс... канд.истор.наук. – Махачкала. 2001. – 22 с.

Список сокращений:

АВПР – Архив внешней политики России Министерства иностранных дел

АКАК – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис.

ВУА – Военно-ученый архив

Г. – год

Д. – дело

ИГЭД – История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. М. 1958

ИИАЭ ДНЦ РАН – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук

ИИЯЛ ДФ АН СССР – Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР

КК – Кавказский календарь

Л. – Ленинград

Л. – лист

МИДЧ – Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940

М. – Москва

Оп. – Опись

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. М.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Москва

Р. – Река

РФ. – Рукописный фонд

С. – село

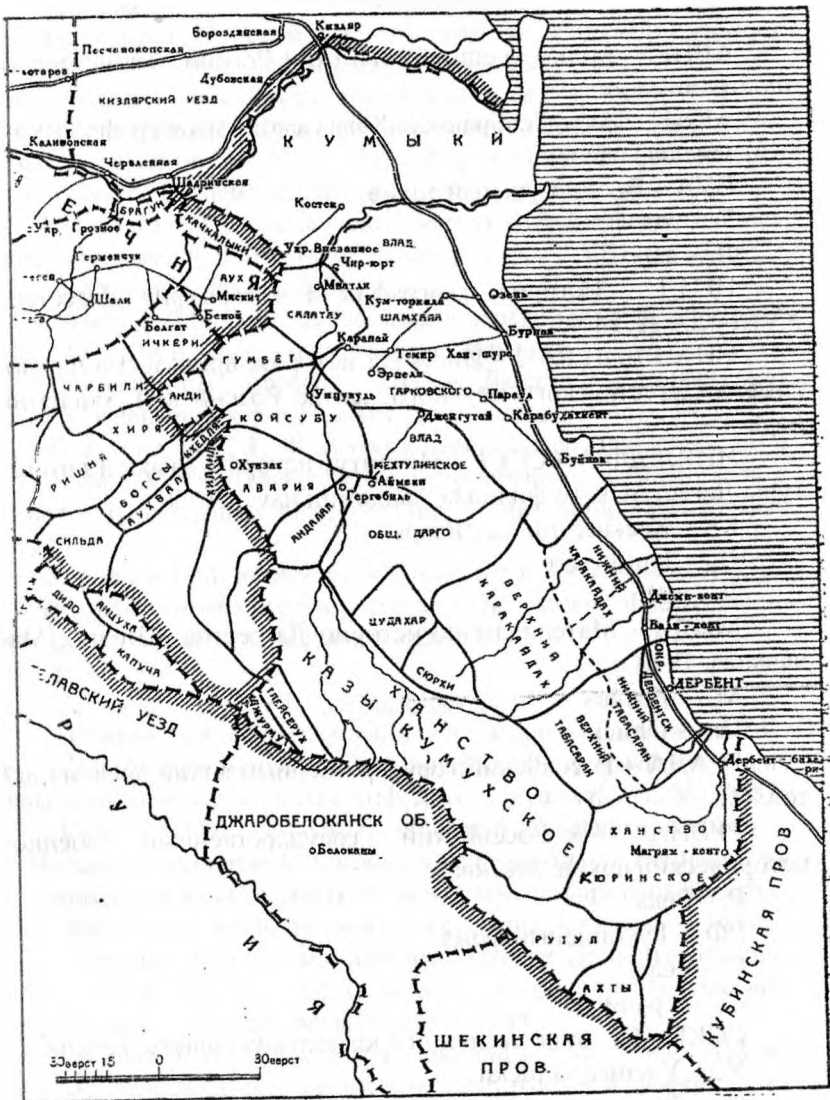
С. – страница

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис

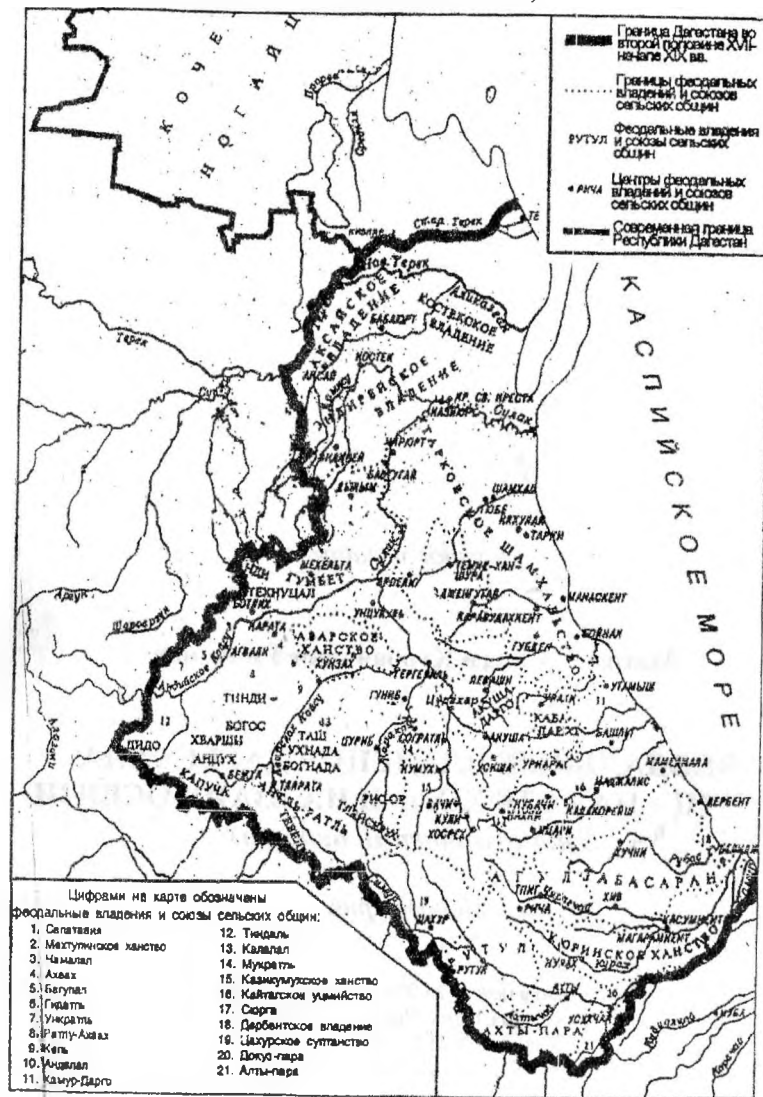
УЗ – Ученые записки

Ф. – Фонд

ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан. Махачкала.

Политическая карта Дагестана (40-е годы XIX в.).
(Из «Карты политического состояния Кавказа»)

Карты взяты из книги: Б.Г. Алиев, М.-С.К. Умаханов. Историческая география Дагестана XVII - нач. XIX в. Махачкала, 1999. Кн. I.; С.Ш.Гаджиева. Кумыки. М. Наука. 1961. 388 с.

Научное издание

Магомед-Салам Курбанович Умаханов

**ФЕОДАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ДАГЕСТАНА
В XVIII – НАЧАЛЕ XIX в. И ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ
(экономический аспект)**

Монография

Подписано в печать 20.08.08. Формат 60х90 1/16.

Гарнитура Times. Печать ризографная.

Усл. печ. л. 21,8. Уч.-изд. л. 20,6.

Тираж 500 экз.

Типография АЛЕФ,
г.Махачкала, Дахадаева 21, тел. 8928-2648864

Умахонов Магомед-Салам Курбанович – ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Дагестан.

Родился в с. Цудахар Левашинского района Республики Дагестан. В 1961 г. окончил исторический факультет ДГУ. С сентября 1962 г. работает в системе Российской академии наук.

Основные направления научно-исследовательской работы – борьба народов Дагестана за независимость от иноземных завоевателей в XVI-XVIII вв.; социально-экономическое развитие Дагестана; проблемы классовой борьбы в феодальном Дагестане (XVI-XVIII вв.); экономические, политические и культурные взаимосвязи народов Дагестана; проблемы исторической географии феодального Дагестана и взаимоотношений его феодальных владений, российско-дагестанские отношения и т.д.

Умахонов М.-С.К. – автор или соавтор более сотни научных статей, ряда крупных работ: «Из истории средневекового Дагестана» (в соавторстве). Махачкала. 1970; «Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке». Махачкала. 1973. – 252 с.; «История народов Северного Кавказа...» (соавтор гл. 12). М.: «Наука». 1988; «Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в.». Махачкала. 1999. Кн. 1 (в соавторстве). – 367 с.; Кн. II. «Историческая география Южного Дагестана». Махачкала. 2001 г. – 324 с. (в соавторстве); «Дагестан в XV-XVI вв.» (Вопросы исторической географии). Махачкала. 2004. (в соавторстве). – 496 с.; «История Дагестана с древнейших времен до наших дней». Раздел третий. Гл. I-III. М. «Наука». 2004. Т. 1. С. 297-413; «Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX в. (политический аспект)». Махачкала, 2007. – 328 с. «Феодальные владения Дагестана в XVIII – начале XIX вв. и их взаимосвязи (экономический аспект)». Махачкала, 2008. – 256 с.